

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

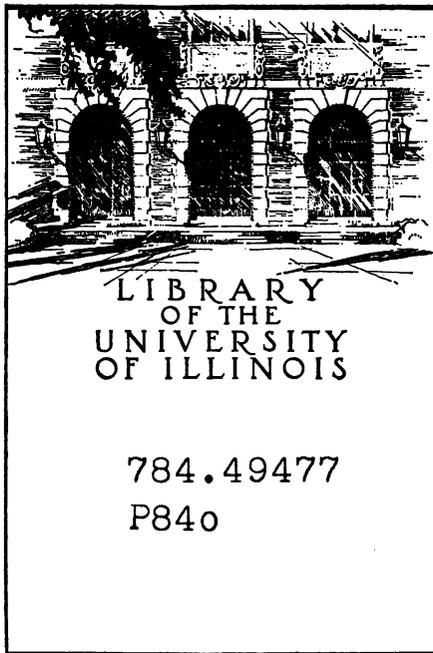
О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

784.49477

P840

OAK ST. HDSF

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUL 10 1980

JUN 17 1980

JUL 21 1981

JUL 06 1981

MAY 22 1984

FEB 09 1987

AUG 16 1989

JUL 20 1989

AUG 17 2009

L161—O-1096

Al-H-7
01-1-2000

OAK ST. HDSF

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

784.49477
P840

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUL 10 1980

JUN 17 1980

JUL 21 1981

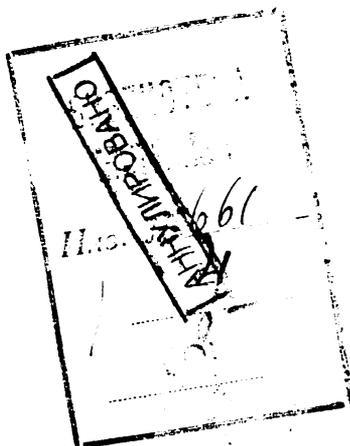
JUL 06 1981

MAY 22 1984

FEB 09 1987

AUG 16 1989

AUG 17 1989

L161—O-1096

1000 1000 1000 1000 1000 1000 1000 1000 1000 1000

1000 1000 1000 1000 1000 1000 1000 1000 1000 1000

А. А. ПОТЕБНЯ.

ОБЪЯСНЕНИЯ
МАЛОРУССКИХ И СРОДНЫХ
НАРОДНЫХ ПѢСЕНЬ.

Отдѣльный оттиск из „Русскаго Филологическаго Вѣстника“.

А. А. ПОТЕБНЯ

ВАРШАВА.

Въ типографіи М. Земкевича и В. Ноаковскаго.

Краковское-Предмѣстье, N 415 (15).

1883.

Прим. Предисловіем к этой книгѣ может служить часть статьи того же автора: Рецензія „Нар. п. Галицкой и Угор. Руси, собр. Я. О. Головацкаго“, Зап. Имп. Ак. Н. XXXVII, II (Отчет о 21 присужд. наград. Гр. Уварова), 103—52, Отд. отт. 40 сл.

784.49477

P 840

I.

Малорусскія пѣсенныя выраженія мысли „что к чему идет“, „что к чему пристало“, „ровня“.

(Ср. „Хто бы мнѣ зналъ жену да супротивную:

„Да и станом мнѣ ровнѣ и умом сверстну,

Кир. П. III, 61 et pass.).

Эта и слѣдующія замѣтки вызваны сочиненіемъ Н. Ф. Сумцова „О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ“, Харьковъ 1881, V+206, уже обратившимъ на себя вниманіе нѣсколькихъ ученыхъ.

Упомянувъ объ умыканьи невѣст „у воды“, авторъ говоритъ (I. с. 104—5): В Люцинск. у. Вит. г. раскольники, похитивъ дѣвушку, объѣзжаютъ ея три раза вокругъ одного большого мѣстнаго озера (Терещ. Б. Р. н. II, 28). В слѣдующей мр. пѣснѣ проглядываетъ древній обычай совершать бракосочетаніе при водѣ и посредствомъ воды:

Ой у (v. на) полі та озеречко,

Там плавало відеречко,

Сосное відеречко, дубовое денечко!

Ходім повінчаймось, мое сердечко,

Костом. в Бесѣдѣ 1872, V, 102; Метл. 27“.

К такому пониманію этой пѣсни привело автора то, что онъ упустилъ изъ виду обычный поэтический приѣмъ, состоящій, говоря вообще, в томъ, что традиціонному поэтиче-

скому образу предпосылаются такія черты, неимѣющія с ним внутренней связи, которыя придают этому образу вид непосредственнаго воспріятія дѣйствительности. В частности этот пріем состоит в изображеніи „того пути“, первоначально дѣйствительнаго, „которым пѣвец приходит к возможности.. вспомнить“ традиціонный образ. Сюда относятся между прочим запѣвы, как: „ой піду я...“, „ой зійду я...“, „ой стану я...“, „ой сяду я...“ и подобныя этим начала заговоров, о чем см. мою ст. „Малорусс. н. пѣсня по списку XVI в.“ Воронеж 1877, 18—20, 24—6, гдѣ (24—5) указана ошибка Аѳанасьева, привившаго упомянутыя начала заговоров за описаніе обряда, сходная с ошибкою г. Сумцова. К приведенным в моей статьѣ мр. и вр. примѣрам прибавлю еще болгарскій. Дѣло идет об общеславянском древнем образѣ умирающаго воина, лишь затронутом в моих замѣтках „К ист. зв.“ II, 3 (Сокол и конь), III, 123 сл. К этому образу пѣсня подходит так:

Се качи'ме ¹⁾ тамо горе,
Тамо горе на планина,
Тамо има ²⁾ бела чешма ³⁾,
Чешма има, води нема,
Сал' ⁴⁾ ми ⁵⁾ има студен камен,
На камену болан юнак... (Верковичь, Нар. п. Макед. Буг. 332); юнак просит орлов неклевать ему очей, пока не напишет письма к матери.

Весьма вѣроятно, что в вышеприведенной мр. п. первые два стиха внесены лицом, которое видѣло перед собою или вспоминало только что видѣнное озерцо с плавающим на нем вѣдром. Этот обыкновенный образ удержан и закрѣплен пѣснью лишь потому, что он приводит на мысль содержаніе третьяго стиха, в символическом значе-

¹⁾ Серб. попесмо се, мы взопли.

²⁾ = мр. аж там...

³⁾ Фонтан.

⁴⁾ Только, лишь.

⁵⁾ Dat. ethicus.

ни коего дано основаніе присоединенія к нему 4-го ст. („ходим повинчаймось“).

Символическое значеніе 3-го ст. („мы пристали друг другу, как дубовое дно к сосновому вѣдру“) сходно со слѣдующим: „нить пристаёт к чему, свивается с чьм“ или „паутина повилась по тыну“, лоза (виноградная) вьется по дереву=дѣвица любит такого-то (ровню). К примѣрам, собранным в моем соч. „О нѣкоторых символах в слав. н. поэт.“ X. 1860, 116—22, прибавлю еще слѣдующее:

Сходство значеній нити, паутины, хмелины, дерева склоняющагося на другое ведет или к переходу одного образа в другой, к варьированью дающему неясные образы, или к тому, что по поводу одного вспоминается другой, к сравненію прибавляется еще сравненіе. На пр. вполне ясен образ:

Ой білая паутина на тин повилася; (=)

(=) Молодая дівчинонька в козака вдалася;

но в слѣдующем:

Ой тонкая хмелинонька на яр повилася;

Молодая дівчинонька в козака вдалася:

Які руки, такі ноги, така й головонька;

(по этому)

Як зійшлися, обнялися—люба й розмовонька

(Укр. п. вид. Баллиної, 23—4; Чуб. V, 309)

„на яр“ (вмѣсто „на тын“, которое дало бы ясный образ), негармонирующее с „повилася“, взято из другого образа: дерево клонится на яр, к другому дереву=дѣвка к парубку, к ровнѣ. Ср.

Зеленая ялиночка на яр подалася;

(вар. Зелёная дубровонька на гай...)

Молодая дівчинонька в козака вдалася,

Чуб. V, 122—3; Сб. пам. нар. тв. Свз. кр., 133.

Этот случай принадлежит к семейству представленій *склонности* (в переносном значеніи, т. е. любви, и отсюда соответствія, равенства) *наклоненіем* в яр, в долину, по вѣтру вниз:

- а) Похилився дуб на дуба, гільем на долину;
Ліпше тебе, любцю люблю, як мати дитину,
Гол. II, 346, 766; I, 263; Метл. 60; Явор, Гол. II, 757; вер-
ба, II, 742;
Похилився дуб на дуба, гільєм на долинку;
(т. е. я ее люблю, но...)
Ой прийдеся з села пійти через чорнобривку,
Гол. IV, 458.
- б) Рубай дерево, куда хилиться;
Віддай, мати, дочку, куда при(й)меться,
Чуб. V, 565; Шейн, Р. н. п., 99;
Рубаю я яворину,
Она паде (наст. вр.) на долину,
Из долини на мураву;
(т. е. люблю тебя и пр.)
Приклонь, мила, свою главу... Гол. II, 552.
- в) Туда лози хилилися, куда им похило;
Туда очи дивилися, куда серцю мило,
Гол. II, 340.
Туди лози хилітєся, куди вітер віє;
Туди очка дивітєся, отки любко іде,
Гол. II, 408 (764—6); ср. Метл. 38; Чуб. V, 324.
- г) Тече річка по каміню, годі ю сперети (нельзя... оста-
[новить];
Міні рибку полюбити, хоть бы умерети,
Гол. II, 742.
Ой вийду я за ворітєчка, да рине вода, рине;
Несилуйте мене за недлюба, да нехай же він згине,
Метл. 243.
- д) Топилися сніги з гори, на долині стали;
Любилися сиві очи, тепер перестали,
Гол. II, 340, 828.
- е) Котилися вози з гори, на долині стали;
Кохалися, любилися, тепер перестали,
Гол. I, 258; II, 344, 401 (727—8); препят-
ствіє в любви: Гол. II, 311, 363, 401; „и не
скреба туди, куди люде“: Гол. II, 426 (550).

ж) Ой у гору та неможу, у долину рушу;
За челлені чоботятя любити я мушу,

Гол. IV, 513.

Неторопливая любовь:

Ой из гори на долину помаленьку зійду;

„Звари, душко, пироженьків: в вечер до тя прийду,

Гол. II, 283, 363.

Слѣдующая пѣсня Хорватов угорских (Kurelas, Jač-ke ili n. pѣsme . . . ruka Hrvatskoga . . . na Ugrih, Zagreb 1871. 3), служит примѣром перехода к другим, синонимичным сравненіям, их собиранія и развитія:

„Ој ти вишна, вишњица!

„Камо ти се нагнула?

—А ја сам се нагнула

К бору ¹⁾ зеленему.

„А ти млада дивојка,

„К кому си се привила?

—А ја сам се привила

К младому јунаку,

Кот ²⁾ ми се привија

И свила к бумбаку ³⁾.—

Лѣпа ти ⁴⁾ је та свила,

Још је лѣпша та мила.

Лѣп ти ли је тај бумбак,

Још је лѣпши млад јунак.

Лѣпо ти је свилу ткат,

Још је лѣпше с милом спат,

Лѣпо ти је с свилом шит,

Још је лѣпше с милом бит.

Для достиженія правильнаго параллелизма, при котором эта пѣсня могла бы состоять только из двух четверостишій,

¹⁾ К соснѣ.

²⁾ Как.

³⁾ Шелк к бумагѣ, на пр. при витѣѣ шнурка.

⁴⁾ dat. eth. = вѣдь.

нужно бы в 6-м ст. этой п. употребить выражение из круга человеческой жизни, как на пр.

Несевайся (bis) трава с повилкой;

Несвайкайся (bis) ¹⁾ молодец с дѣвицей:

Хорошо было свыкаться, тошно разставаться

(Якушкин, Р. п., 181).

Введение новаго сравненія („се привила“) в 6-й ст. влечет за собою прибавку стихов 9—10, объясняющих нарек. Ст. 10—14 есть величанье, показывающее, что с любовью, представляемою свиваньемъ двухъ различныхъ нитей, связывается мысль о соответствіи, согласіи: точка зрѣнія, противоположная той, с которой соединеніе в ткани двухъ различныхъ веществъ есть брак, дающій противоестественную помѣсь (Второзаконіе, XXII, 11; Ген, Культ. растения и домашн. животн., 256). Ст. 15—8, обобщая величанье, уже не обращаясь прямо к величаемому, вносятъ два новые синонимичные образа: ткать и шить = любить. В вариантѣ той же хорв. п. собиратель отмѣтил два ст.

„Одвијаш се од рода

Кот китица од бора“,

указывающіе на то, что пѣсня — свадебная (ср. серб. свадеб. Кар. I, 34: Одви се Маре од рода...) и вносящіе еще один образ, составленный из черт данных в серб.

„Па се вије ружа око бора,

Као свила око ките смила,

Кар. I, 240.

Вышеупомянутый рядъ представленій (шелковина—дѣвица, свиванье — любовь, ср. вр. Шейн, Р. н. п., 455, 509) объясняетъ слѣдующее противоположеніе:

Ай Боже мій милосердний, ти шовкова нитко!

Гей все (всі?) рибки сюда ходят, моєї невидко,

Гол. II, 406.

Возвращаясь к п., послужившей поводомъ к отступленію, мы видим, что между „сосновое відеречко, дубовое денечко“ с его значеніем и „ходім повинчаймось“ — отно-

¹⁾ *Свайка*, любовь. См. мое Сл. о П. Иг. 49.

шеніе основанія и заключенія. В слѣдующем дѣйствительность противорѣчит подобному выводу, и он удерживается в мысли, как основа высказываемаго желанія:

Я по саду ходила,
Цвіт—калину ламала,
Цвіт—калину ламала, до серденька пхала,
Бо-м тяжкий жаль мала.

(Калиновый цвіт утоляет сердечную скорбь, Костомар. Об ист. зн. р. н. п. 46; а какая это была скорбь, видно из слѣд.:)

Ой сосновое ушко,
А дубовое денце
(чего, казалось, недостает для любви и счастья? а между тѣм...);

Чом неговориш, чого загнівався
Мое любое сердце? Гол. III, 297.

... Ой піду-ж бо я, піду
Де з милим сиділа;
(Ой) там була травка, була зелененька,
А тепера почорніла.

(остались одни воспоминанія, неоправдывающія дѣйствительности; ибо)

Ой у полі озерце,
Там плавало відерце:
(Ой) соснові клепки, а дубове денце;
Нецураймося сердце!

(Чуб. V, 81; Ср. ів. 256 и 129; всѣ три, особенно послѣдняя представляют болѣе-менѣе неумѣлыя шивки, с рѣзкими нарушеніями даже внѣшняго единства размѣра).

Дъвица, невѣста = сосуд (чаша, бочка).

а) *Невѣста=чаша* [плавающая по меду, Гол. II, 101 (4)]. Вслѣдствіе большой обычности этого образа, он стал запѣвом многих свадебных пѣсень, неизмѣющим непосредственного отношенія к их содержанию, но представляющим

лишь формальное их опредѣленіе; „у тій чашейці солодок медок“, Гол. II, 117—127; ср. 531—2; вр. „Чарочка медяная гостей упоила...“ Сах, Сказ. р. н., кн. 3, 128—9. Эту чару упускает из рук мать, подхватывает свекровь (Zienkiewicz, Piosenki gm. ludu Pińsk. 50). Один из случаев глубоко-древняго сходства мотивов свадебных мр. и вр. пѣсень: (сваты)

Мімо сад ехали...
Сад поломілі,
Голубы поговілі,
Золотого кубочка
Коньмі розбілі...

(дѣвица плачет, сваты утѣшают:)

Молодая Ганночка!
Колі будеш наша,
То мы сад посадім,
Голубы принадім,
Золотого кубочка

Медью наладім, Zieńk. I. c. 118—20, с чѣм ср. в вр. свадебной: сваты „подломили сѣни новыє“, „раздавили чару золотую“, „выпугали соловья из саду“. Жених утѣшает: „Я солью тебѣ чару золотую... Я у тебя соловей во саду“, Сахар. Сказ. кн. 3, 142—3, 163—4; Шейн, Р. н. п. 454, 461; Колосов, Замѣтки о яз. и нар. п. 50.

б) *Невъста—бочка меду:*

Мід солодейкій,
Чуп (=чоп, зарfen) коротейкій;
Бочку разрубати,
Меду скоштовати,

Голов. II, 119; IV, 389; Чуб. IV, 422, 442 (NB. воронка, с чѣм ср. Шейн, Р. н. п. 554).

Бр. свадеб.:

Мавіла бочечка
У півниці стаючи:
„Калі мяне невыпще,
„Сама выкачусе,

„Па дваре разліюсе,
„() крыніцей,
„Сцюдзёней водзіцы (ей?).

Мавіла Агатка

У таткі сядзючы:

„Калі мяне невыдасі,
„Так я сама пайду ¹⁾,
„Па дваре памаленьку іду,
„За варота у грунь пабягу,

Этн. Сб. III 240 ²⁾.

Отсюда „зробити на коновку денце“ — полюбить дѣвицу, при чем, как в слѣдующей п., символизм принимает на себя облик дѣйствительности (ср. выше стр. 210 и мой Разбор Пѣс. Г. и Уг. Руси Головац, 67, 85—6):

Як я взяла коновочку, пішла по водочку,
А там Федор чорнобривий рубит колодочку.
„Зроби мині, Федорику, на коновки денця,
„Сшию я ти ново платье з мого полотеньця.
„Платье буде роскошное, опийник вишию,
„Лише ти ся непотвори на тоту бестию.

(Гол. II, 426—7, гдѣ 3 двустипія приняты за три коломыйки), т. е. лишь бы ты неполюбил (извѣстной) соперницы.

¹⁾ Ср. серб. *добжелица*, Кар. Рјечн. в. в.

²⁾ Мр. бранное названіе женщины „халява“ („Бахус... Венерю даяти почав... „Невірна, пакосна халява“, Котл. Эн.), хотя могло бы возникнуть и само по себѣ, находится однако в связи с представлением женщины бочкою, ибо бочка с вином загадывается так: „стоит голенище, а в голенищѣ суслое ма-сло...“ (Сах. Ск. Р. н., кн. 2, 97; Худяков, Заг. 16), а в мр. „як неспитъся, заглянь у бочку (т. е. в ближайшем и в даль-нѣйшем переносном значеніи, так как бочка — женщина, а за тѣм, как предрасудок, и в буквальном смыслѣ) *або в халяву*“. Ср. чеш. предрасудок: „чтоб спалось хорошо — переверни (ро-кlor) два горшка на стол“, *Houška Růvěry* 534. Б. м. в связи с этим: „если кто из малолѣтних крѣпко спящій испускает урину на постелю, то того съкут голенищем, вѣря что оно е к прекращенію того великую имѣет силу“, (Чулков) *Абевега* 156—7.

Что приєм в развитіи образа здѣсь дан традиціей, видно из того, что таким же способом из выше рассмотрѣнаго круга представленій „вить (сучить) — любить“ выводится: „*ссучи волоки*“ — полюби:

Ой вівчарю синетарю (?), ссучи ми волоки!

Будеме ся любовати за чотири роки.

Ей ссучи їх, ей ссучи їх, лем оби тоненькі;

Будеме ся туловати, хоть ісьме маленькі.

Ей ссучи ми, ей ссучи ми, оби ¹⁾ ся нервали;

Будеме ся туловати, вби ¹⁾ люде незнали,

Гол. III, 240—1.

Т. о. в предыдущей п. (Г. II, 426) любовник — бондарь, как он и назван в слѣдующей, чисто символической:

... Ой бондаре, бондаре, чога в тебе попрошу:

Набий мені коновочку, що я мед—вино ношу,

А я тобі заплачу—сорочку пошю...

Чуб. V, 905.

На ту же тему есть нѣмец. простонародная п., помнится, слишком прозрачная.

Если женщина—вѣдро или бочка, а содержимое—любовь, то течь — невѣрность — от того, что дно неплотно входит в уторы (общеслав. *ж-торъ, поль. wątor, нарѣзка для дна в ладах или клепках):

Богині в гніві—также баби,

И так же на утори слаби, Котл. Эн.

С „вѣдро и дно“ сходны по значенію слѣдующіе образы:

а) *Koła i rozwora* (drzewo u spodu wozu, rozszczerpione z końca; ср. мр. підтоки, Чуб. VII, 402):

Jaworowe kołka, dębowa rozworka

(Это пара; таким же образом:)

Spodobala mi się Wołasowej córka,

Kolberg, Lud I, 84.

¹⁾ = Оби, чтобы.

б) *Сопілка и денце:*

Вийди, Грицю, на улицю і ти, коваленку,
Заграй мені в сопілочку зтиха помаленьку.

Сопілочка з калиночки, ясенове денце,

(т. е. как же тебѣ молодцу меня нелюбить, такую хоро-
шую? а впрочем...)

Ой хтож мене неполюбить, рожен ёму в серце,

Чуб. V, 10 (уличная).

Знати мого миленького, що вулицею йде;

Сопілочка, як бджілочка у рученьках гуде ¹⁾.

Сопілочка—як бджілочка, дубовое денце,

(= между нами гармонія, по этому)

Як заграє—заспіває, втишить мое серце

(Ромен. у. уличная).

...Та уже ж мені надокучило та миленького ждучи,
(и потому „мислоньки заносять“, ей видится уже, что он
„вертається з дороги“:)

Гей із-за гори із-за кручі скриплять вози йдучи,

Вози скриплять, ярма риплять, воли ремикгають,

По переду мой миленький в сопілочку грає.

(Тут переход к символизму:)

Сопілочка з барвіночка, калинове денце:

(она „грає—вимовляє“:)

„Вийди-ж, мила чорнобрива, потіш мое серце!“

Ук. п. вид. Балл. 77 (ср. Кар. Пјес. I, N 352).

Сопілка — милая, барвінок — дѣвственное зелье, калина —
любовь, играет—вспоминает, любит. Менѣ послѣдователь-
ный символизм (*оріхове д.*=з ліщини) у Чуб. V, 271:

Що сопілочка з барвіночка, оріхове денце,

Як заграє, як сам знає, болить мое серце.—

Неможет от людей укриться не только любовь (Серб.
п. Кар. Пјес. I, 324 (N 444) и сходная новогреческая),
но даже простая привѣтливость дѣвицы:

Їхав козак дорогою: помагай—біг женче!

Вона стала, одказала: „бувай здоров, серце!“

¹⁾ Какое сравненіе!

Та вже тая слава по всім світі стала,
Що дівчина козака серденьком назвала.

Можно думать, что в слѣдующем „калина“ и „ліщина“ есть именно „сопілочка з калиночки, оріхове денце, так что, значит, сама любовь „наробила слави“:

Ой калина говорила, ліщина співала,
Що дівчина за миленьким три рази вмівала,
Гол. II, 775.

в) *Скрипка и струны.*

Есть прямые доказательства, что скрипка (и гусли, бандура)—дѣвица, женщина, играть—любить. На этом теперь останавливаться не буду. Замѣчу только, что сюда—стих известной п. „Ой за гаем, гаем“: „Та наняла козаченька у скрипочку грати“. Точно так „скрипочка з василечка (барвіночка) а струни із рути (м'яяти)“ очевидно может имѣть лишь символическое значеніе (василек—барвінок=козак; рута—м'ята=дівка), как выше *дно* и *сопілка*. Игра на такой скрипкѣ—„людская слава“ (поговорі) ¹⁾:

А скрипочки из липочки, а струнви з ліщини ²⁾:
Як заграє—защечебе, чути до дівчини.
А скрипочки из липочки, а струнви з бервінку:
Як заграє защечебе, чути на Українку,

Гол. II, 397;

Ой скрипочки из липочки, а струни з барвінку:
Як заграю заспіваю, чути на зарінку ³⁾, ів. 252.

Такую игру „далеко чути“; а так как в этом самом или другом сродном кругу представленій сложилась ассоціація „далеко чути — неможна забути“ [Гол. II, 770; ср. ів. 765 (21—4), 767 (33—4)], то игра на скрипкѣ и примѣ-

¹⁾ „Ой неійде дівка заміж без людської слави“.

²⁾ М. б. взято из другого образа: Сопілка, а денце з ліщини.

³⁾ *Рінь* („Перуна рінь“, Лаврент. и Ипат. л. под 988 г.) нанесенный водою пѣсок, мѣль; нынѣшнее галиц. *ринь*, откуда *за-рінок*.

³⁾ См. выше.

няється к случаям, незабвенным по причинам, весьма далеким от любви и ее мирных символов:

... „Ви, молоді новобранці, верніться до дому!“

— — .. Ради би сьми ся вернути, цісарь не пускає,

... Сидит собі на креселку, на скрипочках грає,

А скрипочки з василечка, а струни из руги:

Як заграє в Тернополі, на всю Польщу чути,

Гол. III, 99, с тѣм ср. Чуб. V, 969, 1000 (воловий смичок). Он стал незабвенным именно тѣм, что

Седит цісарь на стілчику, вибранчики пише,

Гол. I, 142.

Кровавая дороженька до самого Відня,

А ктож її покровавив?—рекрутоньки бідні.

... Не так цісарь, не так цісарь, як цісарска мати:

Хтіла нами сиротами Польщу (=Турка) звоівати.

Ой скрипочки из липочки, а кілочки з руги:

Як заграют а во Львові, на всю Польщу чути.

А скрипочки из липочки, а струни з барвінку:

Як заграют а во Львові, чути на Українку,

Гол. III, 111; Чуб. V, 970.

К разъясненію взгляда народа на упомянутое здѣсь явленіе служат пѣсни, в коих упоминается цісарь (Гол. I, 132, 133, 134, 135, 137, 142, 151; II, 298 (285—6), 302, 805 (15, 19), 806—7; III, 111—2, 131; IV, 474), непривычная одежда (ib. I, 143, 145), казарма (ib. I, 150), бѣгство (ib. I, 142, 145); сюда же Зап. ю. з. отд. Геогр. Общ. II, 566—8.

Мнѣніе Н. И. Костомарова относительно образа „скрипочка з василечка и пр.“ см. в Бесѣдѣ 1872, VI, 24—5.

Возвращаясь к вышеупомянутому соч. г. Сумцова и к способам превращенія народнопоэтических образцов в миеологическіе, этнографическіе факты, замѣчу еще:

Вѣрно то, что „заключеніе брака“ может быть „поставлено в зависимость от сбора пшеницы“ (Сумц. I. с.

66) ¹⁾, но в поль.

Jest pszeniczka, będzie mała;

Są dziewczątka, będzie żonka

говорится не это, а тоже, что в мр.

Чорна гречка, білі крупи,

т. е. что „з дівки—молодиця“, к чему мр. п. прибавляет:
тогда

Непопадайсь дівча в руни.

— Может быть и существует вѣрованье, что „молодые оказывают благотворное влияние на растительность“ (Сумц. ib. 71); но в приводимой в подтверждение болг. п.

Кога за Јелка пойдоха,

Вишни—череши цвѣтеха ²⁾;

Кога ³⁾ се с Јелка вернаха ⁴⁾

Вишни—череши узрели,

(из Карадж. Безс. Болг. п. II, 16),

а то, что неvěста была „презморка“ (за-морянка) и сватам было так далеко идти по неvěсту, что между их отправленіем и возвратом прошло время от цвѣтенья до созрѣнья вишень и пр. Так в серб. п. дѣвица плачет, что отдают ее далеко за-муж. Сноха ее утѣшает: меня-дѣ выдали еще дальше:

Када су мене гледали,

Онда су вишне саѣне;

Када су мене просили,

Онда су вишне цватиле;

Када су мене водили,

Онда су вишне зобане,

Кар. II, I, 303; ср. Kurelas Јаѣке, 295.

— Может быть „свѣча на свадьбах служит знаменіем солнца“ (Сумц. 91), но неvěрно и несюда относится то, что будто „в мр. веснянкѣ перед солнцем и мѣсяцем горят зажженные свѣчи“ (ib. со ссылкой на Костомарова

¹⁾ Ср. на пр. Милод. Бѣлг. н. п., 482 (566).

²⁾ Цвѣли.

³⁾ Когда.

⁴⁾ Возвращались.

в Бесѣдѣ 1872, IV, 68). Дѣло идет о сравненіях: свѣтел
= мил, свѣтлѣ—милѣ (в моем соч. О нѣкотор. симв. 40):

Поставлю я свіченьку напротив місяченька:

Чи буде так ясная, як місяченько ясний?

Поставлю я свекронька напротив батенька:

Чи буде такой милый, як батенько рідний?

Конечно, ни свѣча, ни свекор, не выдержат сравненія, ибо „ставитъ против“=сравнивать.

— Имѣют ли болг. выраженія „тояга-та ю Божо дрвце“, „тояга-та из рай излиза“, Карав. Пам. народн. быта Болг. 137—8, отношеніе к обрядному употребленію палки (Сумц. ів. 95), это еще вопрос. Скорѣе в них говорится о палкѣ, как священном орудіи воспитанія, в духѣ стишков (Красицкаго), которыя до недавняго времени печатались в польских букварях:

Rószczka duch święty dziateczki bić radzi,

Rószczka bynajmniej zdrowiu niezawadzi,

Rószczka napędza rozumu do głowy, etc.

II.

Лелю — полелю, диди — ладо. Г. Сумцов (О свад. обр. 46—8, 64, 67, 71) не только вѣрит тому, что с давних пор говорится о мифологическом значеніи этих слов, но даже нѣсколько расширяет их толкованія: „брак Лады, богини весенняго солнца“ и т. п.

1.) Между прочим он говорит: „в польских свадебных п. встрѣчается *Лель* и *Полель*, в русских — только *Лель*“ (47). Проф. В. Миллер, один из послѣдних, писавших об этом (Очерки Арійск. Миф. Асвины-Диоскуры, 296), гораздо осторожнѣе. Он приводит, как источник баснословія Стрыйковского и автора Синописа о Лелѣ и Полелѣ, мѣсто из Кромера *De orig. et reb. gest. Polonoꝝum*, lib. III, p. 30, изд. 1589: „solitos enim viros et mulieres, senes et juvenes ad lusus et choreas pariter convenire in diebus, quos nos Pentecosten vocamus, eumque coetum *stado*, quasi gregem vel armentum appellatum esse“ (ср. смолен. *толпице*, сходки и хороводы на *красной горѣ*, начиная с Оомина воскресенья, когда в пѣснях припѣвают „ой лелю“, Терещ. V, 16—7)... Sunt, qui his (diis Polonoꝝum) addunt *Lelum* et *Polelum*, quos in conviviiis et computationibus appellari adhuc audimus, eos que Castorem et Pollucem esse autumant“. Проф. В. Миллер думает, что то, „почему боги (?) Лель и Полель стали сыновьями Лады, основано единственно на звуковом сходствѣ Лады с греч. Ледой, матерью Кастора и Поллукеа“; что принятые „*двух* богов братьев основано только на припѣвѣ, *lelum—polelum*“, якобы употреблявшемся у Мазуров и Поляков, но, на сколько нам извѣстны припѣвы славянских пѣсень, в послѣдних можно указать только Леля“ (ib. 322).

Мнѣ же кажется, что и этого указать нельзя и что Лель, как имя божества, навязаннаго безвкусницею XVIII в.

даже Пушкину (вмѣстѣ с Харитами и пр.), есть не факт, а очень шаткая догадка. Кромерово „addunt Lelum et Polelum“, как винит. от латинизованнаго именительнаго Lelus, Polelus, ближайшим образом предполагает не Лель, Полель, а лишь восклицаніе „лелю—полелю“. Лишь с меньшей вѣроятностью, на основаніи выраженія Стрыйковского „подпѣвши восклицают лелюм — полелюм“ (В. Милл. I. с. 295) можно допустить, что кромѣ припѣва *лелю* был и *лелюм*, составленный из перваго и сокращеннаго -м из dat. eth. *ми* (ср. припѣв *ели-м* я ладу, Безс. Бр. п. 154 и мр. „що-м (из *ми*) же то за соколѣчок“, Zieñk. P. I. Piñsk. 104; уже в концѣ Ипатьев. сп. лѣт.² „от брата-ть ото Лва“, 600; абы-мь вѣдомо было, 611).

Примѣром того, как возникают учоныя сказки, может служить слѣдующее. Вуйцицкій (P. I. II, 129) свидѣтельствуе, что над Бугом, при выѣздѣ молодых в церковь, поют:

Ей розлейся (е=и?) *Полелю* по бору по кореню;

Ой розплачя, Ганулю, перед родним батеньком,
и замѣчает по этому поводу: „Rozlój się!“ przekleństwo powszechnie (!) używane = żebyś zmarniał, niszczał. Niedziwujmy się, iż w tej pieśni znajdujemy przekleństwo na Polela: jest to dowodem, iż istotnie z dawnych wieków pochodzi. Ze zmianą zakonu, i pieśni też z przeciągiem czasu zmieniano..... Gdy za słowiańszczyzny przedchrześcijańskiej używano pomocy Polela na obrzędach weselnych i przy radośnych biesiadach, potem umieszczono przekleństwo, nieoddalając go wszakże z pieśni weselnej“.

И все это, я думаю, по пусту, ибо на основаніи обычнаго и весьма древняго представленія горя и слезь разливом (мое Сл. о П. Иг. 73—6; разбор Нар. п. Гал. и Уг. Р. Головац., 86—8) и на основаніи сравненія приведеннаго выше двустипшя с бр.:

(Ой) разлійся, *вадзица* а на лугу, на даліне...;

(Ой) розплачя, Ганулька, на раду, на племяні,
Шейн, Бр. п. 199;

считаю нужным читать, вм. „Полею“,

Ей розлийся, *полою*, по бору, по кореню“.

У Даля *по-лой*, поемное мѣсто и разлив; мр. *полій*, род. зв. *полою*, вода выступившая по-верх льда; серб. *полој*, мѣль и поемное мѣсто. Таким же образом от другого, еродного корня, болг. *порой*, поток (или разлив? Миладин. Българ. н. п., 104).

„*Полею*“, хотя б. м. никогда не входило в состав, пѣсеннаго припѣва, хотя б. м. никогда ни для кого, кромѣ ученых, не означало божества, непохоже однако на выдуманное слово. Относительно его происхожденія предлагаю такую догадку:

Для выраженія многократнаго, частаго, послѣдовательнаго повторенія дѣйствія служит между прочим не только повтореніе глагольнаго междометія и глагола без союза и с ним [мр. тупу—тупу!; шупу—шупу! (=вр. шушү); як туп, так туп; ходить та й ходить, як ходить, так ходить], но и оборот, в коем на втором мѣстѣ ставится глагол с предлогом *по* (=послѣдовательность во времени). Болѣе архаично здѣсь употребленіе глагола в одной и тойже формѣ (мр. ходить—походить, болг. расла—порасла); новѣе—усиленіе степени длительности второго глагола: мр. ходить—похожае, вр. ходит—похаживает. С тѣм же предлогом и значеніем ставится и глагольное междометіе, на пр. в мр. анекдотѣ про Литвина: „ѣн мене кеды-некеды (изрѣдка) абухом, а я яго *шастү-пашастү* (часто) кашелѣм“ (Ном. 16). Таким же образом для выраженія частаго повторенія припѣва *лею!* (а м. б. и *лею-м*) могла сложиться поговорка *лею — полею*. Ср. „*lelum — polelum, fistum pofistum, verba effutitia*, Rysiński, Przypowieści Polskie, у Линде s. v.

Если это так, то осталось бы отыскивать значеніе одного только припѣва „*лею*“, который в этой или сходной звуковой формѣ встрѣчается в весенних пѣснях, имѣющих, по видимому, отношеніе к совершившемуся или предстоящему браку. а) Молодым на третій день свадьбы и потом, когда они катаются на масляницѣ, кричат „о лею, моло-

дые“, Днев общ. перекотск. Чт. в Об. И. и др. 1846, II, 26. б) В пѣснѣ, сопровождающей „вьюнец (вьюнишник, вьюнитство, см. мое соч. К ист. зв., II, 11)“, обряд совершаемый в Суботу на Святой (Даль) или в воскресенье на Ёминой (одновременно с вр. Радуницею и серб. дружичало) и состоящій в привѣтствіи молодым в первую весну послѣ их брака, Терещ. V, 16—7. Ни из чего невидно, чтобы в этой пѣснѣ:

Ой лелю, молодая, о лелю,
Ты вьюная, о лелю,
Ты по горницѣ пройди, о лелю,
Покажи свое лицо, о лелю, и пр.

„Лелю“ имѣло смысл ласкательнаго слова, обращеннаго к молодой (Сумц. I. с. 47). в) М. б. в связи с „вьюнцем“ припѣв вр. лѣтней, хороводной пѣсни о выборѣ молодым дѣвицы:

Вью, вью, вью, лелю!

(из Прача Терещ. IV, 216; таже п. с припѣвом „лели“, Сах. 3, 45, „леле“ ib. 70). Подобные припѣвы (лели, люли, люлюши) часты в вр. хороводных. Мр. п. с припѣвом „люлюшки-люли“ (Черниг., Метл. 295) — заимствована из вр. г) В серб. „квалицких“ пѣснях (Троицких), величальных, имѣющих отношеніе к браку:

Овде нама кажу, лело,
Мому неудату з, лело.
Ја л' је ви удајте,
Ја л' је нама дајте, лелѣ,
Да је ми удамо

(Карадж. Рјечн. Кралице; „лела-ле“ ib. в. в.; Карадж. Пјесме I, 97—116; Милићевић, Живот срба, Гласник V (XXII), 100). д) В болг. великодной („леле“), Каравелов, Пам. н. б. 214) и Лазарской:

„Леле, леле, Лазара, о Лазаре!

Миладин. 493. е) Припѣв въкоторых мр. колядок „лелия“ (на пр. Гол. II, 33; IV, 50—1) можно разсматривать, как видоизмѣненіе того же „лелю“ под вліяніем христіанскаго „алилуя“ („гей, гей, лелия“ в колядкѣ о Рождествѣ X,

Гол. IV, 31;

Алилуй, гей алилуй,
Господи Боже, помилуй!

в колядкѣ Господарю, Гол. II, 3, 8—9). Сюда же, по видимому, припѣв литовской великодной пѣсни, по размѣру и содержанію равной мр. щедровкам: *Ľábas wákars, ron gaspádor, Vaj Ľáŭ, Ľáŭ, Ľáŭ, ron gaspádor* и пр., откуда *labiti* пѣть такія пѣсни, *laŭauninks*, волочобник, А. Juškevič, *Liétuviškos dajnos*, I, 301.

От этого „лелю“ слѣдует отличать междометіе: мр. леле, лелечко! (горе! бѣда!); серб. леле мене до Бога једнога! леле мени! куку леле! (vae mihi); болг. о лель, id. В этом смыслѣ в болг. п.:

Заплакала ми голѣма нива...:

Оо леле, Боже! оо мили Боже!

(Милад. 504), точно так, как в „леле майко“, ib. 134, а никак не в том, что „леле“ есть эпитет к „Боже“ (ср. В. Миллер, Оч. Ар. мнѣ. 322).

Вот все болѣе-менѣе достовѣрное, что можно скáзать теперь о припѣвѣ „лелю“. Нельзя утверждать, что упомянутое выше мр. серб. болг. междометіе *леле!* возникло из *лелю*, хотя это и возможно, в виду того, что припѣв болг. лазариц „леле“, по видимому тождествен с „лелю“. Нельзя утверждать, на вѣрно, и того, что „лелю“ образовано как междометія „тупу“, „шушу“, ни того, что оно есть звательный м. р. имени с темою на у (как сыну, рау), при именит. *лель*, которое наши предшественники слишком поспѣшно возвели в значеніе собственнаго имени божества брака, солнца и пр. Конечно, в пользу того, что *лелю* есть зват. можно привести слѣдующее сравненіе:

Диди в припѣвѣ *диди ладо*, о коем—ниже, могло бы быть звательным от темы на и (и=литов. ě: господи=лит. зв. *vėsapatė* от *vėsapat(i)s*; ср. Mikl. Gr. III², 3). Относительно значенія уже с давних пор сравнивают лит. *didis* великій и *dėdas*, *дѣдъ* [между прочим, Соловьев, Ист. Р. I¹, 65: дид (дѣд) Ладó, т. к. Русскіе назывались внуками Дажьбога]. Каково бы ни было в частностях отношеніе

didis к *дѣд* (П. Лавровскій, Корен. знач. в назв. родства, 32—3, „в противность Гильфердингу“ полагает, что не *dēdas* получило значеніе от *didis*, а на оборот), слова эти сродны.

Подобно этому *лелю* (собств. *лѣлю*) сближают с латыш. *lēls* великій (лит. *leilas*, тонкій и высокий, о людях; изношенный, истертый, о вещах), а то и другое с ц. сл. *лѣля*, болг. *lele*, тетка, рум. *лѣле*, старшая сестра, алб. *ljaljē*, отец, старшій брат, древан. *nos lgōlga* (=nos lela), наш дѣд (о Богѣ), Соловьев, Ист. Р. I, Прим. I, 77 со ссылкой на Добровскаго *Slovanka* I, 13; *Mikl. Lex.* *лѣля*.

Тот, кто бы захотѣл видѣт в припѣвах *диди* и *лелю* значеніе „дѣд“, „дядя“ и т. п., мог бы вспомнить, что как в извѣстной весенней хороводной пѣснѣ „сѣянье прося“—припѣв „диди ладо“, так в сродной словацкой, хорв. моравской (мощенье золотого моста, выдача дѣвицы за проѣзд через него, *Sbornik Matice Sloven.* I, 144; *Kurelac*, *Jaške* 293; *Hanuš*, *Bajeslovný kalendař* 154; *Sušil*, *Mor.* p. 730) есть припѣв „Hoja, duňda (*djundja*, морав. *ja-junda*), hoja!“, в коем среднее слово напоминает серб. *дундо*, дядя. У Гуцулов к отцу (дядику) обращаются называя его *лелю*, *Гол.* II, 130; *лельку*, *Голов.* IV, 347, 353. Имѣет ли *диди* какое либо отношеніе к припѣю серб. додольских п. „Oj додо ле, мој Боже ле!“ *Кар. Пјес.* I, 111, не ясно.

Все это имѣет лишь слабую степень вѣроятности. Весьма много сомнительнаго и в слѣдующем мнѣніи В. Миллера:

„Корень припѣва *леле* конечно (?) тот-же, что в... *лельять*, и соотвѣтствует инд. *лал-*, играть, шутить, *causativ.* *лалај-*ласкать; от этого корня происходят слова: *лалана-*, играющій (про игру свѣта), *лаланâ*, женщина, супруга, *лалана-м* игра, *лалата* игривый милый, и наши *лѣля* (владим.) крестный отец и крестная мать, *лѣля* (? лѣля), дѣтская рубашечка (кур. и бр.), ц.-сл. *лѣля* тетка... Тот же корень с гласным *у*, *лул-* имѣет болѣе конкретное и потому первоначальное значеніе двигаться, колы-

хаться, откуда скр. *лола* подвижной, *лѳлата* сладострастїе. Ср. наше *люлька* колыбель и припѣв *люми*. И так оба... припѣва *леле* (*лелю*) и *люми* восходят к древнему глагольному корню, и уже потому не могут считаться звуками, лишенными всякаго значенїя. Этот корень выражал понятїе любви физической и нравственной и слова *лель* и *леля* означали первоначально приблизительно тоже, что *Ладъ* и *Лада** (Оч. Арїйск. мнѳ. I, 323). Прежде всего считаю невозможным заключенїе: в производных словах встрѣчается значенїе любви, следовательно это значенїе заключено было в корнѣ (ср. мое соч. Из запис. по Русс. Гр. I, 21 сл.). В частности это противорѣчит данным, ибо ни скр. *лалати*, шутит, играет, ни скр. *лѳлати*, движется, волнуется, никакой любви неозначают. Поэтому, чтобы сдѣлать вѣроятным, что *лелю* и *люми* имѣют какое либо отношенїе к любви, нужно было бы приурочить их к производным, притом славянским словам с этим значенїем, что едвали может быть сдѣлано. Невидно также достаточных основанїй для сближенїй: а) *лельяти* и названїй старших родственников (*лья* и пр.; ср. выше сближенїе с лотыш. *lēls*); б) *лельять* и *лелю*. Впрочем семейства *лел-* и *люл-* дѣйствительно сходны ¹⁾.

¹⁾ *Лельяти* (и *-ся*), волновать(ся), качать на руках (дїтя) и отсюда—воспитывать; блестять, я сблизил с скр. интенсивным от *лї*, *лѳлајати*, колеблется, качается, дрожит (Сл. о II. Иг. 95—7), то есть отнесъ к корню, как в *лѳнѣть*. Но т. к. слав. *е* предполагает в скр. не *ѣ*, а *а*, и т. к. есть мр. (галиц.) формы *лелїти*, кучерї *лелїи*: то лучше дѣлать *лѳл-лѳ-яти*, сближая это слово по корню с скр. *лал-а-ти* шутит, играет, причинн. *лѳлајати*, ласкает и пр., как это сдѣлано в Словарѣ Бетлинга и Рота. Сюда же вр. *лелякатъ* лалыкать, говорить по дѣтски, *л* вм. *р* (скр. *лал-анѳ*, язык, от движенїя его) и вр. мр. поль. *лля*, кукла, ребенок.

Русс. *люлю* и *люли* припѣв при убаюкиванїи ребенка, *люляти* (мр., Метл. 2), *люлюкать* укачивать дїтя, *люлька* колыбель и соответственные слова с тѣм же значенїем во всѣх славянских нарѣчїях имѣют при себѣ: литов. *lul-ėti* волноваться (о морѣ), дрожать (о жирѣ на тѣлѣ), *luloti* качаться на качели

2.) В. Миллер (Оч. и пр. 318), ссылаясь на Аэанасьева (П. В. I, 227), находит, что нужно быть слишком недоверчивым, чтобы сомневаться о существовании славянской богини Лады, соответствующей Фреѣ, Афродитѣ, Венерѣ. Так думали и прежде (Hanuš, Bajesl. kalendař, 154).

Однако:

а) В *Mater verborum* глоссы „*Lada, Venus, dea libidinis*“, равно как „*Priye, Afrodis, venus*“ суть поддѣлки (А. Patera, *České glossy v „Mater verborum, Praha, 1877, 38, 45*).

б) Измышлены каким либо ревнителем языческаго благочестія литов. пѣсни у Нарбута и др. с обращениями: „*Lado, Lado, didie musu dewe*“ „*Lado, Lado saule*“ (у Терещ. VI, 143. Ср. также сомнѣнія у В. Миллера I. с.

или доскѣ, плыть качаясь, *lulynas* засохшее сверху зыбучее болото (ср. вр. зыбун, зыбень, шатун, трясина); лот. *lólót, lólóvêt*, качать, убаюкивать, (нѣм. *einlullen*), *lulót* баловать (сюда ли лат. *laulat* соединять браком, *lauliba*, брак,—сомнительно); скр. *лул-*, *лблати*, приводить в движеніе, волновать (*perturbare mentem*); *лбла-*—безпокойный, и отсюда жадный до чего („що аж труситься“). Сюда же непосредственно или, через латин. *lolium* (о из *au*, как в *lotum—lautum*), нѣм. *lolch*, относятся слав. названія разных ядовитых растений, как причиняющих головокруженіе, опьяненіе, обморок (=вр. шат): поль. *lulek*, *huosciamus*, чеш. *lilek id. et solanum, lolium temulentum*, *lulík* атропа belladonna и пр.; серб. *луљ* (в черн. горѣ *врат*) в пшеницѣ, по видимому, не куколь, а головня; хорут. *ljulj*, *lolium*.—Форма *лѹли!* (=баю!) могла бы быть понята как повелительное наклоненіе, несомнѣнное в подобном по значенію и б. м. сродном чеш. *пупеј!*, поль. *пупај*, *dziecię moje!*, серб. *минај*, *злато моје* (спи!). Вр. припѣв разгульных пѣсень *лѹли* мог бы быть отнесен сюда же на основаніи сравненія лотыш. *lāgo!* (припѣв купальских пѣсень, радостное восклицаніе) с *lāgót*, качаться, пѣть купальскія пѣсни, литов. *lingot*, качаться.

Со вѣм этим, само собою, неслѣдует смѣшивать поздняго заимствованія от восточных народов: серб. *лула*, мр. *люлька*, курительная трубка (собств. чубук). Персид. *лѹле*, труба, качубук (Матер. для Сравн. Слов. I, 87, 326).

319). Замѣчу по поводу отождествленія здѣсь Лады с солнцем, что купальскія пѣсни с припѣвом „сонейко“ (Шейн Бр. п. 154, из Сб. Чечота), вѣроятно, тоже поддѣлка.

в) Незаслуживают довѣрія два стиха:

Ой Ладо, Ладо, богинѣ!

За што си тако чинила....,

записанные Коравеловым (Пам. н. б. Болг., 204) от нѣкоего Караконова. Или же „богинѣ“ есть имя дѣвицы, к которой обращена пѣсня, и в таком случаѣ „ладо“ неимѣет отношенія к этому имени.

г) Явная поддѣлка, основанная на другой теоріи, хорв. п. (см. Аѳ. П. В. I, 229):

Lepi Ive terga rože

Tebi, Lado, sveti bože.

Lado, slušaj nas, Lado!

д) Недостовѣрно, что в вр. п. (Аѳ. ib. 218 со ссылкой на Костомар. Слав. Мнѳ. 27, 74) стояло *лада*, а не „ладо“ и чтобы „мати“ относилось не к матери поющей дѣвицы, а к богинѣ Ладѣ:

Благослови, мати, весну закликати,

Ой мати, лада, мати, весну закликати.

За тѣм остается достовѣрным только то, что припѣв *ладо* и т. п. встрѣчается в пѣснях весенних, лѣтних и свадебных:

а) В пѣснѣ, упомянутой выше под д), „закликанье весны“. Пѣсня с подобным началом — и перед завиваньем вѣнков в Семик:

Благослови Тройца, Богородица

Нам вѣнки завивать, вѣнок сплести,

Ай дид, ой ладо! Тер. VI, 159.

б) В „приглашеніи парней в хоровод“, Терещ. IV, 140. Припѣв — „диди-лади, диди ладушки“. Отношеніе пѣсни к предстоящему браку видно из того, что здѣсь соколы и лебеди (парни и дѣвки)

Собиралися всѣ на единой на точек

Между собой та(о?)ковалися,

Всѣ по парѣ разбиралися,

Они думали гадали,

Как гнѣздушка собирать будем...

Дальше пѣсня внушает сомнѣнія. И приведенные стихи в формальном отношеніи неполнѣ удовлетворительны; но мнѣ кажется весьма архаичным то, что игрище названо *током*, игра — *токованьем*. Об этимологическом значеніи слов *ток* и *гумно* (собств. дрѣвос, от молотбы скотом или лошадыми), см. мое К ист. зв. III, 29. К сказанному там прибавлю, что потерянное в нынѣшнем языкѣ значеніе утолченного игрища [„видим бо игрища утолчена и людій много множество, яки упихати начнутъ другъ друга (ср. выше *толпище*, игра, собств. мѣсто гдѣ толпа)... а церкви стоять“ (заростыше), Лавр². 166, под 1068; Ефр. Сир. по сп. XIV в., Вост. Слов. подѣ утлачити] в словѣ *ток* мнѣ кажется, засвидѣтельствовано переходом этого слова к птичьим любовным игрищам, к тетеревиному *току* („в лѣсу на прогалинѣ, гдѣ вся трава вытолочена“), точку стрепета (на степи гладко вытопанный кружок) и *токованью* (Даль s. v.). Т. о. я думаю, что значеніе птичьего тока (в см. дѣйствія и мѣста) и токоваья — не первообразны (как у Даля) и что основаніем для такого значенія послужило не только сходство птичьего тока с гумном, но и то, что в старину — игрищами были именно токи, которые могли находиться „между селы“ (Лавр². 13), т. е. между полями (см. мою статью Село, деревня, Русс. Фил. В. 1881, I, pass et 149), так как хлѣб мог обмолачиваться на мѣстѣ. То, что в Черной горѣ *гумно* есть по большей части вмѣстѣ и игрище для молодых, мѣсто сходок для стариков, может, стало быть, зависѣть не от одних тамошних мѣстных условій (избы стоят нерѣдко на кручах и подлѣ них нлгдѣ водить кола), но и от древняго обычая, существовавшего и на равнинах.

в) В хороводной весенней п. „сѣянье проса“. Припѣв: „Ой диди ладу“, Терещ. V, 19; диди ладо, диди лада, диди ла ой, Терещ. IV, 305—8; Ой дид ладо, Сахар. Сказ., кн. 3, 27; Гуляев, Оч. Ю. Сиб., 73; без припѣва,

Шейн Вр. п., 201 (N 147); „Ой диди, калинка моя, Ой ладо, малинка моя“, Сах. іб. 46.

Из „диди—ладо“, понятого как „дид и ладо“ возникла поддѣлка „Ой дид со Ладой“, Сах. іб., 47. В такой же мр. п.—„Ой дід ладо“ (Чуб. III, 66), „Ой ми з ладом“ (іб. 67), „Та й у лад ладом“ (Лубны, Метл. 297). У Wasł. z Oleska 53 — „Ой дід лада“, но пѣсня с великоруссизмами.

Сюда же вр. п. о сѣяньи льну („Ой дид, ой лада“, Терещ. IV, 196). О значеніи этих пѣсень и их связи с нѣкоторыми другими, тоже иногда с припѣвом „ладо“, будет сказано особо.

г) В трех различных свадебных пѣснях, весьма прозрачно указывающих на любовь и брак у Кохановской, Остатки бояр. пѣс., Русс. Бес. 1860, II, 75, 83, 98: „Ладо, ладо, ладо мое“ и „ладо—ладо“.

д) В вр. весен., хоров. о борьбѣ молодца с дѣвицей, Терещ. VI, 158, с искаженіями записывателей. („Ой дид ладо“).

е) Вр. хоров.

Репей стелется, разстиляется,

Ой дид мой репей,

Ой лада, молода,

Да небыть репью с тыном ровну,

Да небыть свекру супротив батюшки моего,

(свекрови — против матушки, небыть ладу (будущ. мужу) против братцев), Тер. IV. 218. Ср. вышеприведенную мр. свадебную п. „поставлю свѣченьку напротив місяченька“.

ж) Вр. хоров. „пиво варить“. Припѣв Ладо мое, ладо, Тер. IV, 297; Сах. Ск. 3, 48; Ладо (ter), Гул. Оч. Ю. Сиб. 84; „млада“, Колосов, Замѣтки, 164; Шейн Р. н. п., 122, 172. Пиво варить=сынов женить, горѣлку гнать=дочек давать, Этн. Сб. III, 213.

з.) Вр. хоров. „за кого ити за муж?“, Сахар. Ск. кн. 3, 31, 51. Припѣв „диди, калина моя, диди малина моя“ и „лели, лели“. Ср. мр. весеннія игровыя сходнаго содержания: Žeg. P. I, 23 = Чуб. III, 35—6; Гол. II, 687;

IV 168, 179, 182, 184 сл.; Зоря Галиц. 1860 г., 515—7.

и) Вр. вечериночная, при игрѣ в фанты:

Сидит, сидит ящер ¹⁾

Ой диди, ой ладо!

На золотѣ стулѣ,

Грызет, грызет ящер

Орѣховы ядра

(Гул. Оч. Юж. Сиб., 86) ²⁾.

Это — „выбор невѣсты“. Пѣсня обращена к тому же молодцу, сидящему в кругу дѣвиц и ловящему одну из них

¹⁾ *Ящ-ер, ящ-ур* (т. е. *-ер* суффикс, в коем *е* через *о* переходит в *у*, как ящерица, мр. ящурка, знахурка из *-арка*, *-орка*, мачуха из *-еха*, *-оха*, так что нѣтъ нужды предполагать сближенія со *щур*, в коем *у*—коренное), 1) вр. род мыши, муохус *avellanarius*, с чѣм ср. скр. *ákh-y*, м. р. мышь, крыса, у Вильсона (у Б. Р.) и *graber, spraten* (по Б. Р. из предл. *á* и *khan* — рыть, по другим — *á-kh-y*, при чем *kh'* — из **ска*, рыть); 2) ящерица и (чеш. слов. *jašter*, поль. *jażczur*, влуж. *ješcer'*); змѣя (*viperá*) при чем та и другая представляется зубатым, ядовитым и злобным животным; 3) отсюда русс. *-ур*, серб. *-ерица*, род болѣзни языка у людей (серб.) и скота (русс.), подобно тому, как названіе горловой болѣзни *жаба* предполагает представленіе жабы зубатою (мое соч. О мие. зн. нѣкр. обр., 200). Отношеніе ф. *ящер* к серб. болг. *уштер*, ящерица, неясно.

²⁾ На основаніи сходства размѣра, можно отнести сюда же хорватскую (около Вараждина) п., о примѣненіи которой впрочем свѣдѣній неимѣется:

Чук (род совы) седи, чук седи

На боровом трчку,

Сам седи, сам седи,

Сам девојку сноби:

„Ојди сем, ојди сем

Дјевојчица млада!“

— Нејдем ти, нејдем ти,

Да ме мајка кара.—

„Че бош ти, че бош ти

„Мајку послушала,

„Кесно бош, кесно бош

„Својим дубим спала“.

(Plohl-Herdvigov, Hrv. nar. pjes. 31.

или собирающему с них фанты, который в другой пѣснѣ при этой же игрѣ представлен оленем (Гуляев ib.) или селезнем [Сах. Ск., кн. 3, 37 (33)]. При такой же мр. весенней игрѣ поют:

Сиди, сиди, ящуре, горохьяный вінку,
Піймай собі жінку, як перепілку
(Чуб. III, 96);

Ходит качор (селезень) в гороховім вінку,
Вибирай си, качорику, що найкраспу дівку
(Зоря Гал. 1860, 517 = Гол. II, 689).

i) От части и я виновен в том, что В. Миллер (Оч. 319), ссылаясь на ниже приводимое мѣсто из Терещенка и на меня, неосмотрительно повторившаго это мѣсто, представляет как факт: „у Славян празднованіе Лады приурочивалось к лѣтнему времени“. Терещ. VI, 48, говорит: „нѣкоторые утверждают, что в день Св. Петра солнце на восходѣ играет радугами. Чтобы видѣть это многіе восходят на гору... и едва (солнце) появится *привѣтствуют* его хором:

Ой ладо, ой ладо! на кургань
Соловей гнѣздо совивает,
А иволга развивает.
Хоть ты вей — невей, соловей
Небыть твоему гнѣзду совитому,
Небыть иволги дѣтям вывожатым...“

Я думаю, что здѣсь соловей и иволга тоже, что в свадебных и др. п. сокол и галка, что в мр. веснянкѣ соловей и галка:

Ой там на горі дим — не дим (=диво):
Там соловейко гнѣздо звив
Да всю ніченьку невсипав
Собі галочку прикликав:
„Ой чи будеш ти, галочко
„Моім діткам маткою?=
... = Ой чи будеш ти (дівчино) жоною,
Моім діточкам слугою, Чуб. III, 138, 177.

В вр. петровочной иволга (=дѣвица) развивает гнѣздо,

нехочет еще быть дѣтям матерью, что согласно с общим содержанием веснянок ¹⁾. Таким образом пѣсня неимѣет прямого отношенія ко встрѣчѣ солнца. Припѣв связан с нею, как и с другими весенними, и не может считаться привѣтствіем солнцу.

к) Мр. „гаївка“:

Ой діді (дід і), діді ладо:
Жона мужа била,
На добре учила, ой д...
Повідж, мужу, правду,
Як старі діди скачут?

(далѣе: „як баби, парубки, дівоньки...“)

Žeg. P. I, 16=Гол. IV, 163.

...Ой дід, дід та й ладо!

Ти повідай кізле правду,
Як паняночки (et c.) скачут?

Гол. II, 181; Чуб. III, 89.

По содержанию эта п. стоит в длинном ряду веснянок на тему „величанье дѣвиц, насмѣшки над парубками, бабами и пр.“ По началу ср. веснянку:

Кібчику та горобчику!
Скажи мені усю правдочку:
Кому воля, кому неволя?
—Що дівочкам уся воленька...
...А жіпочкам та неволенька,

Чуб. III, 58—9 (отрывок у Гол. II, 684); сродная вр. хоровод. у Сах. Св. кн, 3, 33 (21), 56 (1 и 2).

л) Как в Саратов. г. говорят „давайте *дидикать*“, т. е. играть хороводныя п., от припѣва *диди* (Терещ. IV, 219); так в серб.-хорв. припѣв *ладо* в весенних пѣснях дал производныя: *ладати* (у Хорв. около Карловца): дѣви-

¹⁾ Ср. весеннюю:

Зазуля кує, льещечко чує,
Ой рано, рано! льещечко чує,
Марыся плаче, замуж *нехоче*...

Заблудовье, Этн. сб. III, 92.

цы римско-католическаго закона, украшенныя вѣнцами, ходят в селах на канунъ Юрьева дня (22 Апр.), а в городѣ на Юрьев день утром от дома к дому и поют. *Ладавица, ладарица* — „девојка која лада“ (Кар. Рјечн.). Кукулевич прибавляет, что „пјесме ладарске“ поются от Юрьева до Иванова дня и приводит их нѣсколько, почти всѣ величальныя (Kukuljević, Djela, IV, 249 сл.), по размѣру большею частью тождественныя с пѣснью, которую Катанчич (1750—1825) слышал в молодости:

Три девојке жито желе,

Ладе ми, ладе миле, ладе мой!

(ссылку у Žeg. Р. Р. R. I, 16).

Это *ладе ми б. м.* объясняет вышеупомянутые мр. *ладо-м* и вр. *м-ладо* (из ладо-ми, ладо), согласно с предположенным выше *лело-м*. Сюда же — „пјесме од коледована“, записанныя и у Самцу и Крушевици, Славон. крајине:

... Ми идемо, лело!

Ми идемо, краљу, лело!

Сад пред бјеле, лело!

Сад пред бјеле дворе, лело!

Добра господара,

Ладо ле миле, лело ој!

И носимо, л., и носимо, кр. л.

Бјелом двору, л., бјелом двору, кр. л.

Здравле и веселе, ладо и пр.

—
Молимо се, ладо!

Молимо се вишњем Богу, ој ладо, ој!

(и далѣ с такими же припѣвами:)

Да попухне тихи вјетер,

Да удари росна киша,

Да пороси наши поля

И травицу мекушицу,

Угоје се наши стада...

—
Тогда же (на Рождество?):

Дај нам, Боже, коledo, добру пашу, коledo,

За кравице, к., за овчице, к.
Да нам даду, к., шатре млика, к.
Да можемо, к., окупати, к.
Младог Бога, к., и божића, к.

Ми идемо, *коледо*, ми идемо, *коледари*,
Од истока до запада
И носимо ванним горам
И њивами плодно лето,
Вашем дому здравље срећу
и веселе,
Вашим стадам добре паше,
Вашим њивам тежно класје.

(М. Stojanović, *Pučke prirovn. i pjesme*, Zagr. 1867, 277 сл.).

м) „Ладе ладо“ в болг. п. в началъ весны (Карав. 190) и в весенней, Лазарской, на тему „дочь дороже отцу добытка“ (ib. 204).

н) В мр. (галиц.) *ладканя* вообще свадебныя пѣсни, *ладкати* пѣть их (Гол. IV, Распредѣл. и оглавл. 8 et pass), хотя мр. свадебных пѣсень с припѣвом „ладо“ сохранилось чрезвычайно мало: одна („ладі, ладі“) у Чуб. IV, 74 (из сб. П. А. Кулиша), другая, сообщенная мнѣ г. Халанским ¹⁾).

¹⁾ Ой під дубом, під зеленим,
Ой під листом, під широким
Там староста траву косе,
А сванечка на віз носе,
На віз носе, коня просе:
„Ой їж, коню, наїдайся,
„Ой пий, коню, напивайся!
„Буть тобі, коню, у-вобозі,
„У-вобозі, в важкому возі,
Під молодю сванечкою,
Ладо, ладо, ладо, ладо,
Під молодю сванечкою.

(Любимовка, Рильск. у., Кур. г.).

Отсюда, по видимому, заимствована (а не на оборот) вр. свад. п. Старооск. у. Кур. г. (Коханов., Нѣск. р. п. Р. Бѣс. 1860, I, 77)

Это свидѣтельство языка дает возможность выдѣлить достовѣрное из учонаго баснословія в извѣстном мѣстѣ Густинской лѣтописи: „Ладо (си есть Pluton), богъ пекельный. Сего вѣрили быти богомъ женитвы, веселія, утѣшенія и всякаго благополучія, яко же Еллины Бахуса. Сему жертвы приношаху хотящии женитися, дабы его помощію бракъ добрый и любовный былъ. Сего Ладона бѣса по нѣкакихъ странахъ и донинѣ на крестинахъ и на брацльхъ величаютъ, поуще своя нѣкія пѣсни, *руками о руки или о столъ плещуце*, „*ладо, ладо*“ *приплетающе*, пѣсни своя многожды поминаютъ“ (П. с. лѣт., II, 257). Т. к. купальскія пѣсни составляютъ с весенними одинъ рядъ, то вѣроятно, что ночное „плесканіе“ на игрищѣ 23 Іюня, упоминаемое в посланіи игум. Памфила (1505) и в стоглавѣ („нощное плещеваніе“, „в троицкую субботу... плясати и в долони бити“) (Аѳ. П. В. I, 444) сопровождало именно припѣв „ладо“. Отсюда мр. *ладки, ладусі* (Чуб. IV; 32), вр. *ладки, ладушки*, какъ приговориваютъ, уча дѣтей бить в ладони. На сколько это содѣйствовало великорусскому измѣненію *долонь* в *ладонь*, „в *ладоши* хлопать“, невызываемому никакой определенной звуковой наклонностію, пусть остается вопросомъ.

о) По припѣву и содержанію заслуживаетъ вниманія вр. (юж. Сиб.) свадебная пѣсня, величанье женатымъ:

На лугъ, лугъ,

Уряди, дид ладо, уряди!

Стояли три роты,

Три роты военны.

Посередь роты ходит

Господин наш полковникъ,

Свѣт Андрей Николаичъ,

На немъ шуба соболья,

Она крыта парчею...

... Какъ бояре-то спросятъ... ¹⁾:

... „Тебе кто шубой дарилъ“

¹⁾ Настоящее вр., форма арханч.

„Али тесть, али теща?...

— Не тесть дарил, не теща,

Что дарил государь царь—

За мою службу вѣрну,

За мою неизмѣнну.

(Гул., Этн. оч. Южн. Сиб., 14; Библ. для чт., 1848, XC).

Упомянутое здѣсь рота и полковника заставляет г. Сумцова (О свад. обр., 47) замѣтить: „Припѣвы „ладо“ и пр., как окаменѣлый остаток далекой древности, присоединяются иногда к пѣсням новѣйшаго происхожденія“. Подобныя мнѣнія высказывались и раньше. Г. Кохановская, приводя п., которая поется на масляной, шедши домой с катанья (в ст.—Осколь. у. Кур. г.):

1. Вечер поздно три роты шло:

Ладо, ладо!

Первая рота Московская,

Другая рота Литовская,

Третья рота Турецкая.

А в Турецкой барабаны бьют,

А в Литовской трубы трубят,

А в Московской дѣвка плачет,

Замуж нехочет:

9. Что не батюшка выдает,

Что не матушка снаряжает,

Что не братьцы в поѣздѣ,

Не сестрицы в свашеньках;

Выдает свѣтел мѣсяц,

Снаряжает красное солнце,

Частыя звѣзды в поѣздѣ

Вечерняя заря в свашеньках,

(Нѣсколько русс. пѣс., Русс. Бес. 1860, I, 44—5), говорит: „упомянутое рота *неоспоримо* должно отнести пѣсню к Петровскому времени, но ея поэтический лад... и пр. дышат силою первичных поэтических представлений народной фантазіи... Дѣвичій плач в Московской ротѣ—знакомый плач русской пѣсни: „что дѣвка плачет, замуж нехочет“; но здѣсь она плачет не потому, чтобы нехотѣла за-

муж... а потому, что ни свѣтъ мѣсяц... ни что... в мѣрѣ незамѣняет дѣвкѣ ея родной семьи". На это редакция Русской Бес., соглашаясь, что слово новое может быть вставлено и в древнюю пѣсню" (рота вм. рать), приходит к неожиданному заключенію, что „дѣвица — плачущая Малороссія, идущая" (на соединеніе с Москвою) „по собственной волѣ но с болью сердечною". Какovy бы ни были изложенныя там же основанія, я их опускаю, придерживаясь слѣдующаго:

Болѣе обширное сравненіе показывает, что а) пѣсня „Вечер поздно" состоит не менѣе, чѣм из двух мотивов, первоначально ненаходившихся между собою ни в какой связи. Стихи 1—8 служат запѣвом, внѣшней поэтической рамкой для 9—16. Связью первой части служит ст. 8 „замуж нехочет", один из основных мотивов весенних пѣсень (см. выше, под і). О мифологических основаніях ст. 13—16 я здѣсь говорить не буду и замѣчу только, что подобный мотив встрѣчается в другой связи, без трех рот и плачущей дѣвицы (на пр. Ае. П. В. I, 80) и что он употребляется, как величанье. б) В переизданной мною мр. пѣснѣ по сп. 1571 г. (Мр. н. пѣсня по сп. XVI в. 2—3, 31—8) уже встрѣчается, как запѣв, мотив „три роты", въ 3-ей, болѣе близкой к пѣвцу (т. е. Волоской — в мр. п. сложившейся среди населенія тяготѣвшаго к Волохам, б. м. смѣшаннаго с ними, на пр. в Буковинѣ, и Московской — в пѣснѣ порубежнаго вр. а м. б. и мр. населенія) — дѣвица плачет" ¹⁾. Хотя бы и отвергнуть мою догад-

¹⁾ Гавр. Я. Стрижевскій сообщил мнѣ интересный бр. вариант этой пѣсни, записанный, по видимому, весьма тщательно в Шацкѣ Мин. губ. и занимающій середину между мр. XVI в. и вр. (у меня I. с. 2—3, 31—2). Въмѣсто ъ, которым записыватель обозначал дифтонг *юѡ*, ставлю *yo* (один слог); вм. мр. * (=ы) — ѡ; в [] помѣщены легко опускаемые слова, нарушающія размѣр.

[Оѡ] Дунаю, Дунай, чаго цѣха йдзеш?

За сабою, Дунай, три палкі ведзеш:

[Оѡ] да *ѡ* першуом палку конікі і ржущь,

ку, что первообраз этого мотива отразился уже в Сл. о полку Иг. (Мр. п. I. с. 33), все же ясно, что плачущая дѣвица никак не может быть Малороссіей. Упомянутое о ротах Литовской и Турецкой тоже вошло в пѣсню не позже XVI в. Оно, вѣроятно, преобразилось в пѣснь того же склада (Кохан. I. с. 44):

Ой и дочь к отцу собиралася
Тремя мылами умывалася:
Одно мылечко-то Турецкое,
Другое мылечко-то Литовское,
Третье мылечко-то Московское...

Упомянутое о враждебной Литвѣ, именно представление сватов (ср. Слово о П. Иг. „сваты напоиша...“) Литвою, по всей вѣроятности, появилось гораздо раньше. Ср. мр. свадебн.:

Ой ненаходь Литва:
Буде з нами битва,

-
- А ў другому палку малуойцы пецюць,
5. А ў трейцюм палку дзеўчина плаче.
Конікі іржуць — ат вады ідуць,
Малуойцы пецюць — з сабою беруць.
Ой стаў капітан дзеўчины пытаць:
10. „Дзеўчина мая, чаго ты плачеш?
„Ах узяў бы [я] тебе [за себе], — неруовная мне.
„Вазьму-ж я тебе за свайго слугу:
„Ему будзеш жана, а мне мілая;
„Ему будзеш [кашулю] шіць, а мне вышиваць;
15. „Ему будзеш [пасьцель] слаці, а со мною спаць“.
— Жаль, жаль, капітан! непраўда твая!
[А] дзе-ж [тыя] два месецы пры адной заре?
[Дзе] два мужі живуць пры адной жане?
Каму буду жана, таму й мілая;
20. Каму буду [кашулю] мыць, таму й вышиваць;
Каму буду [пасьцель] слаці, с тым і лягу спаць.
Ст. 3 и 5 (конікі іржуць... дзеўчина плаче) ср. с мр. веснян-
кой (в моей ст. Мр. п. XVI в. 36—7). Ст. 11 („неруовная
мнѣ“) ср. со ст. 15 мр. п. XVI в. (ib. 3). Ст. 12 и слѣд.: один
из многих подобных случаев рассказан в „Черниговкѣ“ Н. И.
Костомарова.

Будем воювати,

Марьечки недавати, Метл. 215.

и в вр. п. „с Литвы сват ъдет“ и посл. „к людям Богородица, а к нам все Литва“, т. е. к людям хорошіе женихи (собственно гости : намек на колядки, гдѣ в гости является Богородица и пр.), а к нам невѣсть что (Кохан. I. с. 46). Что вмѣсто *рота* могло стоять нѣкогда *полк*, на это указывает привлеченная мною к сравненію бр. пѣсня (в моем соч. Мр. п. по сп. XVI в., 33) и другая, приведенная выше. Кромѣ того в подобных пѣсенных началах *полк* мог приниматься не только в значеніи военнаго отряда, но и в смыслѣ толпы („дѣвок полчок“ = „дѣвок табунок“), народа (серб. *пук*: „чуј пуче и народе“, нѣм. *volk*).

Возвращаюсь к сибир. пѣснѣ с припѣвом „уряди, дид ладо, уряди“, напоминающим „Ой дай Боже!“ мр. колядок и этим наводящим на то, гдѣ искать сравненій. В этой пѣснѣ начальный мотив „три роты“, довольно древній и в этом видѣ, но не первообразный, не необходимо вяжется с главным. Для „похвальбы шубой“ и т. п. нужны не именно три роты, а лишь сцена и зрители. То и другое, в силу еще очень распространеннаго и, судя по этому, очень древняго приѣма (Мр. п. по сп. XVI в., 33—7) может быть представлено в трех отдѣлах. Это и находим в другой свадеб. величальной п.:

Пантелей—государь ходит по двору...

...Кунья на нем шуба до земли...

...Суженая смотрит из-под полога,

Бояре то смотрят из города,

Боярыни-то смотрят из терема.

Бояре-то молвят: чей то такой?

Боярыни молвят: чей то господин?

А сужена молвит: мой дорогой!

Сак. Ск. кн. 3, 119.

Этому вполне соответствует один из мотивов мр. колядок и вр. былина, о чем подробнѣе — в другом мѣстѣ.

Т. о. здѣсь неоправдывается, впрочем а priori вѣро-

ятное мѣніе г. Сумцова, что припѣвъ *ладо* присоединяется к пѣсням новѣйшаго происхожденія.

Грамматическая категорія припѣва *ладо* неясна, кромѣ случаев „ладо мое“ о которых можно думать и то, что в них согласованіе вызвано окончаніем. Как слово, определенное в формальном и лексическом отношеніи находим: а) в Сл. о П. Иг. **лада*, ж. р., но во всѣх четырех мѣстах в примѣненіи к мужу: „на моюя лады вои“, „на ладль (=ы) вои“, „мою ладу“, „жены рускія вѣсплакашась а ркучи: уже памъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смилити...“ Не может ли такое несогласіе грам. рода и пола служить указаніем на то, что ближайшее предшествующее значеніе было нарицательное ¹⁾, а не собственное, не мифологическое? б) В нынѣшних вр. пѣснях — частью также в ж. р. [„лада идет“ (муж), Терещ. IV, 167, с опечаткою „лада“; „я ищу ласкова ладу“, *ibid.* VI, 166; „я сама пойду, милу ладу найду“ Даль; „я ищу себѣ ладу милую“ (невѣсту), Тер. IV, 276; „кабы знал, что тут милой ладѣ спатъ“ Даль], частью в среднем („мое ладо ревниво: и сам игры нелюбит“, Кохан. Нѣск. р. п. 89; „Ой и свѣт моее прежнее ладо, Я котораго попрежь сего любила“ *ib.* 109). В видѣ прилагательнаго: „милый ладый“,

¹⁾ Как в других словах примѣняемых к милому и к милой: „ровня“, „обрадушка“, радость“; мр. „сердце“, мр. „дружина“, „слово“. Последнее в слѣдующем:

Нема цвіту найсинішого над ту ожиноньку;

Нема слова найвірнішого над ту дружиноньку,

с чѣм ср. вр.: племянница покойника, обращаясь к его вдовѣ:

Отпустили свои ласковы словечушка...

...Во могилушку с тобой мы во сыру землю,

Барсов, Причитанья, 171;

мр. Ой од Ромна до Полтавы битая дорога,

Туды пішла, поїхала любая розмова

...Вернись, вернись, мій миленький, любая розмова!

Укр. пісні вид. Балл., 89.

Ср. также „Ой *израдо*, чорні очи маеш“, Метл. 111.

Рыбн., IV, 113. С уменьш. суф.: „вѣчный ладушко“, Кохан. ib. 83; „любезный ладушка“, Д. — Предложенное мною этимологическое объясненіе—в моем соч. К ист. зв. I, 130. Оно основано а) на том, что ст. русс. *ладѣнь*, ровный, четный, откуда вѣроятность, что *лада* собств. ровня, пара; б) на том, что основныя дославянскія сочетанія *ар*, *ал*, в началѣ слова, перед согласною дают не только русс. *ро*, *ло* = ц.-сл. *ра*, *ла* (*роля* = *ралим*, *ровнь* = *равнь*, что в формѣ *ровесъникъ* предполагает дославянское не *равас-* (Fick, V. Vb³. I, 743) а **арвас-*] но и общеславян. *ра*, *ла*: *ладага*, *лань*, *ласка* (?), *рака*, *рало* и *ратай*, *рамянь* (-ѣнь), *рамѣ*, *рать* (Mikl. Ueber den urspr. der worte trét... 35). Согласно с этим я принялъ сродство *лад-* с лит. *ard-yti*, дѣлать.

Для миеологіи положительных результатов здѣсь никаких. Впрочем см. В. Миллера Оч. ар. мие. 318 сл., гдѣ между прочим принято что *лад* = скр. *radna-* (с коим Фик и др. сближают слав. *радъ*). Все бы это ничего, если бы только добраться, что дѣйствительно была богиня Лада.

III.

Веснянки размыра (4+3+3) и (5+3) и др. сродныя п.

1. Съянье проса. Эта пѣсня была упомянута выше (стр. 25—26), ради припѣва. Изображеніе в ней земледѣльческой работы с перваго ея шага („А мы *слычу* в. *чищу* чистити“, Тер. V, 19; VI, 307); род хлѣба, просо, которое, правда, и теперь съется на новинѣ из-под лѣсу, но о котором извѣстно, что в V-м вѣкѣ по Р. оно вмѣстѣ с ячменем было если не единственным, то главным хлѣбным растеніем в Панноніи (ср. Ген, Культурн. раст., 67); форма пѣсни, ея припѣв „Ой диди лало“, ея распространеніе (ср. и Erben Písňe, 69; Sušil, Mor. n. p., 727—8): все это заставляет видѣть в ней остаток глубокой старины. Из такого же предположенія вытекло наивное стараніе собирателя усилить архаичность пѣсни, замѣнив „А мы дадим сто рублей“ стихами „А мы дадим бѣлую кунницу“ (вѣроятнѣе было бы просто „кунницу“, как ниже „дѣвицу“), или „А мы дадим веверицу“ (!), или — „кун“, или „сто гривен“ (Сак. Ск. Р. н. кн. 3, 46—7).

В конечных стихах пѣсни

(„А нашего полку прибыло, прибыло!

—А нашего полку убыло, убыло!)

лвѣ стороны, на которыя дѣлятся играющіе *по полам*, названы „полками“. Этому соотвѣтствует:

а) в сродной серб. пѣснѣ о которой ниже: . . . *војска* иде: *млади момци* неженени . . . *све ђевојке* неудате . . . *удовнице*“ (Кар. П. из Херц., 263); б) в мр. веснянкѣ: „*чоловѣча*“ и „*џиноча* *промада* (в. *рада*)“ незнает и в ру-

ки не берет зелья барвинку, которое хорошо знакомо только „дівочій громаді“, Чуб. III, 68; Гол. IV, 166 (мотив не исключительно малорусскій: ср. серб. п., Кар. II. из Херц., 252); в) в мр. колядкѣ:

Ой осадив він три села людьми:

Ой едно село—старими людьми,

А друге село—парубочками,

А третє село—дівчиноньками.

Роли упомянутых двух „полков“ распределены так, что 1-ый чистит сѣчу, дерет дор, сѣет просо (и стережет его), занимает коней „шелковым неводом“ (т. е. охотничьей сѣтью) или „шелковым поводом“, а 2-й выпускает коней, топчет ими просо, выкупает их не стом не тысячею, а . . . *дѣвицею*. Эта послѣдняя черта затрудняет объясненіе пѣсни в том видѣ, как она до нас дошла, ибо первая сторона состоитъ из дѣвицъ или молодиц, а 2-ая из мужчин. По этому можно бы ожидать, что на предложеніе одной стороны

„А мы дадим молодца“

уже не послѣдует возраженія и новаго предложенія:

„Ненадо нам молодца

—А мы дадим дѣвицу,

а прямо согласіе:

• Вот тото нам надобно! Тер. IV, 307.

В пользу такого предположенія говорит слѣдующее:
а) прямое указаніе одного вар., что сѣют именно женщины:

Красны дѣвушки чищу чистили,

Молодушки пашню пахали, Терещ. ib.

Впрочем, если этот вар. можно признать недостоверным, то в таком случаѣ—б) основываться на другихъ многочисленных указаніях что (в пѣснях) сѣют именно дѣвицы, топчут именно парни ¹⁾ и их кони. Конь—обычный сим-

¹⁾ *Сьяньє.*

(Размѣр 4+3). Посѣяли дѣвки лён,

Ладо, ладо, дѣвки лен,

вол молодца. Поэтому, как в п. про лен, съявшей „за тѣм
замужем быть“, кто топтал; как в извѣстной вр. свадеб.

Во этот ли во ленок
Повадилса паренек,
Леночек весь испримад,
В Дунай—рѣку побросалъ...
(Нижегор. г., Балакирев, Сб. р. и. п.)
Пасеслі девкі лён,
Пасеслі далгавой.
Сказали пра лён,
Што увесь привалён.
„Знаю, знаю, хто валял,
„Знаю, знаю, хто таптал:
„За кем замужем быть,
„Танкапрядицай слыть“.

(Шигров. у. Кур. г. с. Россоховец, записал М. Халанскій; Шейн,
Р. и. п., 136—8, 140, 144, 146).

Ср. в мр.: дѣвица съет просо, Гол. III, 248; жито:

Ой я жита несіяла, само жито сходит;
Я козака нечар'вала, сам до мене ходит
(Гол., II, 323, 763), с чѣм ср.

Сію рожу по дорожу (v. по морозу), сама рожа сходит;
Я козака не чарую, сам до мене ходит,
(Гол., III, 353; II, 341; Чуб. V, 216; неродить=неходить, Гол.
I, 189; Чуб. V, 307).

Садить (сад и пр.) = *любить*, Гол., I, 250; II, 769; I, 326.

По поводу приводимых здѣсь сравненій считаю нужным
высказать общее положеніе, без признанія коего, мнѣ кажется,
невозможно пониманіе языка народной (да и всякой) поэзіи.
В этом языкѣ, как и в словѣ, связью образа со значеніем слу-
жит *представленіе*, т. е. взятый из образа признак. Отсюда слѣ-
дует: а) что образы, различные по совокупности своих при-
знаков, могут быть почти тождественны по представленіям
(или точкам, с коих разсматриваются) и значеніям, на пр. в
настоящем случаѣ: сѣять просо, лен, коноплю, жито, розу, раз-
саду; сѣять и садить; б) что один и тот же образ может и-
мѣть различныя, иногда противоположныя значенія, т. к. из
него могут быть выдѣлены различныя представленія, или, и-
наче говоря: он может разсматриваться и примѣняться со
стольких точек зрѣнія, сколько в нем признаков. По этому,
на пр., сказанному выше о значеніи сѣянья нисколько непро-

вмѣсто соловья, выпуганнаго из саду — „я (жених) тебѣ (невѣстѣ) соловей в саду: так плата, которую молодец

творѣчит существованіе другого преемственнаго ряда символов: если земля есть женщина, мать, то оранье, сѣянье и пр. будут обозначать любовь мужчины (см. мое соч. О нѣкр. симв. в слав. н. п., Харьк. 1860, 151). Отсюда: нѣкому за плугом ходить = нѣкому любить дѣвицы:

Ой у лузі, в лузі стоять воли в плузі,
Та нікому воли погонити,
Та нікому за плугом ходити:
Плугатири старіі, погоничі маліі,
Та нікому воли погонити,
Та нікому за плугом ходити.

Непосредственно за этим запѣвом, без видимой связи с ним, слѣдует жалоба дѣвицы:

Ой чом неприйшов, чом неприїхав,
Як я тобі серденько казала? (2)
Чи коня немав, доріжки незнав,
Чи матуся їхать незвеліла? (2) и пр.

(Запис. мною в Харьк. г.).

Ср. Гей во лузі воли в плузі, навпереді качка;
Взяв бы я тя, дівчинце, коб есь не брехачка.
(Гол., II, 435).

Оранье, воли в плугѣ — любовь (с модальными оттѣнками возможности, невозможности и пр.); но любовь естественно сочетается с молодостью, откуда *воли в плугѣ* — „літа молодіі“ в извѣстной п.:

Гей воли мої та половні та чом ви неорете?
Гей літа мої та молодіі, чому ви марно йдете?
а также у Голов., II, 760:

Воли мої старенькіі, не орати вами;
Літа мої молоденькіі, тож ми жаль за вами.—

Из сказаннаго вытекает методологическое правило: для изученія *распредѣлять символы* не только по образам (как почти исключительно у Н. И. Костомарова, положившаго у нас начало изслѣдованіям этого рода своим соч. Об истор. зн. русс. н. п. Харьк. 1843, под вліяніем котораго было написано мое вышеупомянутое сочиненіе, см. ів. стр. 8; за тѣм Истор. знач. и пр. Бесѣда 1872; на пр. роза, рута, мята, барвинок и пр.), но и по *представленіям* в их связи, т. е. по параллельным рядам представлений.

общает дѣвицѣ за потоптанный его конем сад (Шейн, Р. н. п. 148—50), выкуп за коня (В. Миллер и Форт, Л.

Возвращаясь к *сѣянью* и пр. Разъ что сѣянье в пѣснях весны и дѣвства стало представлением зарожденія любви, собиранье посѣяннаго будет представлять ея завершеніе. Отсюда весеннія хороводныя пѣсни на тему: полоть и брать *лен* („рвать“ = литов. *linus gauti*) не со свекром, свекровью и пр. и не с отцем, матерью и пр. (ибо „то не рване, гараване“) а с милым [Терещ., IV, 196 (припѣв: Ой дид, ой ладо!); Сах. Ск. кн. 3, 43, 68; бр. Пам. и Обр. н. яз. и слов., I—IV, 237; мр. Костом. Об ист. зн. р. н. п., 42]. С этими весенними сходны мр. свадебныя пѣсни: сѣять, собирать *руту* дѣвицѣ не с отцем, матерью, а с милым: Гол. II, 130; IV, 283, 350—1; Чуб. IV, 283. Отсюда гаданье дѣвичье: 29 Ноября, на канунъ Андрея перевоз., в полночь взять горсть коноплянаго (и льянаго, Терещ. VI, 66) сѣмени, трижды обойти вокруг хаты или повѣтки, сѣя это сѣмя, скородя сорочкою и приговаривая: „Я, святой Андрию Конопельки сію. Дай же Боже знати С ким весісье грати“. Жених приснится неминуемо. Или приговоривать: „кто мені сужений, той приїде зо мною конопельки брати“. Суженый ночью (во снѣ) приїдет дергать коноплю (Маркев. Об. и пов. 20; Чуб. III, 257—8; ів. три другія гаданья тогда же основаны на сходных представленіях: жажда, голодь=желаніе любви, и суженый подаст пить, съѣст вмѣстѣ кусок; переход через мост—брак, и суженый переведет через мост).

Жито жати—тоже; отсюда:

Було-ж неіти жита жати,

Було-ж неіти конопель брати;

Було-ж неіти, дівча, заміж,

Було-ж мене молодця ждати, Чуб. V, 549.

Жито жати=заміж дати, Метл. 21; ср. Чуб. V, 220. По видимому, с одной и той же точки разсматриваются: жито в упомянутой п. (Метл. 21: „Пора мати, жито жати: колос похилився“) и просо (зрѣлое, с тяжелым склонившимся волотьем), с коим в свадеб. п. сравнивается коса („дѣвичья краса“ вр.), в момент, когда ее отдают „под мечи“ (Гол. IV, 260), расплетают=надѣвают очіпок („очіпляють“)

Ой на горі жито, а в долині просо;

Жаль мені тебе, моя русявая косо!

Ой просо, просо волоття!

Ой косо, косо золоття!

н. п. 100), есть сам молодец. Первоначально так могло быть и в пѣснѣ „сѣять просо“. То, что теперь она говорит о выкупѣ коней дѣвицей, могло произойти от уподобленія другим хороводным п. того же рода (*sagmina amoebaea*), в коих пѣт смѣшенія ролей и дѣвичья сторона выдает мужской дѣвицу. Дѣйствія, сопровождающія эти по-

Не рік я тебе кохала...

... За один ранок зтеряла, Метл. 206; Чуб. IV, 253 (читай „волога“ вм. болота), 259; Гол. IV, 297 (золото — волога — просо...), 357. Замѣтим отзывающееся большой древностью согласіе в специальном отношеніи к колосу *проса* и овса слов: лит. *wáltis*, хорут. (v) *lat* (*gisre an der birse, am hafer*) и мр. *волоття* (собира.).— „Жито жать“, „братъ лен“, как дѣйствительность, пробуждает в одинокой работницѣ мысль о милом, жалобу на его отсутствіе, мечту о нем:

Ой за яром брала я лён, всю долину сходила;

Нема того тай nebude, кого вірно любила,

(Метл. 61; ср. ib. 60, Чуб. V, 219; 210);

Та болять ручки, та болять ніжки, та пшениченьку жнучи;

Та ужеж мені надокучило, та миленького ждучи.

Гей из-за гори из-за кручи (и пр. Укр. п. выд. Балл. 78.

Пѣсня эта приведена выше (стр. 11). Теперь видна ея цѣльность и красота.

В связи с предыдущим понятно, что значит:

Сію конопельки, дрібні зелененькі; (но)

Сама неберуться, мені недаються.

(а если и попадаютъ люди, то достойные презрѣнія:)

Наберу я горстку тай ногою тручу:

Сама добре знаю, що на біду лучу.

(Чуб. V, 3; ср. ib. 210—11, гдѣ бессмысленное „горошку“, „по гаю“ исправить: „горстку“, „ногою“).

В лит. п. „лен рвать“ см. Nesselmann, *Litauische lied.* 142.

Топтанье. Жених=конь=олень=стадо топчет зелье, руту, васильки и пр. или сад невѣсты. Ограничусь лишь неполным перечисленіем ссылок: Чуб. IV, 70—1, 113, 121—2, 163, 178—9; Голов. IV, 313—4, 352, 357; Гуляев Этн. оч. юж. Сиб. 89, 96; Карадж. Пјес. I, 12 (N 17), 21 (N 35); Nesselm. Lit. Volkslied. 40—1, 43, 147, 148, 178, 179, 181, 229; В. Миллер и Фортунатов, Литов. н. п. 32, 56.

слѣдвія п. и согласующіяся с их содержаніем, соединились с сѣянем проса и внесли в эту пѣсню еще болѣе запутанности:

„Условясь „сѣять просо“ дѣвушки берут друг дружку за руки и становятся рядом; против них, рядом же и взявшись за руки — мужчины. Первые, начав пѣть („Ай мы просо...“), медленно подходят к послѣдним и, под припѣв „Ой дид ладо“, отступают на прежнее мѣсто. Тоже дѣлают со своей стороны и мужчины. При словах пѣсни „А мы дадим дѣвицу“, двое мужчин с котораго-нибудь края дѣлают *ворота*, т. е. поднимают руки вверх, нераспуская их. В эти ворота бѣгут дѣвушки. Перед послѣднею . . . молодцы опускают руки, удерживают ее, и ставши на прежнее мѣстѣ против дѣвушек, поют: „А нашего полку прибыло . . .“. Пѣсню начинают снова, и так—до тѣх пор, пока всѣ дѣвицы неперейдут на сторону мужчин, становясь с ними попарно“. Т. о. мужского полку, котораго по содержанію пѣсни, должно убывать, так как он выкупает коней, на против прибывает. „Потом . . . крайняя пара дѣлает *ворота*, через них проходят всѣ играющіе, под пѣсню:

Вокруг города, вокруг Архангельскаго
Остров мой, да зелен мой!

Были трой ворота, трой широкія,
которая приведена ниже. (Гул. Этн. оч. юж. Сиб. 74—5).
Спрашивается, небыли ли ассимилирующими именно пѣсни о *воротах*?

2. Ворота.

Частностям предпошлю здѣсь общее замѣчаніе. В своем разборѣ Н. п. Гал. и Уг. Руси Я. О. Головац., 42 сл., я старался показать, что распределеніем пѣсень по размѣрам „опредѣлились бы самыя широкіе потоки пѣсенного преданія“. Разнообразіе пѣсенных размѣров на пр. в вр., мр., серб., болгарском можно сравнить с подвижностью ударенія в тѣх же языках, тогда как преобладаніе одного,

двух размѣров во всей пѣсенности, на пр. латышской, на-
поминает постоянство ударенія в лот., западно-славянских
и др. Из того, что измѣненіям ударенія в русском, на пр.
водá, вóду, пó-воду, зват. мр. вóдо, соотвѣтствуют такіа
же измѣненія въ южно-славянских языках, выводится не
то, что эти языки переняли эту акцентуацію друг у друга
или у какого либо неславянскаго языка, а то, что они
пошли от общаго языка, в коем уже была приблизительно
такая же акцентуація. Подобно этому, при сходствѣ содер-
жанія, сходство размѣра пѣсни вр., мр., сербской и болг.,
заставляет прежде всего думать не о позднѣйшем заим-
ствованіи, а о первоначальном сродствѣ или о заимство-
ваніи столь древнем, что отличить его от первоначальнаго
сродства уже невозможно. Чтобы от такого предположенія
перейти к предположенію же или утвержденію, что такая-
то русс. пѣсня заимствована у Сербов и пр., или на обо-
рот; нужны такіа же основанія, как и для мнѣніи, что то
или другое в языкѣ заимствовано. Мы говорим, что уда-
реніе на предпоследнем слогѣ в нѣкоторых западно-мало-
русских говорах, или же обще-малорусс. формы, как *кре-
вний*, возникли под польским вліяніем; потому что эти яв-
ленія, будучи несогласны с обычаем русскаго яз., согласо-
ются с обычаем польскаго, с которым, при смежности и
политических связях, язык южной и западной Руси нахо-
дился во многовѣковом взаимодействіи. Подобно этому
понятно, что польская пѣсня

U moi Marysi kwatera na moście

Przyjechało do Marysi trzech kozocków w goście
(Kozłowski, Lud, 47—8)—малорусскаго происхожденія:

В Марусеньки хата на помості . . . ;

что многія литовскія пѣсни вмѣстѣ с размѣром перешли
из южной Руси. Но я недумаю, чтобы что либо подобное
можно было утверждать относительно сходства русс. пѣсень
„А мы просо сѣяли“ с приводимою ниже сербскою, ибо
тогда пришлось бы считать заимствованіями тысячи обще-
славянских форм и слов. Правда, как слова для понятій,
выражавшихся с незапамятных времен, могут быть заим-

ствованы извѣтъ [на пр. у Хорв. угор. „*шкура ноћ*“ (овсуга) вм. существующаго *тамѣа ноћ*); так могут заимствоваться и пѣсни, и весеннія игры, не смотря на то, что совершенно сходныя существуют в народѣ искони. Так на пр. мр. весенняя игра *жельман*, изображающая сватанье и у Чехов сопровождаемая такими же движеніями, как вр. сѣянье проса (Гол. II, 193, 697; IV, 183—4; Чуб. III, 53—6) взята у Поляков, а ими, вѣроятно, у Чехов (Егв. Рівні, 68). Хорутанская, с другим собственным именем, указываетъ на существованіе чеш. или морав. словац. варіанта, болѣе близкаго к мр. и поль., чѣм приводимый Эрбеном. Она названа свадебной:

Bliżej, bliżej jezdi Šumar,
 Bliżej, bliżej njega drug,
 Bliżej Šumarska družina . . .
 . . . Če sami je (дочери) nam nedáste,
 Jo po sili vzámemo . . .

(Pesni krajnskiga naroda, Lubl. 1839—44, I, 1).

Но здѣсь указаніем на заимствованіе в малорусской п. служит язык, тогда как в других случаях сходства—подобных указаній нѣтъ.

Размѣр п. „А мы просо сѣяли, сѣяли“ есть ${}^2(4+3+3)$. По этой одной внѣшней примѣтѣ нужно отнести к тому же разряду тот отдѣл мр. веснянок, в котором размѣр тот же (на пр. „Вербовая | дощечка | дощечка“, Чуб. III, 81) или — без повторенія второй цезуры, м. б. опущеннаго в иных случаях заимствователями („Тума танок розводить“, К истор. зв. II; Чуб. III. 36; „Иди, мужу, до дому“, Чуб. ib. 69 и пр.). Этот размѣр легко превращается растяженіем перваго полустишія до 5 слогов (Та Роман зілля | копае, Чуб. III, 68) в другой, обычный в веснянках: $5+3$, сродный с первым, но не непременно происшедшій из него.

Тот же размѣр, что в *прось* (и со сходным припѣвом?) — в серб. хороводной (она же и свадебная во время сватанья):

Ој ти коло велико! (ле леља ле?)
—Што нас зовеш, малено?
Имате ли дјевојак?
—Има, коло велико.
Дајте нама до двије.
—Недамо вам ни једне.
А ми ћемо и силом!
—Сила Бога немоли:
Сјевер гору обломи . . .
А ви два свата, два уводника!
Отворте врата!
—Отворена су јоште с вечера—
и пометена. Кар. Пјес. I, 1—2.

Два последніе стиха размѣром (5 + 5 + 5) указывают на то, что взяты из другой п., вѣроятно, сходнаго содержания. Вмѣсто них слѣдует взять послѣдніе 2 ст. из вар. (ib. 277) еще болѣе близкаго к „просу“ по размѣру:

. . . А ми ћемо на силу, на силу!
—Сила Бога немоли, немоли:
Ветар горе обломи, обломи.—
Крижна врата отворај, отворај!
—Отворена с вечера, с вечера.

Таким образом мы видим, что здѣсь в самую пѣсню введены *ворота*, которыя в „просѣ“ изображались только движеніями.

Что 1-я сторона, грозящая взять дѣвицу силой, есть мужская, видно и из того, что 2-я, отпирющая для первой ворота, сравнивает эту 1-ю с сѣвером (т. е. сѣв. вѣтром, с вр. *сѣверик*, сивер ¹⁾), лит. *sziaurgys*) а себя с лѣсом, который этот вѣтер ломает. Ср. мр. свадебн.:

Єдна була тополенька в тѣм саду.

Буйниї вітри віяли,
З тополі листя незвіяли,

¹⁾ Каково тепло от буйнаго от сивера,
Таково добро от лихой живе мачихи,
Барсов, Причитанья, I, 85.

Аж сходовий вітер повіяв,
З тополі листячко звіяв.
Єдна була Марпсенька в тім дому.
Всі хлопці на ню важили,
Но Марисеньки певзяли,
А Ивасенько як наважив,
Тай Марисеньку собі взяв,
(Гол. II, 629; Чуб. IV, 132—3) 1).

Етим об'яснюється смысл прип'єва купальської п'єсни:

Стояла тополя край чистого поля,
Стій тополенько нерозвивайсь,
Буйному вітроньку непідавайсь;
На тій тополі чотирі сокілки,
Стій и пр.

Перва сокілка Горпинка дівка

(2-я така-то и т. д. В. Пасек, Очерки Росс. I, 97—8; Терещ., Б. Р. н. V, 82). Ета п'єсня, хотя и п'єлась на игрищ' почью, но нем'єет прямого отношенія к Марен'є, изображаемой деревом, и Купалу (Пасек, ib.) и ест' такое же величанье четырех д'євиц, как веснянка:

Ой ніхто там пебував,
Де ся явір развивав,
Ой яворе, явореньку зелененький!

1) Сходное представлєніє, по видимому, в купальской:

Вітер петрушку підвіває;
Стратій Катерпну підмовляє.
Будете, люде, дивитися,

Як я буду женитися, Чуб. III, 219 и в сл'єд.:

... Прошу тебе, не зрадь мене, бо я молоденька.

Ти не вітер буйний в полю, а я не билина:

є у тебе отець, мати, в мене є родина

(Гол. III, 335; II, 260 (70), гд'є вм. *явір* сл'єдуєт *вітер*), т. е. мы не одиноки и любовь в'єтра и билины нам не образец... мій друже... Гордуєш ти мною, як вітер горою (Чуб. V, 5, ибо „вітер-буйний“ = що „високо несеться“ и в собственном, и в переносном смысл'є). Как и в других случаях сходно представляется жених и его староста, дружка, сваты, так сваты („чужи люди“) — в'єтры: см. Спрогис 20—1, 5—6; Трейланд = Бривземн. в Сб. Дашк. II, N, 475.

Тільки бувало два місяці ясных,
Два місяці ясных—два парубки красних
(и пр., мое Сл. о П. И., 43).

Припѣв же „стій и пр.“ может быть понят лишь как рав-
ноосильный с припѣвом веснянки (размѣр 4 + 3):

Ой вийдіте, дівочки,
На новее літечко,
Та винесіт корогов
Червону ю як огонь.
Ой дівки, весна красна,
Нейдіт заміж!

[Ромен. у. Червоная корогов—знак дѣвства; ее выставля-
ют и носят на перезвѣ „як молода чесна“. См. Чуб. IV,
118 (142) = 450 (1357), 175 (337), 335 (891)]; „нероз-
вивайсь“ — тоже что и „непіддавайсь“, ибо „развиться=
жениться“ (Чуб. III, 214, 220), respect. замуж выйти.
Т. о. я немогу согласиться со слѣдующим мнѣніем Н. И.
Костомарова. Он сообщает, что есть дѣвичья Троицкая иг-
ра: дѣвки привязывают поднятыя вверх руки одной из сво-
их подруг к палкѣ (чтобы неопускались) и водят ее с при-
пѣвом:

Стояла тополя и пр.

и находит тут миеологичность: в „нерозвивайсь“, дѣвицу
как будто хотят удержать от превращенія в тополи; „не-
піддавайсь“ заставляет предполагать, что силѣ вѣтра при-
писывалось самое превращеніе“ (Кост. Ист. зн. и пр. Бес.
1872, VIII, 30—1). Мнѣ кажется, что здѣсь игра могла
быть изображеніем чисто-поэтическаго содержанія припѣва.
Если же есть миеологичность, то она составляет болѣе
глубокій, пока вовсе незамѣтный слой. И так в рассматри-
ваемой серб. пѣснѣ мужская сторона говорит:

Крижна врата ¹⁾ отворај!

¹⁾ *Крижна врата*, выраженіе непонятное Караджичу, мо-
жет относиться или к перекрестью в воротах, или к тому, что
в игрѣ ворота изображаются поднятыми и скрещенными рука-
ми двоих.]

а женская ей отвѣчает:

Отворена с вечера ¹⁾.

Когда в другой хороводной:

„Калопер Перо, лело! Калопер Перо!

—Што зовеш, вита Јело? што зовеш Јело?

не молодец, а дѣвица требует: „Отвори врата... да прође војска... Стевана бана... из Цариграда“ (Кар. Пјес. I, 277); то здѣсь можно предположить такое же смѣшеніе ролей, как выше в „сѣяньи проса“. Ср. мр. игру в коро-

¹⁾ В варіантѣ: „Отворена су... и пометена“, значит, готовы к приему. Подобным образом выражается ожиданье жениха в мр. веснянкѣ „Ой під вербою неметено...“ Метл. 302. Мести=вести, Метл. 211, в см. *ихогем дусеге*, лит. *westi*, лот. *wesi*; лит. *wedęs* женатый, *newedęs* холостой, ст. русс. жена *водимая*. Ср. мое соч. О нѣкотор. симв. 150.

Согласно с этим *невѣста* — *золотая метелка*, или *вѣнник-золотая ручка*:

Ой Авдотьюшка у батюшки

Дорогая была гостейка,

Золотая метелочка.

Она мела высок терем

Из кута до порога,

До вешняго (?) пода...

Варенцов, Сб. пѣс. Самар. края, 172);

Авдотьяна матушка,

Мела, мела сѣни,

Потеряла вѣнник —

Золотую ручку,

Шелковую связку,

Бумажныя листьа.

„Взойду я в избу,

Туды сяду глянуду,

По вѣм уголочкам:

Угопочки пусты,

Авдотьюшки нѣту...

... Григорьева мати...

... Нашла себѣ вѣнник и пр.

„Взойду я в избу...

... Угопочки полны,

Авдотьюшка здѣся... (ib., 173—5).

ля. Дѣвицы составляютъ кругъ (=город), одна (=король) остается внѣ города:

Король иде, земля гуде.
К. „Одчпшяй ворота!
„Несуши живота!...
... Короблю, край города ходиш,
Короблю, дѣвчат оглядаеш.
Короблю, приступи близенько,
Короблю, поклонись низенько,
Короблю, поцілуйсь гарненько,

Чуб. III, 43—5.

У городі царів син,
А за городечком царевна (должно быть на
Приступи царенку до гаю, [оборот)
Возьми царівну з раю,
Приступи, царенку, до близу,
Уклонись царівні до низу,
Приступи, царенку, ще й ближче,
Уклонись царівні ще й нижче.

Чуб. III, 159.

В соответствии вр. игрѣ „царев сын“ [„княжой (царев) сын *хоробер*“, черта древняя, подтверждаемая и другими вар. кромѣ Сахаровских, К ист. зв. III, 77] стоит за „городом“, царевна в кругу. Самая пѣсня в нѣкоторых, полагаю, болѣе древних вар. сводится к тому же размѣру, что в „просѣ“, в серб. („Сила Бога немоли, немоли“), который проглядывает в вышеупомянутой хорутанской („*Še sami je (nam) nedaste, Jo po silu vzamemo*“), с тою разницей, что в ней допускается непорядочное размѣра (т. е. вмѣщаемое в то же протяженіе времени) растяженіе метров (=цезур) с 4 до 5 и с 3-х до 4-х слогов:

4 (v. 5)+3+3 (v. 4+4):

Вов городъ царевна, царевна...

Золотым перстнем сіяет, сіяет.

Как за городом (=по загороду) царев сын, ца-
[рев сын:

„Отворяйтесь ко ворота, ворота

(=Вы сѣките, холопы, ворота!)

—Поклонитесь ко пониже, пониже,

Поцѣдуйте помилѣ...

[Рыбн. III, 441; Колосов Замѣтки о яз. и нар. п. 162—3; Гуляев Этн. оч. ю. Сиб., 72; Зап. Геогр. Общ. по Этногр. II, 386 („царев сын хоробер...“), 401—2, 406; Ефименко, Матер. по этн. Арх. г. II в Труд. Этн. отд. Общ. л. естеств. V, 124—5; Сах., Сказ. кн. 3, 37 (30—1), 60—1; Терещенко, Б. Р. н. IV, 147, 162, 170—2: княжой сын хоробер... княжна во теремѣ сидит, на ней *вѣнчик горит*...; Шейн, Р. н. п., 12 и также, сходнаго содержания, 115—8).

Если никакія другія соображенія непрепятствуют, мы обязаны объяснять в произведеніях народной поэзіи болѣе древнее и менѣе ясное болѣе новым и понятным. Что значит теперь „одчиняти ворота“ видно из слѣдующаго. Мать, у которой сватают дочь, говорит: „Я вам, сванечко, расскажу свою пригоду. Дай, Боже, цій донечці лучше; а як я старшую отдавала... да ѣ здається воно молоде ще було, було-б и неоддавати, а я її приневолила. Так вражі люде мене підбили. „*Одчиняй ворота, як одчиняються!*“ Так и дочку, як ягодочку, *оддавай*; як поспіває, то ѣ рви її, а як поспіла, то ѣ сама опаде...“ (Чуб. IV, 55).

Ворота—сама дѣвица (хляються ворота, кланяється сирота, Чуб. IV, 251); оттворять—любить, брать за себя, затворять—переставать, забывать:

Скрипливі воротацька, тяженько заперти:

Кого (=котру) люблю, незабуду до самої смерти,
(Гол. II, 281, 345; I, 293).

Скриплять мої ворітьєчка, неможна підняти;

Люблю, люблю дівчиноньку, та невірно взяти,

(Метл. 62).

Скрипливі ворітьєчка, немогу відперти

(=„неможу взяти“; но несмотря на это)

Буду любить дівчиноньку до самої смерти,

(Метл. 63).

Скриплять мої ворітенька (= открыты), ніхто й не-
[причинить;
Люблю, люблю дівчиноньку, ніхто й неупинить
(Метл. 62).

На этих основаніях можно попытаться объяснить слѣ-
дующую, на первый взгляд безсвязную веснянку (основ-
ной размѣр—4+4+3+3, усложненіе размѣра 4+3+3).
Дѣвица говорит:

Скриплять мої ворітечка.

На мороз, на мороз? 2.

Горить мое біле личко:

Либонь буде дощ. 2.

Ой дощику поливайчику,

Поливай, поливай! 2.

Козаченьку, до дівчини

Прибувай, прпбувай! 2.

(Укр. п. вид. Балл. 103; Чуб. III, 166),

т. е. ворота скрипят, незапираются, и лицо горит не на
мороз, а на тепло, на дождь=любовь встрѣтит отзыв.

Она:

„Ой ти покинь молотити, я покину терти,

„Та підемо до стодоли ворота заперти“.

Он:

—А як-же їх заперати, коли пан некаже?

(До сих пор чистая проза, дѣйствительный разговор мо-
лотника и трущей конопли; но за тѣм мысль переходит
к поэтическому значенію образа:)

Она:

„А як-же тя нелюбити, коли-сь красний, враже?

(Гол. II, 257).

Я ворота запераю, вони ся втворяють;

Я милого визираю, як зорі зоріют (Гол. II, 323),

Нехотѣла бы, а люблю: жду до утра.

Если согласно с этим в весенней игрѣ отворянье ворот
связано было с мыслью о выходѣ замуж, то это неисключает
возможности того, что в основаніи этих ворот лежит
мнеологическій образ.

3. Воротарь.

Mr. весенняя игра в *Воротаря* (откуда — „в Володаря“), по которой в некоторых мѣстностях „весь період весенних игр называется „співать володаря““ (Чуб. III, 38—41; Голов. II, 695; IV, 159, 165, 175; Ант. и Драг. Ист. п. I, 38—42, 70, 328—30; Костомаров, Истор. поэзія и нов. ея матеріялы, Вѣст. Евр. 1874, XII, 586—90), нелегко поддается удовлетворительному объясненію.

Играющія дѣлятся на два хора, из коих второй изображает, как и выше, город, а поднятыя руки одной пары — ворота, в которыя пробѣгает 1-ый хор. 1-ый хор просит воротаря отворить ворота и пустить в город, называя себя в подляских вар. людьми „князя Романа, нашего пана“, в других Михайловыми, князевыми, панскими, царскими („царя Александра“, т. е. II-го) слугами, вообще людьми того, которому принадлежит и город. В некоторых вар. 2-й хор отвѣчает, что князя Р. нѣт дома, поѣхал на торг до Львова по тото ¹⁾. 2-й х. „Що за дар дасте (в. везуть)? 1-й Срібло та золото (в нѣск. вар. „яриі пчоли и фасоньку меду“). 2-ой А в нас того много. 1-й Що нам ще придасте? (что напоминает переговоры о выкупѣ коней в „сѣяньи проса“). В отвѣт на это варіянты как бы расходятся. В одних 1-й хор придает „мизинее дитя“: оно сидит в золотом креслѣ, одѣто дорогим аксамитом, „цятается... срібними орішками“, „підкидається золотим яблучком“; или „Ой чим воно грає? — Золоту дудочку має.“ „А чим заграває? — Червоним лечком“; „Що-ж воно нам дає? — Золоті перетюнки“. „На що-ж ті перетюнки? — На биліві ручки“ (Ант. и Др. I, 70); или оно — „крайнее дитяченько, золотое зерняченько“ (Зоря Гал. 1860, 523),

¹⁾ Здѣсь мгра совпадает с подобною моравской (1-е Pojete (2). — Nesmíme (2). 1-е Pro keho (2)? 2-е Pro pána (2). 1-е Naš pán není doma, Ani naša paní: Jele se do Brna Po drahý kořeni. Vrata votevřený, Mečem založeny. Kdo se toho dotkne, Hned mu hlavo hotne; Suš., Mor. p., 731.

„зелеие дзерняточко, найкрашше дитяточко“ (Гол. IV, 159). В других вар. говорится глуше, что это „мизильнее дитя“ — „в срібрі, в золоті, в ткашкуй сороче“. В третьих — рѣшительно, что это „молода дівонька в рутянім віночку“, „мизилночка дочка в срібрі та золоті“, „мизильное дитя“ что „шне вишиває“, ѣст только пшеничный хлѣб, пьет только солодкій мед, спит в пуховых подушках (Кост. I. с. 589).

Издатели Ист. п. Мр. п. хотя и допускают здѣсь в основаніи „древнюю игру“ „с болѣе ясным мифологическим характером“ (330), болѣе вниманія обращают на относительно позднѣйшія историческія наслоенія и полагают, что кн. Роман подляских вар. есть Роман Мстиславич Галицкій, его люди, приносящіе в дар „ярий бджоли“ („дань медовую“) — Ятвяги, в землѣ которых Роман владелъ городами, входы в которые должны были крѣпко оберегаться воротарями“ (42). Н. И. Костомаров невидит основаній для такого приуроченія: „Пѣсня о воротарѣ безспорно глубокой древности, и крошечный ребенок... в ней... вѣроятно означал символическое изображеніе паступающаго земледѣльческаго года, считавшагося с весны, образ, замѣчаемый во многих мифологіях. Едва ли не болѣе близкій к древним формам есть тот вар. (Ант. и Др. I, 70), гдѣ вм. „посажено на золотім кріслі“ поется что „Мизиле дитячко... На місяцю та посажено... зірками обгорожено“ (I. с. 590).

Мнѣ кажется, что в мр. пѣснѣ могло сохраниться имя Русскаго князя XII в.; но что для объясненія самой игры эта черта несущественна. В сходной серб. игрѣ говорится не о людях князя Романа, а о войскѣ Стефана бана из Цареграда (см. стр. 51). Есть подобная болгарская игра: Двѣ дѣвицы, обнявшись изображают собою ворота. Другія, ставши одна за другою и окружая тѣх, поют:

„Кралою, порталю, отвори порты!

„Че ште да влѣзе царева войска.

1-я — Че коя ми царева войска?

Не си отворям желѣзны порты. —

2-я Кралою, порталю, отвори порты!

Ште ти дадим шиник маргарит (жемчугу); кыло
[жльтицы (червонцев).

Затѣм 2-ья проходят под руками 1-х, которыя задерживают послѣднюю в ряду и требуют обѣщанных даров. Та отвѣчает что она сирота (В. Чолаков, Бѣлг. нар. сборн., 7). Т. о. и здѣсь, как в мр. игрѣ, платой за проход служит дѣвица.

Важнѣ именно тѣ черты мр. игры, которыя допускают, по видимому, миеологическое объясненіе. Заключая от других весенних игр, можно ожидать, что и здѣсь миеологическія черты, буде они есть, приурочены к сватанью и браку. С этим трудно было бы примирить то, что наиболѣе выдѣляющееся лицо есть „крошечный ребенок“; но так ли это? В пѣснѣ говорится про „мизинное дитя в. чадо“, и это можно понимать так, как в нижеприводимой игрѣ „мосты“, именно „младшая (наиболѣе красивая и любимая) дочь“. Ц.-сл. и др.-русс. *мъзинъ*, младшій, *мъзин-ыць*, -ица младшій сын, младшая дочь (серб. кѣрка млезиници), нынѣшнее русс. *мизинец*, собств. не малый, а меньшій палец (пальцы представляются дѣтьми и на оборот служат представленіем дѣтей одной матери: „якого не вріж — однаково боляче“). „*Чадейко*“ — о дѣвицѣ, см. Гол. II, 75; *білоє чадо* именно о невѣстѣ — Гол. IV, 427, точно так, как в колядкѣ „молоде паня“, что „На голові ма'т павяний вінок, На ручейці ма'т золотий перстінок“ (Гол. II, 71). Общеизвѣстно также употребленіе суц. и мѣстоим. сред. р. о взрослой дѣвицѣ: *дівча* (п. *dziewcze*, *das mädchen*); „старшую отдавала, да й, здається, воно молоде ще було“, Чуб. IV, 55. Т. о. нѣтъ противорѣчія в том, что это „молоде чадо“ — „хороше зрляжене“, чтѣ, как и вр. *снарядить*, может относиться именно к снаряженію (матерью дочери) невѣсты, как в весенней игрѣ „мосты“ Чуб. III, 83. Не без того, что иными в этой игрѣ „дитя“ понималось и как малый ребенок (даже, именно мальчик, Шейков. Быт Под. I, 27), м. б. под вліяніем как самого слова, так и другой игры „мост“, в которой по рукам, сложенным в видѣ моста, дѣйствительно ходит маленькая

дѣвочка, потому ли, что если дать эту роль взрослой, то игра из эстетической превратится в гимнастическую, или, что мнѣ менѣе вѣроятно (см. ниже), по требованію лежащаго в основаніи мѣа.

По эмпирически выведенному правилу, атрибуты мифической личности изображают то же явление, что и она сама. Так как золотое яблочко, золотое яичко, золотой перстень суть образы солнца, то и *дитя* (дѣвица) которое ими играет, есть солнце. Вот перевод относящихся сюда латышских пѣсень, отчасти столь ясных, что толкованіе их излишне:

„Солнце (saule, ж. р.) заходит вечером, *подбрасывая* (metajūt) *золотое яблочко*; всходя утром оно сѣет чистое серебро“ (Бривземніакс, в Сборн. антропол. статей Дашкова, II, N 85), с чѣм можно сравнить образ, примѣненный в мр. колядкѣ к молодцу:

... Золотий стільчик,

На тім стільчику гордый пан сидит

... Трома (в. двома) яблучки підкидаючи,

Двома (трѣма) горішки все цитаючи...

(Гол. II, 65—6; IV, 41).

„Горько плачет солнце в яблоновом саду: с яблони *упало золотое яблочко*“ (=закатилось солнце). Неплачь солнышко (ж. р.): Бог сдѣлает *другое* (= т. к. утром всходит уже не то солнце, что зашло с вечера) „из золота, из мѣди, из серебра“ (Mannhardt, Lettische Sonnenmythen в Zeit. für Ethnologie, VII, 78). В другой сходной пѣснѣ—золотой челнок:

„Почему так горько плачет солнце? *В морь потонул золотой челнок*“ (=закат солнца). „Неплачь, солнце: Бог сдѣлает новый, на половину из золота, на половину из серебра“ (Mannh., ib.).

„Вставай рано, дочь солнца“ (=само солнце, дочь вчерашняго; по другим—заря), „вымой бѣло липовый стол: утром прїѣдут божьи сыновья“ (кто бы ни были, женихи солнцевой дочери) (с тобою?) *золотое яблочко катать*“ [Спрогис, Пам. латыш. нар. творч. 312 (24)]. Подобный

образ в русс. сказкѣ: лиса приглашает пѣтуха „на гуменны золоты яблочки катать“, что, по видимому, есть постоянная забава пѣтуха. Пѣтух в этом семействѣ сказок, отчасти сведенном в моем сочиненіи О мие. знач. нѣкр. обр. 112 сл., соответствует Ивасю, у котораго „золотый човнок срібнее веселечко“ и котораго приносит домой гусь-лебедь (солнечный символ, Mannh., Let. Sonn., 310) а лиса—вѣдьмѣ, Ягѣ. Я думаю теперь, что и здѣсь, как выше, золотое яблочко и золотой челнок имѣют одинаковое отношеніе к солнцу. В другой сказкѣ (Ае. Ск. VIII, 315) подарок отца, наливное яблочко, катаясь по серебряному блюдечку, показывает дѣвицѣ города и поля, лѣса и моря.

„Солнцева дочь метет дорогу, чтоб можно было катать“ (ritināt—многократный глагол) *золото* серебряному сынку“ (Бривземн. I. с. 46 (101), гдѣ переведено „для сыночка“). О значеніи *мести* см. выше.

Шведская загадка: „у нашей матери (=земли) ска-терть (=небо)—никому несложить; у нашего отца (=Бога) больше денег (=звѣзд), чѣм кто-либо может сосчитать; у нашего брата (Ис. Христа, спасителя) *яблоко* (=солнце) — никому ненадкусить“. В нѣмецких дѣтских пѣснях, вызывающих солнце из за туч: в золотом домѣ „eusi liebi Frau... hat en *oepfel* i der hand, sie geht durchab zum sunnehús, und lôt die heilig sunne ús, und lôt de schatten ine“; или: ангел с *красным ячком* в рукѣ, „еслиб *ячко* упало (и разбилось), то был бы конец *солнцу* 1); или: (солнце)—„маленькій ребенок играетя золотыми яблоками“ (Mannh., Let. Sonnenmyth., I. с. 104, 210). Сходно с этим и с мр. загадкою „постелю рогожку, посыплю горошку, положу краецъ хлѣба“ (небо, звѣзды и мѣсяц), в латыш. загадкѣ „полно сито гороху (ч. *оръхов*) по срединѣ яблоко“ (звѣзды и мѣсяц), Бривземн. (Трейланд), Матеріалы по этногр. латыш. пл. 110 = Труды Этн. отд.

1) Ср. серб. загадку о солнечном закатѣ: „вијала витка, шоала шотка (=утка), на крај горе јајце снесла“, Новаковић, Срп. заговетке, 319.

Общ. любит. естествозн., VI). Ср. также: „велик [длинен мост, на концѣ моста яблони с разными яблоками = зима (пост?) и Великдень с яйцами, ib. 106. См. тоже у Аван. II. В. (указатель): яблоко и яйцо, как солнечные символы.

Веснянка довольно прозрачно представляет закат солнца т. о.:

Котилось яблучко з гори до долу;
Час вам, дівочки, з гуляння до дому.

(Чуб. III, 131) ¹⁾

Т. к. яблоко = дѣвица („снахо моја, од злата јаблуко“, Кар. Пјес I, 41, 62), невѣста, а с другой стороны заход солнца = выход невѣсты замуж (см. ниже), то понятна свад. п.:

Котилося яблучко с Шайгорода,
Прикачалося під ворота.

Чи тут, чи не тут (в) бубни б'ють,

А в нашому дому гильце в'ють, Чуб. IV, 113.

Ср. также слѣд. вар. пѣсни, помѣщенной у Чуб. V, 698: записанный в Харьк. губ., г. Эварницкимъ:

Котись, яблучко, куда котишься;
Йоддай таточко, куда хочеться . . .
. . . Йа те яблучко закотилося;
Йоддав таточко, нехотилося . . .

Чеш. и морав.:

Kulalo se, kulalo červené jablíčko;
Komu ty se dostaneš, moja galanečko?

(Suš. 707; Erb. P. 116).

¹⁾ Важно было бы найти подтверждение достоверности варианта приведенного в Мр. литер. сб. Мордовцева, 35 = Чуб. III, 209:

Сходилося (= скотилось?) *купало* из долу (до . . . ?) до долу,
Час вам дівочки до дому, до дому . . .

Ср. также свадебную, когда порвут „вильце“, перед отходом дружек молодой домой:

Перед порогом могила,
А в тій могилі кадина,
Спустили гилечку до долу,
Час вам дівочки до дому, Метл. 211.

Калина — дѣвица, дѣвство; но оно же и солнце, о чем ниже.

Что такое примѣненіе этого символа может существовать при сохраненіи в памяти его примѣненія к солнцу, видно из того, что и солнце и яблоко рядом являются образами женщины:

... Ой що ж бо то за мудрая сванечка!

Укотилася сонцем віконцем до хати,

Покотилося жовтим яблушком по столі,

Покотилося старому старості по полі,

Випробуючи, вишукуючи старосту:

Чи не опуйця, чи не розбуйця староста?

(Сб. пам. свз. кр., 150) ¹⁾.

¹⁾ Такое величанье понятно; но на первый взгляд казалось бы странным величанье дѣвицы (дочери хозяина) посредством сравненія с тарелкой:

Гребовичная:

Котилася, розбилася, цинова тарілка;

А в нашего пригіншого дзіндзівер, не дівка:

Ой як вона заговорить—як у дзвони дзвонить;

Ой як вона засмієцьця—в Полтаві слинецьця.

(Ромен. у.).

„Пригінший“ от прич. прош.; ср. у Носовича пригонщик, пригонятый (т. е.—атай). „Дзіндзівер“ род мальвы, Зам. о мр. нар. 63.

Котилася дорогою цинова тарілка,

А в нашего козаченька утіха, не дівка (Чуб. III, 176).

Однако странность величанья исчезнет, если предположим, что разбивающаяся тарелка есть один из солнечных образов. В подобном сочетаніи является зоря:

Ой котилася зоря

З под нового двора.

Ой неестъ же то зоря,

Гето-ж панова жона.

Ой як вона заговорить,

Як у звони зазвонить,

(Пам. н. тв. свз. кр., 145—6).

Зоря падая, розсыпається. Осколками ея украшаєт себя дѣвица:

А вже-ж я ся недивую, чому Марця красна:

Коло неї вчора рано впала зора ясна;

Як летіла зора з неба, та й розсипалася,

Марця зору позбирала, та й затикалася,

т. е. „заквітчалася“, Žeg. P. P. L. R. II, 171.

Относительно „золотой дудочки“ в рассматриваемой игрѣ и вообще представленія свѣта звуком см. Воеводскій, Введеніе в мифологію Одиссеи, 15 слѣд.

О перстнѣ солнца — см. ниже.

С „золотым креслом“ на котором сидит „мизине дитя“ ср. то, что в мр. сказкѣ солнце (с косами, стало быть дѣвица) в полдень отдыхает на золотых кроватях (Чуб. II, 10) или золотом креслѣ (ib. I, 6). Быть может такія кресла были и у мѣсяца. В таком случаѣ к его фазам можно отнести то, что *дѣд-щастье* мр. сказки (=усуд серб.) попеременно сидит на золотом, серебряном и мѣдном креслѣ, и этим опредѣляет долю дѣтей, рождающихся на свѣт в это время (Чуб. II, 423).

Справки, вызываемыя другими чертами рассматриваемой игры, каковы *вѣнок*, *церковь*, упоминаемыя в одном из вариантов, *ворота*, *мед*, дѣлают возможным старомодное и, как можно бы выразиться в духѣ нѣкоторых строгих ученых „ненаучное“ предположеніе, что первоначальная сцена этой игры есть небо, что дѣйствіе происходящее на ней имѣет отношеніе к восходу или закату солнца и вмѣстѣ с тѣм к браку. Впрочем эти справки могут имѣть нѣкоторое значеніе и сами по себѣ независимо от примѣненія к игрѣ в воротаря.

Солнце-мать снаряжает свою дочь и выдает ее замуж. Нѣкоторых относящихся сюда данных, именно вр. пѣсень о солнцевой дочери и серб. о солнцевой сестрѣ я здѣсь приводить не буду, т. к. онѣ имѣют отношеніе к одной из мр. колядок и будут приведены в другом мѣстѣ. Здѣсь же ограничусь слѣдующим.

Сравненіе: „мать (родная) любит дочь, как (лѣтнее солнце грѣет“, частью встрѣчаемое в русс. п., частью предполагаемое ими ¹⁾, находит между латышскими пѣснями

¹⁾ Галиц. посл. „в зімі сонце, як мачуха, світит, а не-гріє“. В вр.:

ми не только полное соответствіе, но и миеологическое основаніе. По многим лотыш. пѣсням у солнца-матери есть

Богодана буде мачиха,
Нежеланна, неласкова
До побѣдной сиротиночки.
... Одно красно пекѣ солнышко,
Единó живет желаньицо

(т. е. желанная, милая, родная мать, между тѣм, как при свѣтѣ зимняго солнца, мачихи —)

Вѣтры віют потихошеньку,
Ан приходит холоднешенько
Сиротинкам красным дѣвушкам

(Барс. Прич. 71—2).

Ибо:

Каково тепло от буйнаго от сивера,
Таково добро от лихой живе от мачихи

(ib. 85; ср. 227).

Перенесеніе того же или сходнаго образа на отца—Барс. ib. 50; „родитель, мой межонной (=лѣтній) день“ ib. 114, с тѣм ср. поль.

A ran ojciec, jako lato, nie gniewa się na to,
Rani matka, jako zima, ciągle przuroniła,

т. е. попрекает дѣвицу тѣм, что она вышила хустку милому (Kolberg, Lud, IV, 17).

В мр. п. тот же, что в сѣв. вр. п., образъ примѣнен к любви дѣвицы и вдовы:

Шо у вдови сердце—як зимнее солнце:

Ой хоть воно ясененько гріе, да холодний вітер віе;

А в дівчини сердце—як літнее солнце:

Ой хоть воно хмарнененько гріе, та тепленький вітер віе.

(Метл. 240).

В лот. п.: „Солнышко (ж. р.)—тепло, матушка—мила,

Объ одиново милы:

Солнышко тепло, чтобы погрѣться,

Матушка мила, чтобы (с ней) поговорить

(Спрэг. 309, 3; ср. ib. 1 и 310, 9).

Два солнца мр. пѣсни через посредство лотышской (Вчера было ясное солнце, А сегодня такое туманное: Вчера свѣтило оно само (ж. р.), А сегодня его служанка“ Спр. 312, 25) могут быть связаны со сказочным мотивом: Служанка топит (убивает, прогоняет) царевну и замѣняет ее собою, пока не открывается обман.

дочь, которую она снаряжает и выдает замуж. Нѣкоторыя из этих пѣсень, по видимому, представляют связь с русскими:

А) „Солнце (мать) вѣет вѣночек“ (т. е. своей дочери, собираясь выдать ее замуж), сидя на вербѣ. „Свей, солнышко, дай и мнѣ один (говорит дѣвица — невѣста): мнѣ (тоже) нужно ити в чужіе люди!“ (Спрог. 311, 14). Вѣнок по другим лот. п. дѣлает для дѣвицы: а) родная мать (Спрогис 162, 17), так что без матери „кто станет: мнѣ, сиротѣ, дѣлать вѣнок из свѣтлой (ч. зеленой) мѣди?“, Бривземн. в Сб. Дашк. N 904; б) Лайма, добрая доля „которая дѣвица хранит честь, той Лайма вѣет вѣнок из чистаго золота, серебра; которая нехранит чести, той — из терновых вѣтвей и листьев репейника“, Бривзем. N 113, 701; Спрог. 305, 5; в) Марія дѣва, замѣтившая Лайму: „Крест на крестъ (вдоль и поперек) растут цвѣты в саду милой Марьи; которая дѣвица бережет честь, той она из цвѣтов свивает вѣночек“, Бривземн. ib. N 757.

Небо, рай в мр. и др. слав. п. нераз представляется церковью. Так же можно понять и один из вариантов п. „Воротарь“:

... Церква замикана,
Церква одмикана,
А хто в тій церковці?
— Золотее дитятко.—
А щож воно робит?
— Золотого ножика держит.
А що-ж воно крає?
— Срібнее яблучко.

(Шейков. Быт подол. I, 27; Чуб. III, 40). С этим ср. то, что выше (стр. 52) царевна в городѣ, которая по вр. „золотым перстнем сіяет“, по одному из мр. вар. находится в раю.

Согласно с этим с вышеприведенною лот. п. ср. мр. свадебную („як вінок вьють“, при вінкоплетинах“):

Ой из суботоньки та на неділеньку
Та отворилося небо,

Та видно церкви и монастири
И святі престоли,
А конець престола Мати Христова
Плепа віночки стоя:
Що из руточки та из мияточки
Молодому Василечку,
А из роженьки та из повної
То молодій Марусеньці.

(Ромен. у. Ср. Чуб. IV, 135; Гол. II, 626; сравненіе этого вѣнка с мѣсяцем и звѣздами—Гол. IV, 370; „Вийся віночку гладко, Як червонсе ябло“, Гол. II, 627, 117).
Может быть к тому же ряду представлений („отворилося небо“) относится само по себѣ неясное выраженіе свад. п. сиротѣ, когда она сидит на посагѣ:

Втвори, Боже, ворота:
Сіла на посаг сирота;
Єї ся серденько вздригає,
Що свого батенька немає, *Ж. Р. I, 118.*

Если же Бог отворяет ворота для того, чтобы в них вышел или глянул с того свѣта покойный отец молодой, то все же это ворота небесныя. При представленіи того свѣта подземным, отец, по котораго сирота посылает туда зозулю, отвѣчает:

„Сирая земелька, тяжкіі дверейка,
Годі їх вітворати,
Ані віконця — ясного сонця
На тебе ся подивити, *Ж. Р. I, 76.*

Б) *Солнце мать выдает свою дочь.*

Латышскія пѣсни:

а) „Я добыл бѣлую бобину, посадил на вершинѣ горы. Она выросла большая высокая до самого неба. Я взлѣз на небо по тѣм вѣтвям боба, там увидал божьяго сына (dēvu dēlu) сѣдлающаго коня. „Добрый день, божій сын! Куда ушли (твой) отец и мать?“ — Отец и мать в Нѣмецкой землѣ „пють“ (празднуют) свадьбу солнцевой дочери. Солнце (мать) само везет „скриню“ (с приданым, лот. *pārs*), одаряя вершины деревьев: дубу — рябья рукавицы, липѣ —

зеленую „виллайну“ (женская накидка из шерстяной ткани), маленькой ивѣ—золотистыя подвязки“ (Бривземн. в Сб. Дашк. 33, N 88). Начало пѣсни (взлѣзанье на небо по быстро взрослому стволу растенія, ср. Спрогис 72—3)—сказочный мотив, извѣстный и из русс. сказок (см. Mannh. Lettische Sonnenmyth. в Z. f. Ethnol. VII, 230).

б) „Перкун ѣхал за море по ту сторону моря брать жену. Солнце со скринейю за ним, раздавая подарки деревьям: дубу—золотыя рукавицы, клену—золотыя перчатки, маленькой ивѣ—золотыя витыя кольца“, Бривз. ib. N 40; Спр. 316.

в) „Свою дочь отдавало солнце (ж. р.) далеко в Нѣмеччину за море. Скриню везли божьи сыновья“ (как бояре), щедро одаряя деревья... (и пр.), Ulman у Mannh. Lett. Sonnenm. I. с. 77.

г) *Солнце* (ж. р.) *заходит вечером*, украшая верхушки деревьев. Липѣ оставляет золотый вѣнец, дубу серебряный, а маленькой ивѣ надѣвает золотое колечко“, Бривз. ib. 48, N 169.

Послѣдняя пѣсня заставляет думать, что и в предыдущих в видѣ свадебнаго поѣзда изображен не восход, а закат солнца. Это, по видимому, подтверждается вариантом 1-ой пѣсни (Спрогис, 72—3), в котором божій сын говорит: „Отец и мать (*уже*) на морском берегу, а я остался в этой землѣ, чтобы сковать себѣ меч. (Сковавши) я разрубил чортову мать на девятеро, я запятнал свой смурый кафтан этою... кровью“. Эта черта (кровь; ср. Бривз. ib. N 41—3) может быть отнесена только к зорѣ, слѣдующей за солнцем, а не предшествующей ему. — Поэтическим образом выхода за муж, уже лишенным мифологичности, служит тоже не восход, а закат солнца: „Серебряное солнце всходило, когда я родилась у матушки; золотистое заходило оно, когда повели меня в чужи люди“, Спрогис, 192, 59. Так и в сербских свадебных:

Жарко сунце на залазу, хоће да зађе (v. да пане),

Наша Мара на походу, хоће да пође (Кар. П. из Херц. 299);

Сунце нам је на заходу, брзо ће нам заћ,

А невјеста на отходу, брзо ће нам ноћ (К. П. I, 35).

Чужая, заморская земля, куда уводят дочь солнца, называется в лот. п. Нѣмеччиною, т. е. представляется лежащею на западѣ; но, по видимому, эта земля под нашей простирается до востока, ибо к восходу солнца нужно отнести слѣдующее изображеніе: „Солнце провожало невѣсту (соб. „ведомую“, м. б. именно свою дочь) из Нѣмецкой земли в эту...“ Бривз. ib. N 65.

„Saules meita“, солнцева дѣвка, дочь, есть во всяком случаѣ представленіе свѣтового явленія, связаннаго с солнцем. В нѣкоторых случаях под ней можно разумѣть зорю (зареву) утреннюю и вечернюю; но распространять такое толкованіе на всѣ случаи, как дѣлает Маннгардт (Lett. Sonnenm. I. с. 295), трудно, если дѣйствительно в вышеприведенных п. 1—3 говорится о закатѣ солнца: в них сонце-мать ѣдет с приданым за дочерью¹⁾, так что послѣдняя не может быть вечернею зарею слѣдующею за солнцем. При том, до появленія доказательств, нѣтъ нужды считать за обмолвки или искаженія пѣсень, в коих солнцева дочь прямо называется солнцем (saule):

„Солнцева дочь сидит на морѣ, украшая свой вѣнок. „Сплети солнышко (saulite), дай мнѣ один: мнѣ нужно ити на чуживу (=за муж)“, Бривз. ib. N 103. Выше приведен вар. из Спрог. 311, N 14, гдѣ вѣнок излетет солнце, т. е., как мнѣ кажется, мать.

„Солнцева дочь бредет через море, виден (уже) только

¹⁾ „Поляне... брачный обычай имяху: нехожаше зять по невѣсту, но привожаху *вечеръ*, а завтра приношаху по ней, что владуче“. Лавр.² л. 12.

Из серб. свадебной п. видно, что невѣста оставляет родительскій дом послѣ заката солнца; она говорит:

Ој лагле, лагле, моје сунце жарко;

Ој немој нагло за гору заходит,

Ој да још будем у мајкинем двору,

Ој да још носим вјенац дјевојачки.

(Stojanović, Руџке пригов. i pjesme 271).

вѣночек. Гоните лодку, божьи сыновья, спасайте душу (жизнь) *солнца*“, Бривз. N 90=Спрог. 312, 22.

Согласно с этим нельзя ли думать, что в вышеприведенных п. а, б, в „дочь сонца“ невеста находится за сценой, что она—солнце будущего дня, тогда как на сценѣ—солнце-мать, солнце нынѣшнее? Что солнце сегодняшнее и завтрашнее различны, об этом свидѣлствуютъ двѣ п. приведенныя выше (стр. 58, 63).

Та черта, что солнце-мать, провожая дочь-невесту в „чужіе люди“, раздает деревьям подарки, как величанье, переносится и на дѣвицу сироту, которую латышская пѣсня, как и русская, в замѣнъ человѣческой родни, снабжает божественною ¹⁾:

„Чужане (=сваты) вели сиротку, *украшая всѣ лѣса*: соснѣ—сагшу (род женской накидки, застегиваемой запонкой на груди. См. рисун. в Сб. Дашк. II), ели—сагшу, можевельнику (раеглѣ, жен. р.)—шерстяной платок“, Спрог. 182, 30.

Возможн, что свадебный поѣздъ представляется здѣсь поѣздомъ мифологическаго лица (солнца или зори); точно так, в вр. и мр. пѣснях, на которыя я обратилъ уже вниманіе в своемъ соч. О миф. зн. нѣкр. вѣр. 203—4, величаемая невеста или сравнивается, или прямо называется зарею:

Заря—зорюшка Наталья, Вдарила в ворота грозою

Заря бѣлая Ивановна Пустила силѣнъ дождь по

Пришла ко двору тучею, [двору...

(за тѣмъ слѣдуетъ величальный мотив, который будетъ разсмотрѣнъ в другомъ мѣстѣ). Или:

Бурею Наталья-свѣтъ всѣхъ лѣса прошла...

(в. Сободем лѣса прошла)

... Крыла лѣса (bis) алымъ бархатомъ,

Катила она (bis) золотымъ перстенемъ

¹⁾ „Бери, братецъ (за себя) сиротку; сирота—великаго роду: Бог—отецъ, Лайма (счастье)—мать, божьи сыновья—братцы“, Спрогис, 177, 1. Ср. лит. п. у Юшкевича, Лит. п. Слб. 1867, 5—6 (Сб. статей, чит. в Отд. Русс. я. И. Ак. Н., II).

(ч. По пути катил крупным жемчугом)

Прикатила (bis) ко круту берегу,

Кличет она (bis) громким голосом:

„Есть ли здѣсь (bis) перевозчики?

(Перевозчиком является жених: мотив требующій особаго разсмотрѣнія), Кохановская, Остатки боярских пѣсень (Ст. Осколь. у. Кур. г.) в Русс. Бес. 1861, II, 139—141; Гуляев, Этн. Оч. южн. Сиб. Б. для чт. 1848, XC, 10.

Эта невѣста, *кроющая льса алым бархатом, катящая золотой перстень* ¹⁾ (=солнце) к рѣкѣ, конечно, древнѣе того, впрочем неопредѣленнаго времени, с котораго на Руси извѣстен алый бархат. Она напрашивается на отождествленіе с лот. „*saules meita*“, солнцевой дочерью.

Бытовое основаніе этого „украшенія льсов“ заключается в том, что по свидѣтельству Преторіуса (XVII в., у Мангарта, Lett. Sonnenmyth. 220—1) у Литвы того вѣка на пути в дом жениха, перед каждою живою изгородью (*heske*), на каждой межѣ (границѣ), наконец перед двором (клѣтью) жениха, бросали гдѣ платок, гдѣ пояс, что подбиралось для деверя и золовки. В домѣ молодого невѣста одаривала запасами из своей скрини (=серб. *бје-ле даре*, вр. *дары полотняные*) между прочим *каждое* плодовое дерево в саду. И теперь у Лотышей сохраняется подобный обычай. Везущій скриню останавливается по временам перед изгородью (? *heske*) и т. п., под предлогом, что порвалась упряжь. Невѣста дарит ему подвязки, пояс и т. п., яко бы на починку. Б. м. нелишено значенія по отношенію к мр. игрѣ в Воротаря то, что *ворота женихова двора отворяются для невѣсты* лишь тогда, когда послѣ долгих переговоров, она *одарит воротарей* свитками полотна, перчатками и пр. Мангарт I. с. указывает на подобный сербскій обычай. Мы можем считать его славяно-литовским. По отношенію к его видоизмѣненію в вышеприведенных лотыш. пѣнях, в коих дарит мать невѣсты (солнце), замѣтим мр. обычай: мать невѣсты дает хустки всему поѣзду молодого (Чуб. IV, 566; ib. 560 и пр.).

¹⁾ Ср. выше стр. 58.

Я думаю, что обычай повязывать свадебными дарами (ручниками, поясами и пр.) неодушевленные предметы, между прочим деревья ¹⁾, был и на Руси, т. к. оставил косвенно слѣды в пѣнях. Признать вѣроятность этого можно таким путем:

Та дочь солнца, которая выходит за-муж за море, представляется также тонущей в морѣ. Чтобы прослѣдить теперь же эту черту в славянских пѣнях, пришлось бы сдѣлать длинное отступление. Поэтому на сей раз ограничусь голословным предположеніем, что и в лот., и в слав. пѣнях тонущая дѣвица есть зоря или, что вѣроятнѣе, солнце. Если она сама бросается в воду, то побужденія ея выставляются различныя. В одной лот. п. они тѣ же, что и причины бѣгства дѣвицы от отца или брата во многих вар. сказки про свинячий (мышачій) кожушок (=Попелуга, Cenerentola и пр.), принадлежащей тоже к кругу солнечных:

„Ой Боже! что мнѣ дѣлать? Хочет братец меня (за себя) взять! *Брошу свое колечко в тустой куст лозы, надѣну свой вѣночек на верхушку зеленоаго камыша, брошусь сама в рѣчку в стадо (полчок) плотниц. Лучше рѣчной плотницей, чѣм братней милой!*“ Бривзем. в Сб. Дашк. N 345.

В другой п. молодец ждет своей милой, а она рвала цвѣты черемухи, *уронила в рѣку перстень*, а доставая его и сама упала тудаже ²⁾. Рѣка вынесла ее в море, море

¹⁾ Ср. серб. обычай повѣсом льна перевязывать кочергу из того дерева, из котораго был бадняк (Кар. Рјечи. Бадняк); мр. бр. серб. болг. поль.—обвязывать плодовыя деревья перевяслами из соломы, которая настлана была в хатѣ на канунѣ Рождества, чтоб деревья родили, Kolb. Lud V, 194; Карадж., Рјечи, Божић; Чолаков, Българскій нар. сборник, 29.

²⁾ Ср. Гамлет, акт IV, сц. 7:

Там ива есть; она, склонивши вѣтви,

Глядится в зеркало хрустальных вод.

В тѣни ея плела она (Офелія) гирлянды...

Вѣнки цвѣтушіе на вѣтвях ивы

Желая размѣстить, она взобралась

На дерево; вдруг вѣтвь под ней сломалась

выкинуло на берег. Там выросла густая липа о 9-и вѣтвях. Из девятой—Рижскіе молодцы сладили гусли, и говорят: „жалобно звучат эти гусли, как одинокая милая“, Бривземп. ів. N 938. К этому прибавлю, что липа = дѣвица (Спрогис, 34, 1 и слѣд.; Бривз, N 217—8, 221, 437, 789) и вмѣстѣ имѣет отношеніе к солнцу: „Густая липа выросла на концѣ тропы солнца (ж. р.), там каждый вечер уходя (спать?) солнышко вѣшает свой пояс“, Спрог. 38, 14 с чѣм ср. „Дубок (стоит) за горкою, за дубом озерцо. Там божій сын вѣшает пояс, а солнцева дочь — вѣночек“, Бривз. N 98. В Калевалѣ солнце садится на кривую березу, или мѣсяц—на верхушку березы, а солнце—сосны, откуда их похищает старая Лоухи. Захожденіе—смерть, почему дѣвица говорит: „Когда я умру, матушка, куда дѣнешь мой вѣночек? Повѣсь, матушка, на липкѣ, пусть солнышко его бѣлит...“ (ів. 38, 26).

Но если дѣвица (герср. *saules meita*) утонула, то куда матери ея дары дѣвать будет? *Неужели украшать ими деревья?* Этот послѣдній мотив находим в бр. купальской п. (размѣр 5+3, свойственный мр. веснянкам и купальским, переходит в 5+4):

Ой рано, рано, на Яна
Пашла Ціхоня на кірмаш ¹⁾,
Пашла Ціхоня танцаваць.

Меньшій брат дает об этом знать матери.

Пришла Ціхоня да дому,
Стала (яе) маці караці:
„Любо ты, Ціхоня, втапіся,

И в воды плачуція пали с нею
Гирлянды и цвѣты. Ея одежда
Широко разстилаясь по волнам
Несла ее с минуту, как сирену.
Несчастная, бѣды непостигая
Плыла и пѣла, пѣла и плыла...
...Одежда смокла, и пошла ко дну;
Умокла жизнь и нѣжные напѣвы.

(Перев. Кронеберга).

¹⁾ П. *kiermasz*, нѣм. *kirchmesse*, *kirmes*.

„Любо ты, Ціхоня, гдзе дзенься!“

... Пашла Ціхоня па воду...

Паклала сукні на пяску,

Павышала істужкі на кустку,

Панізала персцёнкі на дубцы...

... Ой сама стала втанула...

... У нядзелю раненька

Ціхоніна матка плакала:

„Ой зяцю, зяцю, Дунаю!

„Да паволі йдзі, негудзі,

„Майго дзіцяці нетамі.

„Да істужачкі чырвоныя!

„Чи кусты вамі вбіраці?

„Пярсцёначкі залатыя!

„Чи бочкі вамі набіваці?

„Да сукенкі мае дарагія!

„Чи пнёвья вамі вбіраці?

„Палаценцы мае белыя,

„Чи горы вамі высцілаці?

„Ручнічкі мае шавковыя,

„Чи старву¹⁾ вамі дариці?

„Невідаць майго дзіцяці валаска,

„Непачую яе галаска.

(Безсон., Бр. п., 38—9)

Начало п'єсни, приведенной в числѣ купальских у Шейна (Бр. п. 158, N 243), именно ст. 1—14, взято из другой п., отличной по размѣру (4+4) и лишь внѣшним образом связанной с концем (ст. 15 сл.), гдѣ невзятая замуж причитает:

Абрусы маі шавковыя,

Рушнічкі маі кружковыя,

А ці горы вамі высцілаці?

Ци дубы вамі абвезаці?

Негдзе мне младзе падзеваци.

¹⁾ Г. Безс. объясняет: „мертвечину“. В таком случаѣ было бы „сцерву“. Вѣроятно какое либо искаженіе. По звукам подходит лот. *stārpa* промежуток (и *stārps*=лит. *tarpas*). Форма без *s* перешла в бр. *tōrna*, промежуток между двумя столбами (в клунѣ); м. б. и вообще засторонка в клунѣ.

Далѣ: „неужели поясами—вожжать, перстнями ковать, кораллами уздать коней“, что б. м. указывает уже на забвене происхожденія образа. Древним здѣсь может быть то, что причитает не мать, а сама невѣста. Во всяком случаѣ этот мотив, как плач самой невѣсты, существовал до того времени, когда по горячим слѣдам событій примѣненъ къ положенію и вложенъ в уста Ксеніи Борисовны Годуновой:

А свѣты бранни убрусы,
Береза ли вами крутити? ¹⁾
А свѣты золоты ширинки,
Льсы ли вами дарити?
А свѣты яхонты—серешки.
На сучье ли вас задѣвати
Послѣ царскаго нашего житья,
Послѣ батюшкова преставленья
А свѣта Бориса Годунова?

(Из запис. Р. Джемса, 1619—20, Бусл. Ист. Христ. 1034).
Первые 6 из приведенныхъ стиховъ служатъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, что почти три столѣтія могутъ неизвѣстно замѣтныхъ измѣненій в размѣрѣ [в настоящемъ случаѣ, за вычетомъ начальнаго А (как *vorschlag*) — 5 + 3, рѣже 5 + 4, почти с востояннымъ удареніемъ на предпоследнемъ слогѣ] и отдѣльныхъ выраженіяхъ. На несравненно большую древность первообраза этой пѣсни, имѣннаго тотъ же размѣръ 5 + 3 и тѣ же главныя черты содержанія (невѣста тометъ, причитая, „кому дары останутся?“) указываетъ то, что есть именно такая Дубровницкая пѣсня:

Бјелгяла Маре дарове
На везу р'јеку на море,
Утони прстен у море. (См. выше стр. 76).
За њиме млада пловила
А грозне сузе ронила . . . :
. . . „Ак пусти моји дарови!
„Коме ми ѣсте остати?

¹⁾ Крутитъ молодую—убирать ее послѣ вѣнца по бабьи.

„Ал' моме тајку, ал' брату?
 „Ал' мојој худој маћехи,
 „Која ме често кун'јаше:
 „Нестекла, Маре, срећице,
 „„Колик' ни паун кућице!““

(Кар. Пјес. I, 383).

Небесныя ворота. Как „мизилночка дочка“ игры в „воротаря“ м. б. одна из солнечных дочерей, так и ворота, которыя отпирают в этой пѣснѣ, могут быть, солнечныя ¹⁾. Такія ворота нѣсколько раз упоминаются в лот. п. по поводу выхода замуж солнечной дочери. Так, когда „мѣсяц брал солнечву дочь, Перкун поѣхал в сваты. *Въѣзжая в ворота*, он разбивает золотой дуб . . .“ (Бривземн. N 41); „Чьи эти кони, чей этот воз (коли) у ворот солнцева дома? — Божьи кони, воз Лаймы (счастья). (Это приѣхали) сваты к солнечной дочери“ (ib. N 63); сивые кони, хороший воз у ворот солнцева дома. Солнце-мать отдает свою дочь, приглашает меня в „догонщики“ (поѣзжане невесты), ib. N 64; это послѣднее событіе м. б. одновременно со сборами жениха: „Я нашел своего коня у ворот мѣсяцева дома. Мѣсяц берет дочь солнца, зовет меня в увозчики“, ib. N 89.

Ворота в которыя въѣзжала солнцева дочь, были *мѣдныя* (между прочим; были, конечно и золотыя), судя по тому, что этот образ примѣнен к земным событіям. Невѣста говорит: „Чужіе люди (=родственники жениха) лишь до половины отворяют свои мѣдныя ворота (=несовѣм дружественно принимают в семью). „Отворяйте, чужіе люди, на-стежь! Со мною вмѣстѣ идет Счастье (Лайма) под бѣлым покрывалом““, Спрогис 192 (53). В другой п. та-

¹⁾ „Могут быть“. Конечно здѣсь можно вспомнить сцену из Недоросля: *Софья*. Да он никогда неумирал. *Простакова*. Неумирал! А развѣ ему и умереть нельзя? *Скотинин*. Сестра! ну да коли неумирал? *Простаков*. Избави Боже коли еще неумирал! *Пр-ва*. Как неумирал? Что ты бабушку путаешь? Развѣ ты незнаешь, что уж нѣсколько лѣтъ от меня и в памятках за упокой поминали? Неужто таки и грѣшныя-то мои молитвы не доходили?

кія ворота упоминаются в смыслѣ неодолимой защиты: „Живи смѣло ты, сестрица; не войдут в двор чужіе люди (сваты): у братца мѣдныя ворота с серебряными столбами“, Спрог. 194 (68). Этого происхожденія, вѣроятно, „жельзный тын, верей булатныя, *ворота мѣдныя*... от земли до неба“, как ограда от враждебной силы в вр. заговорах (на прим. Майков, Закл., стр. 534), а равно „железный тын, медзяные ворота“ (бр.), „ворітечка з жовтої меди“ в дворах лиц, величаемых в бр. волочобных п. и мр. колядках.

Трое ворот. Слѣдующая лот. п., хотя не говорит о свадьбѣ и представляет христіанскія подновленія, закрывающія первоначальный смысл, кажется важною потому, что ведет к сближеніям, которыя опять возвращают нас к связи ворот небесных и свадьбы:

„Что за пышный двор там за горою в долині? В него ведет *трое* серебряных *ворот*: в одни *взлѣзает* сам Бог, в друіа *милая Марія*, в *третьи* *солнце* на парѣ золотых коней“ (с нѣмец. перевода у Mannh. Lett. Sonnenmyth. I. с. 77—8).

„За горою“ указывает, по видимому, на то, что рѣчь — о закатѣ солнца, которое и по славянским свидѣтельствам заходит за гору (Чуб. I, 4; „Мож Дамлане, моје жарко сунце! Лепо ти ме бјеше обасјало, Ал’ ми брже за горицу зађе“, Кар. Пјес. I, 406).

В мр. колядкѣ:

... На сивім морі корабель на воді
В тім кораблейку *трое* воротці:
В перших воротейках місячок світит,
В других воротейках сонейко сходит,
В третіх воротейках сам Господь ходит...

... Ключі тримає рай відмикає... (Гол. II, 156).

Эта колядка принадлежит к обширным семействам, которыя будут рассмотрѣны в другом мѣстѣ. Сравненія заставляют меня думать, что „*трое* ворот (v. окон) с солнцем, мѣсяцем и Богом (v. ангелом, соколом)“ в колядках есть мотив совершенно отдѣльный от двух других, связанных

с ним поздравъ: „корабля“ и „Бога“ (Христа, св. Петра) отырающаго рай и пекло и выпускающаго грѣшныя души, кромѣ одной. Этотъ послѣдній мотивъ и по моему мнѣнію весь христіанскаго происхожденія, изъ чего для меня неслѣдуетъ, чтобы всѣ болѣе-менѣе мифологическіе ключи вели свое начало отъ Петровыхъ, о чемъ — ниже. Поэтому, несогласяясь и въ частности толкованія съ Асанасьевымъ (П. В. III, 756—7), считаю невѣрнымъ прежде всего то, что онъ не отдѣляетъ мотива „3-е вѣро“ отъ его позднѣйшихъ ассоціацій и объясняетъ приведенное мѣсто колядки какъ цѣлый образъ: „корабль — туча, рай — ясное небо, ключ — молнія“.

По главному мотиву (грѣшныя души и пр.) къ вышеупомянутой колядкѣ и въ щедровкѣ „Ой сѣв Христосъ вечеряти“ примыкаетъ серб. п. размѣра щедровокъ:

Свети Петар цркву гради
 Ни на небу, ни на земљи,
 Но подъ небомъ у јајеру.
 Ту је цркву освештао
 Летурђију отпојало . . .

(ее слушаютъ, стало быть уже находятся въ церкви — раю, всѣ души, кромѣ 3-хъ смертно согрѣшившихъ, которыя страдаютъ въ пеклѣ). Кар. Пјесме изъ Хер. 324.

Стихи 1—3 этой пѣсни считаю христіанскою перелицовкою начала слѣдующей колядки того же размѣра ¹⁾:

Град градила бјела вила	. . . Што су врата од скерлета
Ни на небу, ни на земљи,	На та вила шѣбер удава;
Нег' на грани од облака.	Штол' су врата од бисера,
На граду је троје врата . . .	На та вила сина жени;
(багрянныя, жемчужныя, золотыя)	Што ли врата сухог' злата, На та вила сједи сама,

¹⁾ Особо стоитъ пѣсня у Кар. Пјес. изъ Херц. 265, размѣра свадебныхъ (4+4+5) „Град градила бјела вила, коо Цариград“ представляющая сочетаніе мотивовъ: „построеніе виллоу города“ (стѣны изъ конской и янацкой кости, по угламъ людскія головы) и „избиеніе ея царскаго войска“. Ср. Кар. Пјес. I, 157, 159 (№ 232, 234, особенно послѣдній).

Ви́ла гледа́ у облаке, Мука́ грома́ надиграла,
ѣ́ се му́ка с гро́мом игра́, Мила́ сестра́ оба́ брата́
Мила́ сестра́ су́ два́ брата́, И невѣ́ста два́ бѣ́вера,
И невѣ́ста с два́ бѣ́вера. А то́ ви́ли мило́ било.

(Чубро Чојковић, Пѣванія Черногорска, 3). Варіанты Караджича (Пјесме I, 151—2) записаны тоже в Черногориі.

Из отличій замѣтим: вмѣсто „на грани“ (в. в. формѣ винит. в значеніи мѣтнаго „на грану“) „од облака“, т. е. на вѣтви облака, так что облако представляется деревом, — „на дело (?) под облаке“. Караджичь догадывается, что это — „на делу“ в. „на дијелу“ = „на брду“ в. „на бријегу“, на горѣ, на холму. За тѣм:

Што́ су́ врата́ су́ха злата́,
На́ нихъ ви́ла сина́ жени́;
Што́ су́ врата́ од бисера́,
На́ нихъ ви́ла кѣ́р удава́;
Што́ су́ врата́ од шкерлета́
На́ нихъ ви́ла сама́ сједи́,
Сама́ сједи́ погледу́је и пр., какъ выше.

У Караджича эта пѣсня отнесена к субъективнo-установленной категоріи пѣсень „особенно-миѳологичных“ и названа колядкой. Это значит, что свидѣтельство Чојковича (Милутиновича) невѣрно. Миѳологичность сохраняется не в силу своей собственной устойчивости, а потому, что примѣняется к житейским обстоятельствам, становится образом постоянно обновляющагося значенія.

Эта пѣсня есть такая же колядка, т. е. величанье, как а) „пјесма од коледе“, Кар. I, 115, N 191 (величанье старой матери семейства); б) безыменная, Кар. I, 161, N 235 [величанье дѣвицы: „ты так прекрасна, как будто плела косы солнцу (дѣвицѣ) и мела двор мѣсяцу!“ — Нѣт, отвѣчает дѣвица, ни то, ни другое,

Ван (=вѣн, но) стајала те гледала
ѣ́ се му́ка с гро́мом игра́,

т. е. она или отождествляет себя с виллою вышеприведенной пѣсни, или говорит, что она была свидѣтельницей того, что происходило в вилином городѣ, и от того — ея кра-

сота]; в) безыменная у Кар. 161, N 236 (величанье молодцу: он выслужил у Божьей матери волов, яворовое ярмо и пр. См. мое соч. О мие. зн. нѣкр вѣр. 230).

Так и разсматриваемая колядка есть величанье матери-хозяйки и ея дѣтей. Изображеніе ея семейнаго счастья миеологическими чертами, его обожествленіе есть лишь поэтическій приемъ.

Каково бы ни было миеологическое значеніе этой колядки, величальное значеніе образа

Ви́ла гледа :

Му́на (=молнія) грома надиграла,

Ми́ла сестра оба брата . . .

. . . И то ви́ли мило било,

в общем явственно видно из сравненія с болг. весеннею (Лазарскою) п. того же размѣра и характера (Миладиновы Бѣлг. н. п. 488):

Три се сѣнца разиграле

Во майкини рамни дворе.

Это были не солнца, а сыны.

Помали—от 'и надиграл.

Мать смотрѣла на эту побѣду меньшого и, конечно, наиболѣе любимаго сына и, вѣроятно, в душѣ радовалась, как ви́ла в серб. п., но необнаружила этого. „Недѣлай, говорит, стыда старшему брату. Отец рѣшил, чтобы кто одолѣет в игрѣ („кой понапрет ке излезит“, м. б. именно обгонит?), того я первым женила“. И вот младшій обнаруживает и нравственные достоинства. Он просит неговорить отцу, что он, хотя меньшой, оказался бѣльшим юнаком. Мать на вопрос отца об исходѣ игры отвѣчает двусмысленно, и введенный этим в заблужденіе, отец рѣшает женить старшаго.

Град (агх, замо́к; в этом смыслѣ и русс. город) ни на не́бь, ни на землѣ (стало быть на склонѣ неба?) может быть отнесен к восходу или закату солнца. Так как заря представляется пожаром, то к восходу и к закату может

быть отнесена лотыш. п.: „Жавороночек малая птичка! что ты видѣл в небеси? Я видѣл как сгорѣл один замок, видѣл как построили другой“ (Спрогис, 106; Бривземн. 67 (288).

Лотышская п., приведенная выше (стр. 65) и взятая мною за начало ряда сближеній, говорит о закатѣ солнца. Миѣ кажется, что стихи серб. п.

Што си врата сва од злата

На них вила сина жени (Кар. I, 151)
связывались с тѣм же явленіем. Иначе трудно будет объяснить слѣдующее серб. „бајане“ („басму“, заговор и сопровождающія его дѣйствія, чары) от дѣтскаго плача (рус. плаксы, криксы):

„Когда вечером увидят какой либо огонь за водою (по ту сторону, „преко воде“), пабирают воды в зеленую миску и, держа дитя на руках, умакают головешку (горящую? „угарак“) в эту воду, говоря: „Вила сина жени и мога Марка (имя ребенка) зове на свадбу. Ја нешилем (=непосылаю) Марка, него негов плач“, (трижды). Этой водою поят дитя, а остальную выливают на собаку или кошку (ср. п. „па рса игок“ и т. п.), а миску—ставят вверх дном на всю ночь (Милићевић, Живот Срба и пр. Гласник Срп. уч. друштва, кн. V (XXII), 158). Такое же лѣчение от лихорадки: спечь головку чесноку (чеснок см. в моем соч. О мнѣ. знач. нѣкр. обр., 305), вечером, когда зайдет солнце, выйти перед избу и увидавши гдѣ либо огонь, говорить оборотясь в ту сторону: „Онде ватра гори, онде вила сина жени и зове мене на свадбу. Ја немогу да идем, него шалем грозницу (=шлю лихорадку) и лукову главицу“. За тѣм бросить (в ту же сторону) чеснок (Милић. ib., Гласн. XXXVII, 142).

По очень распространенному повѣрью солнце заходит в море (=за воду). По видимому, огонь горящій за водою, изображает именно закат солнца ¹⁾. Тоже представля-

¹⁾ Ср. вр. загад. о восходѣ солнца: „без огня село горит“ (Этн. сб. VI, 112); лотыш. п. о закатѣ солнца: „Там спали ночлежники (что стерегут ночью лошадей на паствѣ), там раз-

ет и головня, погашаемая в мискѣ воды (тушеніе горячих угольков при заговорах от болѣзней, см. на пр. Чуб. I, 134—5). Гашеніе головни здѣсь нужно потому, что огонь, горящій за водою во время заговора непогаснет, а между тѣм ход мысли, лежащій в основаніи множества чар и заговоров требует, чтобы в дѣйствительности происходило то, что служит образом желаемаго событія ¹⁾: как тухнет уголь, как потухает зоря (Майк., Закл., N 211, 236), так бы погасала болѣзнь; как уходит за воду солнце, так и вмѣстѣ с ним или в слѣд за ним ушла бы болѣзнь. Ср. „когда солнце заходит, больной, ставши лицом к западу, говорит: „сунце за гору, а главобола у гору (=в лѣс)“ и бросает туда грудку соли“ (Милић. ib. Глас. XXXVII, 144); от крика („од вриске“) выносят дитя на двор вечером, когда мѣсяц заходит, и, как бы подбрасывая его трижды вверх к мѣсяцу, говорят: „месец за гору, а мога Марка (N.) вриска у гору“ (ib., кн. V (XXII), 158) ²⁾; „солнце на запад, день на исход, сучек на глазу

вели огонь, там грѣлся бог, там оставил свой плащ“ (Бривз. в Об. Дашк., 28); Кто там зажег огонь на краю этого поля? Кузнец кует на небесах, уголья падают в Двину... (ib.). Закат солнца — пожар дома наѣкомаго „солнышка“ (sossimella), см. Manhard, Germ. Myth., 353—4; мое соч. О мие. зн. и пр. 218—9, 224—5; Ае. П. В. III, 295—8. Португальскій заговор в Liebrecht Z. Volksk. 373—4.

¹⁾ Об этом см. в моем соч. „Mr. п. по сп. XVI в.“ 21 сл. Заговоры, построенные по формулѣ „Я вижу то-то; подобно этому пусть будет то-то“ на пр. у Майк. NN 5, 9, 12, 19, 22—3, 199 и пр.; Ае. П. В. I, 169, 636, 679—80 и пр.; или „невозможно то-то; так бы было невозможно то-то“, Майк., N 139, 199, 206, 221, 226 и пр.

²⁾ Этим отчасти (т. е. кромѣ спеціальнаго отношенія мѣсяца и (его) зайца к зубам) объясняются обращенія к мѣсяцу в заговорах от зубной боли. 1. Просят мѣсяц сойти, снять и унести (с собою) зубную скорбь (Сах., Ск. Р. н., кн. 2, N 15; Чуб. I, 124). 2. Тот свѣтъ, куда по закатѣ уходят свѣтила, есть царство мертвых. Сам старшій мѣсяц, находящійся в той странѣ и представляемый отцем молодого, есть мертвец (Елммен-

(=ячень) на извод: сам пропадет, как чело (=устье пещи) почернѣет“, Майк. N 83.

С закатом солнца связывается то, что „вила сина жени“. На эту свадьбу приглашается сам больной, но вмѣсто него отсылается его болѣзнь. Первую из этих черт ср. с лот. п.: „Сѣрые кони, кованный воз у ворот дома Солнца (ж. р.). Мать солнца выдает за мужь свою дочь приглашает *меня* (пѣвца) в поѣзжане („в догонщики“, в бояре невѣсты). Как мнѣ ѣхать в поѣзжане? У меня нѣт доброго коня“ (Спрогис, 312—3; Бривз. I. с. 30, N 64). Вышеупомянутыя серб. п. о службѣ у солнца и мѣсяца (Кар. I, 161) ср. с лот.: „Ночью ѣдет мѣсяц, Я у мѣся-

ко, Сб. мр. заклин. Чтен. в Об. И. и Др. 1874, I, N 13—4). Отсюда: „мѣсяцю, молодой княже! Чи бував ти в старого (т. е. мѣсяца)? чи болять у ёго зуби [вар. „у мертвого“, „у неживого“; „питається син (=молодик) батька (старого мѣсяца): чи болять зуби у неживого“, т. е. у этого батька]? Ні неболять. Нехай же и у N. неболять“, Чуб. 125. 3. Вм. стараго мѣсяца появляется безымянный мертвец (Майк., N 62, 64—5), мертвецы (Майк. N 66—7, 73; Чуб. I, 125), евангельскій Лазарь, при чем вопрошают его три (sic) сестры (Майк. N 70; Сах. Ск. кн. 2, N 17; Чуб. I, 124). Эти сестры б. м. отождествляются с зорями (ср. Майк. N 63, 70 с N 236) Сах. Ск. N 14.

Представленія мѣсяца мертвецом нѣт необходимости возводить к книжному вліянію, хотя заимствованіе от книжных людей, буде в нем была надобность, могло произойти уже в началѣ X в. В Шестодневѣ Іоанна Экз. Болг. читаем: Да небес'ное тѣло и величество нѣс(тъ) безъ коньца ни безъ начела, да и подобенъ начелю и коньць имать, яко же и оучитель твой Платонъ оучить, рекы: лѣто же (=время) съ нѣсмъ быс(тъ), да коуп'но бывъша, коуп'но же и расъплетесе. А нѣ ли и тако и слнце и звѣзды и мспъ? Явѣ бо и величествомъ и вѣроую (?) с коньцемъ соут', яко же и видимъ по все мѣце кон'чаваюшоу-се лоуноу и охоудѣв'шоу (=умалившуюся), и свѣтъ из нее, яко и доушоу исходецоу и акы мртво тѣло имоушоу... (Чт. в Об. И. и др. 1879. III, 15) ... многачьскыи акы и доуши исходещи из неѣ (лоуны) свѣтоу и мртвѣ се явлющи, и пакы ожив'ши приети(и)мъ свѣтовнѣимъ“ (ib. 115).

на возничим. Мѣсяц мнѣ дарит свой звѣздный планц“
(Спрог. 314—5).

2-ая черта, отсыланье болѣзней за море на свадьбу находитъ соотвѣтствіе: а) в латыш. заговорѣ от тараканов (*prāsis*, прусак, К исторіи звуков, III, 105): Один отворяя и затворяя двери спрашиваетъ: „Гдѣ тараканы? Другой:—На свадьбѣ и пр. [Трейланд (Бривземніакс), Матер. по этн. лат. пл., Гр. Этн. отд. Общ. люб. естествозн. VI, 161); б) в замѣчательном вр. заговорѣ, по ркп. XVII в., изображающемъ свадебный поѣзд:

„Се — умолвити червь в челоуѣцѣ, или в конѣ, или в нивѣ“.

„Какъ зайдетъ солнце . . . глаголи:

„Сѣдла гремятъ, узды бренчатъ, в порожные мѣхи ѣхати по хмѣль, по легкой товар, червем, и полетѣти за море. Тамо у червей свадьба, овча, яловица печена; а здѣсь червямъ огонь сѣра горячая и смола кипящая. Побѣгите черви отселѣ за море“ (Майк., N 202). Ср. *ib.* N 203: . . . „подите вы, черви, на западъ солнца, на зеленую дуброву“ . . . Здѣсь червямъ (и болѣзнямъ) грозятъ всякія бѣды, а тамъ за моремъ—приволье: „поди (червь) за море, к попу Перфилю; многа у попа Перфиля поля капусты изнасяны, медомъ исполъваны, тебѣ обѣдъ изложен“ (*ib.* N 204). „На Сіянскомъ болотѣ“ — „скопища и игрища“ „протошницъ“ (*ib.* N 222); от ворона, мѣшающаго охотнику: „полетитъ с моею тропы, с моего сгодья, за синее море ко Ироду царю. Тамъ Иродъ царь бѣтается-дерется, кровь проливаетъ; тутъ (тамъ?) тебѣ, черный ворон, столы разставлены, ѣства сподоблены; (а) на моемъ лѣсѣ, на моей тропѣ — . . . смоливая спица в правый глазъ тебѣ“ (*ib.* N 310). Сходно с этимъ и в серб. заговорѣ „од далка“ (*далак*, *srpenis in duratio*), болѣзни, названной в самомъ заговорѣ „бедена“ (бѣдна? ѣ и ѣ=ѣ в Черногоріи см. Серб. посл. XXVII): „Што ћешъ ту, бедено? Овде за тебе места нема, за тебе нема постеле, за тебе нема вечере. Ти да идешъ у Леки-гору: тамо ти се кућа гради, тамо ти се вечера готови, тамо

ти се постела стере: мекан душек ¹⁾, свилен јастук ²⁾, сребрна синија ³⁾, златна паница ⁴⁾, медена ложица ⁵⁾. Одавде да идеш: овде ти је место опогањено белолуковином... ту је и трње глогово⁴ (Милић. ив. Гласн. V, 177).

Небудет неумѣтно, хотя и нѣсколько отклоняясь от главнаго („трое ворот“ и связь их со свадьбою), остановиться на высказанном выше мнѣнii, что серб. п. „Вила строит город, женит сына, выдает дочь“ принадлежит к величальным пѣсням. Подтверждение этого мнѣнiя дает мнѣ случай разсмотрѣть семейство сербских и болгарских колядок, сколько мнѣ извѣстно, ненаходящих соотвѣтствiя между колядками малорусскими:

К названной серб. пѣснѣ примыкает болг. того-же размѣра (=мр. щедровка, 4+4), в которой второго мотива (свадьба и пр.) нѣтъ, но первый (построение замка) развит своеобразно:

Град градила самовила
Ни на небо, ни на земи,
Туку (=но) така под облака.
Што диредзи ⁶⁾ ми рѣдеше
'Се ⁸⁾ юнаци отбирани;
Што пармаци ⁷⁾ ми рѣдеше
'Се ⁸⁾ девојки отбирани;
Што пенджери ⁹⁾ ми рѣдеше
'Се дечина ¹⁰⁾ одбирана.
Едно не е достасало,
То'а што е сироти сѣнце.
Марко имат мѣшко дете,
Мѣшко дете прегалено ¹¹⁾.
И го зеде ¹²⁾ мѣшко дете
Да го кла'ит на прозирци.
Марко е се милно молит:
„Самовило милна сестро!

¹⁾ Матрац. ²⁾ Подушка. ³⁾ Стол. ⁴⁾ Миска. ⁵⁾ Ложка.
⁶⁾ Клада балки. ⁷⁾ Перила. ⁸⁾ Все. ⁹⁾ Окна. ¹⁰⁾ Дѣти. ¹¹⁾ Избалованное, нѣжное, малое. ¹²⁾ Взяла.

„Тебе-ти се мило молям,

„Да ми гледаш ¹⁾ мъшко дете:

„То'а ми е прегалено;

„Бърго вода да му даваш!“ (Милад. 3).

Марко—имя счастливаго, величаемаго здѣсь отца, у котораго сын ребенок—такой красоты, что самовила берет его, чтобы сдѣлать из него в своем дворцѣ то окно, что против (восхода) солнца. Отец этому рад и просит только: „дита нѣжное, так ты за ним смотри и недавай терпѣть жажды“. Самый дворец построен из того, что дороже золота: из отборных молодцев, дѣвиц, дѣтей. Т. о. пѣсня несомнѣнно величальная, но не непременно колядка, а м. б. великодная („велигденска“), соотвѣтствующая бр. волочобным. Слѣдующая, того же размѣра, прямо и названа великодною:

Самовила град градила

Град градила, зид зидила.

Приказывала горожанам, чтобы прислали ей по парѣ молодых и дѣвиц сговоренных но невѣнчанных. Горожане отвѣчают: какая мать согласится на это? А юда (=самовила) им: „нехотите добром, будет им хуже“:

„Два юнака ке ги клада

„Ке ги клада два дерека ²⁾;

„Две девойки ке ги клада

Ке ги клада до две порти ³⁾;

Кой ке види, да завиди!

(стало быть судьба этих пар завидна, как и ребенка в предыдущей п.). Так самовила и сдѣлала (Верковић, Нар. п. Макед. Буг., 4). В другой, тоже великодной, тот же мотив видоизмѣнен согласно с другим, болѣе грозным пред- ставленіем самовилы:

Заградила самовила

Заградила вито кале ⁴⁾

¹⁾ Досматривай. ²⁾ Положу их как косяки. ³⁾ Двери.

⁴⁾ Высокій замок. Dozon, Бѣлг. н. п., переводит „*вити планини*“ — *monts vitieux*, извистыя горы, вм. высокіе гор-

Ни на небе, ни на земля,
Загради го в темен облак.

Строила она этот замок из сговоренных юнаков, бѣлоликих дѣвиц, чернооких жен, бѣлобородых кметов и бѣлополых кметниц (старух). Нехватило ей на крышу 70 дѣтей в пеленках и послала она к Прасковчанам чорбалжіям, чтобы они дали их ей выбрать из густых сел край Дуная. Тѣ собрались, сговорились и недали ей сел, а дали ей лѣс:

Давале ѝ планине-то,
Да излезе со вихрушка ¹⁾
Да обере вити љхли,
Вити љхли и борове,
Да покриѣ вито кале.

Она разсердилась

Па излезе на планина,
Три дни вала, три дни духа ²⁾,
Искубала вити љхли . . . (Мил. 9—20) ³⁾.

ные лѣса. Болг. *вит* в *вито* кале, в „вити порти“ (высокія ворота, двери, Милад. 84 et pass.), в серб. *вито* копље (долгомѣрное копье), серб. и болг. *вита јела* (болг. *вита јехла*, Милад. 20), соб. высокая (и лишь потому гибкая), серб. *танкдовит*, *танкдовјаст*, тонкій и высокой (длинный), относится, я думаю, не к тому семейству, к которому *вити* = лит. *wyti*, *wyju*, лат. *viere* (куда между прочим болг. *вито (x)оро*, Милад. 82 и пр. и русс. *виться* о хоровадѣ), а к *вити* = лит. *wyti*, *węju*, гнать Ср. русс. *юнкій* лѣс; о человекѣ: „эк его выгнало!“.

¹⁾ Вѣтер, вихорь.

²⁾ Дует.

³⁾ Если бы и оказалось вѣрным предположеніе, что „саовила“ возникло из „сивилла“ (проф. Веселовскій), этим не объяснилось бы сложное содержаніе, вкладываемое в эту форму. Здѣсь Самовила, как в нижеприводимой п. Юда, сблизается с вихрем. В сербском заговорѣ „вештице, *виле* и *ветрови*“ отсылаются „у гору (=лѣс), лист да пребројите и пр.“ (Мидић. Гласн. V, 194). Серб. *вила* „гонит облака“ (мое соч. О мно. зн. 172; ср. 279), из чего неслѣдует, чтобы в других случаях, с этим словом несвязывалась мысль о свѣтовых явленіях.

Та черта, что горожане не дают вилъ дѣтей, а вмѣсто них заставляют ее вихрем обнести хвою с елей и сосен, напоминает сказку о том, как человек заставлял смерть грызть дубы вм. людей и, если меня память не обманывает (ссылка утеряна), в этом самом видѣ („хвоя“) встрѣчается в русс. сказкѣ о том, как человек обманывает смерть (чорта). Как от свисту змѣя (или чорта) осыпается листвя е деревьев—см. Ао. Ск.1, V, 21; Рудч. I, 61.

Ср. также болг. п. с очень испорченным размѣром:

Сам си се Господ подкани ¹⁾
Черкова да си сагради
Между двѣ вити планини
И под два тънки облаци.

Он зовет Вил, вихри и самодив: кто из них скорѣ доставит матеріал. Самою скорою слугою оказалась Чума. Она поморила для кирпичей—стариков, для цемента—баб, для плетеных стѣн молодцев и дѣвиц и пр. (Dozon, Бѣлг. н. п. 9—10).

Нѣкоторым указаніем на то, что была или есть болг. пѣсня, в коей было соединено, как в серб., построение виллою дворца и женитьба ея сына, замужество дочери, служит болг. великодная

Вихор ми вие в гора ²⁾ зелена;
Не ми е вихор, лю (=а) ми е Юда:
Гора трошеше ³⁾, двори градеше,

именно: фундамент из стариков, стѣны, вм. кирпичей, из малых дѣтей и пр. В слѣд за этим: она (вила, юда)

Снаха доведе, керка одведе . . .

Эта снаха молчит девять лѣт, пока нерождает ребенка—мотив разрабатываемый в болг. пѣнях о том, как солнцева мать женит своего сына—солнце на дѣвицѣ, которая 9 лѣт соблюдает обѣт молчанія (Запис. М. Ст. Дрино-

¹⁾ Вознамѣрился, собрался.

²⁾ Лѣс.

³⁾ Ломала.

вым, Период. Слис. на Бълг. книж. дружество, год I, XI—XII, 152, другія ссылки ниже) ¹⁾.

¹⁾ Возвращаюсь к вышеприведенной п. „Град градила Самовила...“ Милад., 3. Величанье отца и его ребенка, состоящее в том, что этого ребенка самовила берет для окна в своем дворце, может быть сопоставлено с нѣсколькими другими, столь же граціозными:

а) В хорв. величальной, на канунъ Ивана („Ладарица“, „на предиваѣски дан“), размѣра щедровок, по содержанию сходной с колядками, величальники говорят, что если им не дадут всего обѣщаннаго,

„Ми вземемо ваше дите,
Ваше дите то најмлајше...
...Ми га јочмо јоправити:
З чрешће-вишће пепелише,
З мака-цвита робачицу,
З шипковине зелен венчек.
Ми га јочмо јодводи
В темне луке, прашне путе,
Кај се бомо ш њим играле,
Как јунаки стрелицама,
Как дивојке з јабукама,
Как снашице з иглицама,

Kukuljević, Dela, IV 255.

В серб. кралицкой (троицкой), величальной ребенку, дѣвницы грозят: если мать не даст выкупа за своего ребенка,

Ми ћемо г' однети
Там' у нашу земљу,

(Гдѣ лучше, чѣм здѣсь, ибо:)

Там у нашој земли
По два сунца греју (свѣтит), 2
По два ветра веју;
Чедо нами треба,
Као струж бесилка, Кар. I, 108.

б) В болг. пѣснѣ, которая встрѣчаемым в ней выражением „стане нине“ (о коем буду имѣть случай говорить в другом мѣстѣ), уже непонятным и ошибочно принятым за титул или соб. имя, роднится с мр. колядками, колядовщики говорят:

„Стане нине, господине!
Чуде сме тя, та сме дошле:

Выше (стр. 33) было замѣчено, что хотя а priori нѣтъ ничего невѣроятнаго в том, что древніе припѣвы могут приставляться к пѣсням новаго происхожденія; но отдѣльными случаями это, сколько знаю, неподтверждается, так что, пока не обнаружится противное, древность припѣва можно считать указаніем на древность основных черт самой пѣсни. Это примѣняю я к пѣсням с припѣвом „Ла-

Имаш сина златнокоса,
Златнокоса, среброглава.

Дай го, дай го, цар да бѣде!“

Хозяин отвѣчает, что у него есть такой сын, но он еще не может быть царем, не может строить войска и начальствовать (п. ч. еще дитя).

Коледаре отговорят:
„Дай го, дай го, Стане-нини!
Ние му штем лефе дели,
Лефе дели, аскер реди!“¹⁾
„На здраве ти, домакине!
Тебе цем славословим!“

(Милад. 116, N 83, под коим соединено двѣ самостоятельныя колядки).

Сходный мотив в лазарской (весенней) п., как величанье малому дитяти и косвенно — его матери. Размѣр — 4+3+припѣв (как и в лазарских у Милад. N 576, 584, 609), уже отмѣченный выше в нѣскольких веснянках:

Малечко'о 'убо'о²⁾, о Лазаре!
На диван ми седеше,
Со яболко играше.
Майка ле му викаше:
„Малечк'о 'убо'о!²⁾
„Доста седе на диван,
„Доста играш с яболко,
„Да н' те цар-от догледат,
„Да н' ти царство поклонит!“³⁾
Уште⁴⁾ реч-та нерече,
Ми го цару догледа
И му царство поклони. Милад. 487 (N 577).

¹⁾ *Лесер* (серб. из турец.). воин, получающій от царя плату, *аскер* (из турец.), войско. ²⁾ = *Хубаво*, прекрасное. ³⁾ Подарит. ⁴⁾ Еще.

до, ладо“ и мр. свадебным, колядкам, бр. волочобным с припѣвом „рано, рано“, отзвук котораго б. м. слышится в Словѣ о П. Иг. (см. мое изд. Сл. о П. 136).

В одной из таких свадебных величальных пѣсень, с замѣтным в нѣкоторых, я думаю, болѣе древних вариантах размѣром (4 + 4), затемняемым лишь правильными растяженіями и приставками (а, то), стало быть с размѣром серб. колядки „Град градила бѣла вила“, нахожу в своеобразном и фантастическом видѣ соединеніе нѣкоторых черт этой колядки: *построенія города и матери, выдающей дочь за муж, или женящей сына.*

А. А славен вечер да дівич-вечор,
 рано, рано!
 А ще славній мій чорний ворон,
 да ранесенько!
 Чорний ворон збудував город
 Да й у три стіни камъяниі,
 А в четверту золотую,
 А на той стіні терем стоїть,
 А на терему маковочка,
 На маковочці ластовочка
 Звила гніздечко з чорного шовку,
 Вивела дітки однолітки:
 Перше дитятко роженеє,
 Друге дитятко суженеє;
 Роженеє та Ивашко,
 Суженеє та Маръечка.

(С незначительными измѣненіями. Чуб. IV, 148—9, гдѣ еще 6 вар. из различных мѣстностей).

Другія вар. разнятся началом:

Б. Тепер у нас (в. дивен вечер) дівич-вечор,
 Дівич-вечор хороше зряжен,
 Та не так зряжен, як обсажен
 У (в. на) три стіни и пр.

То, что здѣсь дѣвичь-вечер принят за город, б. м. удобнѣе всего объясняется недоразумѣніем, в силу коего

припѣв внесен в самый текст пѣсни. В нѣкоторых вар. стих раздѣлялся пополам припѣвом:

В. Славный город
да дівич вечер!
рано, рано! да дівич вечер!
Хороше зряжен
да дівич вечер! и пр.

Стоило только, вмѣсто того, чтобы отнести „славен город“, минуя припѣв, к „хороше зряжен“, счесть припѣв за продолженіе стиха, и получалось:

„Славный город да дівич вечер“, Новосельскій (Lud Ukraiński, I, 192), у котораго взят этот вар., виновен здѣсь лишь в том, что на недоразумѣніи строит объясненіе: „Diwucz wieczor odbywa się nie na ziemi; miejsce działania jego jest gdzieś na mistycznych stopniach góry świętej etc.

По началу лучше Львовскій вар.

Г. Ой дівно Львів збудований
На три угли ставлений и пр.

(Гол. IV, 267), но в нем вѣрны основному размѣру только ст. 1 и 6.

Д. Вр. свадебн. (из мр.), Староосколь. у.
За горою каменною

Ладо, ладо!
Не стук стучить, не гром гремитъ,
Наши бояре терем строятъ,
Во три стѣны каменные,
Четвѣртая золотая,
А пятая маковая ¹⁾.
На маковкѣ двѣ ластовки,
Они вьютъ гнѣздо с алаго шолку...
... Вывели дѣток однолѣток:
Первое дитя—Иван-от-свѣт,
Другое дитя—Марья-свѣт;

¹⁾ „Маковая“ в силу вліянія слѣдующаго стиха, в коем рѣчь о маковкѣ.

Не вмѣстѣ 'ни родилися,

В одну семью сгодилися

(Коханов. Остат. бояр п. Р. Бес. 1861, II, 83).

Е. Бр. купальская (Шейн, Бр. п., 160):

Иван, Иван да Марья,	А на кружолце ластавка.
А на гаре купальня,	Яна сядзіць висока,
А на купальне царковка,	Чуўць і відзіць далёка,
А па царковце макавка,	Што ў Полоцку дзеіцца:
А на макавке кружолка	Дзевяць паненак заручонх,
(v. крыжечик),	А дзісятая павянчаная.

Это собственно не вариант, а особая пѣсня, родственная с предыдущей, по размѣру 4 + 3, сходная с веснянками.

„Купальня“ попала сюда только в силу припѣва купальских пѣсень „купала“ или, чего впрочем в дошедших до нас пѣснях несохранилось, „купалья“ (Ип.² 565, под 1262 г.).

Из этого припѣва вышло обозначеніе мѣстности, гдѣ стоит церковь. То, что ласточка здѣсь не вьет гнѣздо (черта, без которой предыдущая свад. п. обойтись не может), а лишь сидит высоко, видит далеко, предполагает существованіе варіанта, в коем построеніе города (терема) и витѣ гнѣзда представлялось, как видимое с высока птицею. Это ведет к предположенію, что и вар. А возник из болѣе древняго, в коем ворон не строитель города, а лишь зритель, предположенію, подтверждаемому лотышскою п., в коей ворон видит, как строят чудесную клѣть для невѣсты и жениха:

„Ворон сидит на дубу, играя на золотых гусях.

„Невидал ли ты, ворон, куда повели (за муж) нашу сестрицу?“ — Туда повели вашу сестрицу, *через скользкое озеро* ¹⁾: сивые кони, бѣлые покровы, пышный наряд у ведущих (=сватов). Пышные провожатели „скрини“

¹⁾ *Скользкое озеро* — ледяное небо, первообраз стекляного (Ае. П. В. I, 120, 192). В Шестодневѣ Иоанна Экз. читаем: „Въ вторыи же днь рече Бъ: „боуди тврѣдь посрѣд(ѣ) воды ти (=и) боуди разлоучаѣ (=и) посрѣд(ѣ) воды и воды“. Створи же небо видимоѣ се, акы ледъ сътевь.... Почто же ѣ зоветь тврѣдь? Не имъ же лі от житькы воды и рѣдкы оутврѣди ѣ и ожесточи?“ (34. Ср. ів. 143).

(„кубла“, лот. *pûrs*) рубят кльть из гусиных костей ¹⁾, павлиньими перьями кроют крышу, из розового цвѣту стелют постель, из маковаго — покрывало (простыня). Туда легла ваша сестрица, как та искра огня (=так прекрасна); туда вкатился „людской сын“ (жених, чужанин), как комок (бѣлой) пѣны“ (Спрог. 106—7; ср. Бривземн. в Сб. Дашк. N 285, 287). Что здѣсь величанье посредством примѣненія небеснаго брака к земному, можно заключать из слѣдующей п.:

„Божьи сыны рубят кльть, ставя золотыя стропила. Сквозь них (?) проходит солнцева ночь, дрожа, как листочек“, Спрог. 303.

В заключеніе экскурса „трое ворот и свадьба“ приведу вр. весеннюю хороводн. п., упомянутую выше (стр. 45) по поводу дѣйствій, сопровождающих „сѣянье проса“. „Которая нибудь крайняя пара дѣлает *вороты*; через них проходят всѣ играющіе под пѣню:

Вокруг города, вкруг Архангельскаго

Остров мой, да зелен мой!

Были трои воротá, трои широкія.

Как во первые воротá сундуки ²⁾ провезли,

Как во вторые воротá боярѣ прошли,

Как во трети то ворота женихи прошли,

Женихи прошли и невѣст провели.

„Уж как кто-то сына женит, у кого дочь берет?

—А N сына женит, у N дочь берет.

Т. о. паруют всѣх играющих (Гуляев, Этн. Оч. ю. Сибири, 74—5).

Указаніем на первоначальное тождество этих троих ворот служит вар:

Уж как в первые воротá проходили корабли,

¹⁾ Ср. в упомянутой выше (стр. 76) серб. п. „Вилин град“:
... Па бедеме (вила) гради граду чудом чувене
Све од силне конске кости и од јуначке
(Кар., П. из Херц., 265).

²⁾ = Лот. *pûrs*, скриня невѣсты.

Во вторые ворота пролетали соколы,
Уж как в третьи ворота добры молодцы прошли,
Добры молодцы прошли, красных дѣвиц провели.

(Иркутск, Зап. Г. Общ. по Этн., II, 385),

ибо, как видно из других данных, которых здѣсь непри-
вожу во избѣжаніе новаго отступленія, соколы—тѣ же же-
нихи, а на корабль жених перевозит невѣсту. Этот вариант
заключает в себѣ черту („сокол пролетает в ворота“), ко-
торая понадобится ниже, при объясненіи одной веснянки.

В разсматриваемой игрѣ „Воротарь“ дано сочетание
черт: „отпиранье ворот (в одном вар. отмыканье и замы-
канье церкви)“ и „мед“ („яри бжголи“, „фасойка меду“).
Одно из существующих объясненій предполагает здѣсь лишь
ту связь, что ворота города или замка отпираются для
впуска людей, привезших дань медовую. Но, мнѣ кажется,
такое рационалистическое объясненіе, оставившее слѣ-
ды в самой пѣснѣ („фаска меду“), касается лишь предпо-
лагаемаго позднѣйшаго наслоенія пѣсни и потому неис-
ключает другого, миеологическаго объясненія, к тому же
основаннаго на бѣльшем количествѣ данных.

Если и это объясненіе будет вытѣснено вполнѣ или
отчасти третьим; если на пр. окажется, что миеологичность
тут, если и есть, то вторичная, христіанская и легендар-
ная: то, конечно это послужит лишь на пользу дѣлу.

Пока я считаю удовлетворительным объясненіе, если
неошибаюсь, подготовленное предыдущими сближеніями.
Первоначальная сцена здѣсь не земля, а небо. Ворота—
суть небесныя ворота, в которых восходит и заходит солн-
це и другія свѣтила. Их отпирает и запирает, отмыкает
ключами и замыкает *зоря* (а может быть и мужескій образ
того же явленія), выпуская при этом *росу*, отождествляе-
мую по одному воззрѣнію с *ключами зари*, по другому с
медом. Это послѣднее воззрѣніе восходит ко временам
гимнов Вед — явленіе не болѣе странное, чѣм то, что са-
мое слово *мед*, даже по своему склоненію (тема на -у) не-

прерывно и независимо от посторонняго вліянія сохраняется от времен еще болѣе отдаленных. Черты утренней зари были перенесены на весну, „утро года“ (Пушкин). По моему мнѣнію, не есть измышленіе миеологов по крайней мѣрѣ то, что в слав. народной поэзіи существует ассоціация:

Зоря, ключи, роса, мед, к коей примыкают и нѣкоторыя другія:

Недостаточно засвидѣтельствовано, что вр. загадка „Дѣва Марія по воду ходила, ключи обронила“ говорит именно о молніи (Худяков, Загадки, Этн. сб., VI, 80), согласно с чѣм Аванасьев объясняет: „богиня громовница, чтобы добыть дождевую воду, бросает ключ—молнію“ (П. В. II, 401). Другіе извѣстные вар. этой загадки говорят о *зорь* и *рось*: „Заря заряница, красная дѣвица, по полю (по лѣсу, по церкви) ходила (играла), (врата отпирала), ключи потеряла. Мѣсяц увидѣл (несказал), солнце скрало (взяло, подняло, нашло)“, Худяк., I. с. 99—100; Ном. Приказ., 291—2; „*Мунда Мундолина* ¹⁾ ключе изгубила, нашао их месец, отело му сунце“, Ст. Новаковић, Срп. загонетке, 194. Соотвѣтственныя литовскія загадки о *росѣ*,

¹⁾ М. б. *Манда* (Кар. Рјечн.), *Мандалена* (=Магдалина)? Это послѣднее имя встрѣчается в хорв. сказкѣ Бендеш-вила-Мандалена (Valjaves, N. ргiрoујет.. 21), содержаніе коей таково: а) Младшій из 3-х братьев ловит птицу, которая ночью поѣдает плоды с его дерева (сходный мотив — в мр. колядках). Эта птица в его руках превращается в Бендеш-вилу-Мандалену, прекрасную дѣвицу, которая своей золотой косою освѣщает все поле (зоря?). Когда она засыпает вм. с героем сказки на золотом столпѣ, баба отрѣзывает ей косы. Мандалена исчезает. б) Герой находит ее, живет с нею в ея градѣ. Уходя на время она *оставляет ему ключи*. Он освобождает запертаго в одной из комнат змѣя в бочкѣ, который похищает Мандалену. в) Герой при помощи благодарных животных добывает у нѣкоей бабы коня, на котором освобождает Мандалену. Другіе вар. см. в моем соч. О мие. зн. нѣкр. обр. и пов. 15⁷ сл. Впрочем мотив б) (передача ключей) может находиться лишь в случайной связи с именем героини.

в коих говорит от своего имени неназванное лицо (зоря), росу представляют запонкой (или пряжкой, *saktis*) или перстнем: „шла я ночью, потеряло запонку (*sakti*), мѣсяц нашол, солнце отняло (схватило)“ или „мѣсяц нашол, отдал солнцу“; „потеряла я перстень под мѣдным мостом, нашел (его) мѣсяц, истребило солнце“ (*Schleicher, Litauisches Lesebuch, 63—4*; что говорит здѣсь женщина, это, конечно, догадка, т. к. грамматич. род *verbi fin.* необозначается). Несмотря на вар. „врата *запирала*“, рѣчь идет, по видимому не о вечерней (О. Милл., Оп. Истор. обзор. Р. Слав., I, 65), а об утренней зорѣ, отмыкающей небо при мѣсяцѣ перед восходом солнца. Если бы говорилось о вечерней, то трудно было бы объяснить неупоминаніе утренней зари слѣдующаго дня. К этой же порѣ относятся выраженія: „утренняя зоря *размыкается*, Божій свѣтъ разсвѣтается“ (Майк, Заклин., N 337); „как ты, матушка бѣлая зоря, разрѣшаешь (отдѣляешь от наступающаго свѣта?) тьму, также разрѣши хищника (=тьму; в мр. загадкѣ „темнота“=волк) от имѣнія сего“, *ib.* N 266, впрочем— книжнаго склада.

Судя по пѣсенѣ, записанной мною в 1852 от женщ. из под Валок (мое соч. О нѣкотор. симв. в слав. н. п. X. 1860, 136; Чуб. V, 445), в коей за достовѣрность послѣдних 4-х стихов до сих пор, к сожалѣнію, ручаюсь я один, утренняя зоря, неотмыкая неба, может продлить ночь, время, когда мертвые являются на землю:

дѣвица сирота:

К сирій землі припадала:
 „Земле-ж моя, мать (*sic*), сирая!
 „Приняла ж ти отця й неньку,
 „Прійми й мене молоденьку...
 ... „Коли б знала я відала,
 То-б я в зорі ключі взяла
 Та ніченьки доточила,
 Из ненькою говорила.

Лот. пѣсня, по видимому, отождествляет ночь с могилой, приписывая „дочери солнца“ („*saules meita*“, здѣсь вечер-

няя зоря?) отпирание могилы. Дѣвица говорит: „дочь солнца, дочь солнца! дай мнѣ ключи от могилы; мнѣ нужно ити отпереть могилу для родного брата“ (Бривземн. в Сб. Дашкова, II, 37, N 105). То-же желаніе, что в мр. п., но по другому поводу, высказывает дѣвица в морав. пѣснѣ:

Dybuch měla klíče od toho svítaní,
Nedala bych svítat zétra do snídání...

...Aby se vyzpalo potěšení moje
(Suš., Mor. п. р., 293; Erben, P., 321).

Слѣдующая замѣчательная бр. п. (жатвенная, по содержанию родственная с дѣвичьими веснянками), говорит сначала о вечерней зарѣ, потом — об утреннем отмыканьи неба:

- А. Пара, жонкі, дамов іці:
Пацерала зара ключі,
Кала пастаці ідучи
4. А з місяцем гуляючи,
А з соўнінькам гуляючи.
6. А ўзайдзіце, ясны зоркі,
А знайдзіце ключі дзвонкі:
8. Пара зямлю адмыкаці,
Пара расу выпускаці,
А першую лядавую,
А другую мядавую:
Лядавая свікраткавая,
Мядавая таткавая;
Лядавая—кала плоту,
Мядавая—кала стола;
Лядавую калом прабью,
Мядавую з дюдзьмі прапью.

(А. Киркор, Этн. взгляд на Вилен. г. в Этн. Сб., III, 212; ср. Зап. Г. Об. по Этн., V, 95). Ст. 5-й есть лишь неудачный вариант 4-го.

Б. 1—3 = А. 1—3.

4. Постаць раўнуючі,
З місяцем гуляючи.
А хто тые ключі знайдзіць,

Тот се-лета (в. за караля) замуж зайдзіць.

А N (на пр. Ходоска) ключі знайшла,

И се-лето (в. за караля) замуж зайшла.

(Шейн, Бр. п., 190—1; ср. *ib.* 119. N 168).

По видимому, зарѣ приписано занятіе самих пѣвиц:
заря, как и они, равняет „постать“¹⁾ 2), и при этом те-
ряет свои ключи—росу. Значит, пора жницам ити домой.
Ср. в другой жатвенной:

„Сцюдзёная раса пала:

„Пусці мяне дамоў, пане“,

(Шейн, Бр. п., 185).

В вар. А., если ст. 6—7 достовѣрны и связь их с
8 слѣд. не внѣшняя, зори—звѣзды приглашаются найти
ключи вечерней зори³⁾ и, вѣроятно, передать их утренней

1) Мр., бр. *постать* = серб. *пѡстат*, вр. и *постать* (Даль),
сколько за раз захватывает перед собою жнец, полоса кото-
рую он гонит; мр. „за постать заходити“ начинать такую по-
лосу. Тоже, что у косарей *ручка*.

2) В этом направленіи пѣсня пошла и дальше. В вар. В
(Шейн, *ib.* 190) вмѣсто „з мѣсяцем гуляючи“ стих: ... Зара..
Из панами танцюючи, С козаками жартуючи“. Инд. *ушас* (зоря)
как танцовщица—В. Милл. Оч. Ар. мнѡ., 240. В числѣ лот. за-
говоров „от крови“, указывающих на зорю, есть один, говоря-
щій о „красной (по цвѣту) дѣвицѣ“, которая пляшет и пры-
гает [Трейланд, Матеріалы, 143 (260)]. Сюда же, предполагая,
что *блл* = *лл* ..., можно отнести:

Ясны мѣсяцу светі мні,

Ясны зиронькі *блльице*,

Блзкіе сусіде глядiте, Zienk., P. I. P., 86.

Ой заселі шіі да гуляті,

Ой заселі ні рано ні рузно (= *žno*)

Поки зишло три зиронькі рузно (= *žno*):

Одна свiтiт Щодричу (= си) Василью,

Друга свiтiт святому Михайлу,

Трейця свiтiт, оно только *блльице*—

Не дя тебе, вражи сыну Ляше,

Що ты ходiш, по ночи вiляеш

Мні молод(ень)ой спатенькі недаеш (*ib.* 287).

3) В связи с этим может находиться вѣрваньё, что ро-

зорѣ, которая выпустит утреннюю росу. В вар. Б ключи зори находят величаемая дѣвица, и это связано со скорым и счастливым выходом ея замуж. Б. м. здѣсь—перенесеніе на дѣвицу черт зари, основанное на том, что и дѣвица в домѣ родительском есть „ключница“ и ключи—знак ея власти и вмѣстѣ ея самой, ея дѣвства ¹⁾; и заря есть невѣста ²⁾. Такое же перенесеніе, как величанье невѣсты, и в слѣдующем. В Вит. г. дружка, на вопрос поѣзжан жениха, дома ли невѣста, отвѣчает:

„Наша княгиня маладая хадзіла гуляць па лясам, па лугам, па сіңю морю — астравам і чаго дагуляла? з’латы ключі пацерада. Таперь пашла ключов сачиць (=искать). Тақ вот, пріяцілі, вам приходзіться время прастаяць“ (пе-

са (и дождь) зависит от зорь-звѣзд („твоја се срећа... звездема сјајним’ росила“, Кар., Пјес., I, 191; в первой половинѣ слова *волосожары*, *pleiades*, мнѣ кажется, заключено названіе дождя, см. мое Сл. о П. Иг. 22—3) и у них же находятся ключи: „и глаголет мнѣ Михаил архангел: заслоню я тебя, р. б. жедзною дверю и замкну тридевятыма замками и ключами, дам ключи звѣздам, 1-ой Маріи, 2-й Прасковіи, 3-й Ерисы: возьмите ключи, отнесите на небеси, и кто эти ключи достанет, тебя, р. б., отмыкать станет“ (Майков, Вр. зак., N 344). То, что в Ворон. г. плеяды носят названіе *Петровыхъ ключей* (Ае. П. В. II, 403—4) лишь на половину объясняется „церковно-художественнымъ преданіемъ об ап. Петрѣ ключникѣ рая“ (А. Кирпичников, Св. Георгій и Егорій Храбрый, Спб. 1879, 147), как и названіе раст. *сусногіумъ інтубусъ*, *Петрівъ батіи* (вр. солнцева сестра), с голубыми цвѣтами, сидящими как узлы на плсти, неможетъ быть вполнѣ высновано из христіанскаго преданія.

¹⁾ Сах., Ск. Р. н., кн. 2, 18; лот. „я была у своей матушки хранительницей ключей, теперь в чужих людях стою за дверьми“ Спрогис, 193. В мр. пѣснѣ молодая и замужем— „до комори ключница“, *Wasł. z Ol.*, 28.

²⁾ По лит. п. утренняя заря — любовница мѣсяца (Schl. Leseb. 3), невѣста (ib. 4); в лот. п. Сама приходит заря (*gaišumiņa*) ни покупаемая, ни ведомая (как невѣста), а „ладу“ (*ligatiņa*, желанная, молодая) братцу надобно покунать, вести“ Спрогис, 158.

ред воротами). На это *дружко жениха*: „Эта, пріяціль, твая сказка нашим дзялам ні павязка (не помѣта). Наш князь маладыі нігулял, съезділ в горад, шолку накуплял, с шолку сяцей навязал і в сіня моря накідал, там бялу шуку ён паймал, шукі серца разрызал, златы ключи вынімал. Ключи княгініны в нас!“

Др. невѣсты: „Ну, так і княгіня будзя в вас!“ (Этн. Сб., II, 175). Ключи, потерянные здѣсь невѣстой и *проглоченные рыбой* (один из странствующих поэтических мотивов) в заговорѣ принадлежат красной дѣвицѣ на золотом стулѣ (=зартѣ), замыкающей недуги (Сах., Ск. Р. н., кн. 2, 18).

Во второй части варианта А (ст. 8 слѣд.) ледовая и медовая роса, выпускаемая утренней зарею, отождествляются: первая с несчастной *долей* женщины в домѣ свекра, вторая — со счастливой в домѣ отца ¹⁾.

¹⁾ Такой взгляд на долю у отца и у свекра свойствен веснянкам. В нѣкоторых свадебных — на оборот, по пословицѣ „доля лучшая Божая, ніж матчиная“, Ном. 45. Чтобы убѣдиться, что это значит „лучше замужем, чѣм у матери“, нужно взять во вниманіе слѣдующее:

Богодаными в вр. называются свекор и свекровь („Богоданные будут угрюмые, Милый ладый невесел с тобой“, Рыбн. IV, 113—4) а равно и другіе родственники мужа, как чужіе, в противоположность родным, своим, которыя, стало быть, неданы Богом. Так: *братец богоданой*, Барс., Причит., 41,—деверь; *богоданые сестрицы* (Арх. Волог.) — не родныя, а по мужу, золовки; *богоданный, -ая*, не только свекор и свекровь, но и тесть и теща по отношенію к зятю; посажонный отец, мать (перм. крестный); *богодана матушка*, не родная, а мачеха (= „названа лыха матчица, Барс. ib. 86—7); *богоданой отец* — вотчим; *богоданов дитя* — подкидыш, приемыш; *богдан, богданька*, общее названіе всѣх некрещенных дѣтей, а в бр. *богдан*—незаконнорожденный. Это дает возможность иначе смотрѣть на собств. имя *Богдан*, когда оно является не переводом христіанско-греч. θεόδωτος, θεόδωρος. В скр. *дэвэддатта*, по В. Р. и Venf., очень обыкновенное мужское собств. имя и отсюда нарицательное имя не

Есть и другія указанія на то, что *долю* дает между прочим *заря* и что черты этой послѣдней вошли в состав

опредѣленнаго лица (нѣкто); однако в Панчатантрѣ I, 4 (Benf. Panchatantra, II, 38) это нарицат. имя любовника, стало быть чужого, несвоего мужа. В нѣкоторых мѣстностях южной Руси молодой и молодая (в вр. свадьбѣ?) называются богданками (Nowosiel., Lud ukr., I, 106, 196).

Согласно с этим названіе жениха *суженый* (кого Бог—судил, дал) равносильно с *чужой—чужанин*, лат. *tautas dēls* (женых, как чужой), а „богосуженая“ (Шейн, Вр. п., 524—5) м. б. противопологалось *своей*, т. е. сестрѣ.

И в мр. свадебной п. *доля божая* (Богом данная) противопологается *батьковой*, как замужество-жизни в дѣвках:

Ой славен, славен Маринин посаг:
По всѣх вѣконцях янгелі сидять,
Янгелі сидять, доленьку судять,
А надо дверьми сам Господь стоить,
Сам Господь стоить, книжечку читает,
Книжечку читает, доленьку роздае,
Доленьку роздае, Мариню питает:
„Мариню дитятко! чья липша доленька?
„Ой ци Божая, ци батенькова?“
— Липша Божая, як батенькова:
(Батенько дае воли корови,
А Господь дае шастя здоровья),
Батенько дае та й вимовляє,
А Господь дае ще й причиняе.

(Гол. II, 651; ср. IV, 211, 8; 225, 14; в скобках стихи из вар. записаннаго в зап. ч. Подольской г.). Н. И. Костомаров (Истор. знач. ю.-р. нар. пѣс. творч., Бес. 1870, XI, 50) замѣчает по этому поводу: „как будто языческія представленія сталкиваются с христіанскими: является двѣ доли разом; одна дается невѣстѣ Богом, другая—родителями“. По моему, столкновѣнія тут нѣт. Раз то, что Бог судит замужество, а отец дает жизнь до него; другое — то, что Бог, как податель доли—черта языческаго, вѣроятно согласная и с этимологич. значеніем слова *Бо*.

Противоложеніе своего, родного Божьему видно и в сербо-хорв.:

За војна би косу одрезала,
За брада би чрне очи дала,

мионического образа *Доли*, серб. *Сречи*, лит. и лот. *Лаймы*. Так в серб. пѣснѣ вилы указывают юнаку его добрую долю (*Срећу*):

Твоја се срећа родила,
Сунчаном ждраком ¹⁾ повила,
Мјесецем сјајним гојила ²⁾,
Звјездама сјајним росила,

Кар., Пјес., I, 191. ³⁾.

Кто же эта срећа, родившаяся при звѣздах и мѣсяцѣ, и повитая солнечным лучем, как не утренняя заря?

Запѣв серб. пѣсни:

... Кад се д'јели срећа од несреће, (то есть),
Тавна ноћца од бијела дана,
Удбинска се отворише врата

(Кар., Пјес., III, 278),

который я в своей статьѣ *О доли* (II т. „Древност.“ Тр. М. Арх. Об.) рассматривал лишь по отношенію к вр. *сутки*, *сутники*, сумерки (когда день смыкается с ночью), я понимаю теперь так: открылись ворота г. Удбина на разсвѣтѣ, когда открываются небесныя ворота и отдѣляется несчастье—ночь от счастья—зари. Подобное сближеніе заключено в припѣвѣ мр. п.:

Јер је војно од божјега дара,
Братац ми је одкуд сам и сама.

(St. Mažuranić, Нrv. п. рјес., 134).

В слѣдующем извѣстная причина болѣзни противоположена неизвѣстной:

Што је сине, врло добро моје?
Ал' је болест од јашиковаца,
Али болест од Бога послана?

(Кар., П. из Херц., 166).

¹⁾ Солнечным лучом.

²⁾ Кормилась. Тут могло имѣться в виду „молоко мѣсяца“.

³⁾ *Срећа* есть также вѣроятно та голая дѣвица серб. сказки, свѣтлая как солнце, с распущенными волосами, которая сидя над озером, вышивает солнечными лучами и которой один красный волос обогащает бѣдняка. Кар., Припов.¹⁾, N 31.

Ніч моя темна, зоря моя ясна,
Яка моя доля нещасна (v. прекрасна)!
Родиться на зарь—счастье, п. ч. зоря дает счастье и красоту:

Пасхав Павлушка жаница,
Забыв зоринькі вкланица.
—А я ж табе, зара, свящила,
Як цябе маменька радзіла.
Хадзіла маменька, як пава
И радзіла цябе, як пана, Шейн, Бр. п., 182.

Aj Nanynko má milá,
Jak jseš ty hezký děvče!
Musela's se narodit
Spíš, než dennice vyšla.
— Ja sem se narodila,
Dennice vyházela,
Už mě moja maměnka
Na rukách kolíbala, Suš., Mor. p., 204.

В мр. свадебной п. вечерняя зоря приводит невестку в дом свекрови:

Івасунева мати двері підхилила
і з зорою розмавляла:
„Ой зоре моя, зоре, зоренько вечерняя!
Тож-есь ми присвітила
„До дому мі(и?)тницю, до поля робітницю,
до комори ключницю.

(Wacł. z Ol., 20).

Отношение лот. *Лаймы* (доброй доли), сплетающей дѣвиць вѣнок (подобно солнцу-матери, см. выше стр. 99), выдающей замуж и устроивающей брачную жизнь (Бривз. N 109—123; Спрог., 303 слѣд.) если не прямо к зарь, то к зарь или солнцу, видно из слѣдующаго:

а) „Счастье, счастье той дѣвиць, которая рождается при солнцѣ: для нея Лайма отливает запонки (брошки), обмакивая их в серебро“, Спр., 305, 8; ср. ib. 305, 7.

б) Как тонет в морь или Двинь солнце, или дѣвица (вечерняя заря) окрашивающая воду в кровавый цвѣт

(Сярогис, 13, 5—6; Бривземн., N 181—2), так тонет Лайма:

„Всѣ говорят: моя Лайма (доля) потонула, а моя Лайма сидит на горѣ, на серебряном креслѣ (Спрог., 305, 9; 307, 20; „солнце и мѣсяц, на золотом креслѣ“ Бривземн. (Трейланд) Матер. по этн. лит. пл., 116, 14; ср. также выше стр. 62). Это, мнѣ кажется, бросает свѣтъ на обычный образъ мр. пѣсень: доля тонет в морѣ.

На зарю, частью утреннюю, частью вечернюю, во всяком случаѣ на свѣтовое, солнечное явленіе указывает разсмотрѣніе мѣсяческих образов нѣкоторых частных случаев, входящихъ в общее понятіе о долѣ, судьбѣ.

Отпиранье небесныхъ воротъ и утробы матери при родахъ.

Если раз сложилось возрѣніе, что для восходящаго солнца отпираютъ небесныя ворота (б. м. подобно тому, как на зарѣ дѣвица открываетъ ворота, чтобъ выпустить скот на пашу¹⁾; то этот образъ легко могъ быть перенесенъ на выходъ уже взшедшаго солнца из-за туч. Впрочемъ образы того и другого могутъ оставаться сродными и при ошибочности предположенія относительно порядка, в какомъ они возникли. Вотъ вр. дѣтская п. во время дождя:

Дождик, дождик, перестань!

Я поѣду в Верестань (?)

Богу молиться,

Христу поклониться.

А я в Бога сирота;

Отворайте ворота

Ключиком, замочком,

Золотым платочком.

(Ср. Шейн, Р. п. п., 53—4).

¹⁾ Ср. „Солнце (мать) вело невѣсту (т. е. слѣдуя за нею) изъ Нѣмечины в эту землю; сотнями гнали коровъ и быковъ, сотнями карыхъ коней“ (т. е. в приданое?), Бривземн. в Сб. Дашц. II, N 65.

Между 3-м и слѣд. ст. связь та, что солнце грѣет особенно сирот (мое Сл. о П. Иг. 61), а ворота — для солнца. Маннгарт (Germ. Mythen) разсматривает нѣсколько семействъ подобных нѣмецких дѣтских пѣсень (собств. заклинаній обращенныхъ к солнцу), большею частью связанныхъ с вышеприведенною упоминаніемъ о небесныхъ воротахъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ положительно извѣстно, что онѣ поются во время дождя; но б. м. в нихъ есть указанія и на разсвѣтъ (Mannh. G. M. 389, γ) и ясный закатъ солнца, предвѣщающій хорошую погоду на другой день ¹⁾. Ключникомъ небесныхъ воротъ является в нѣкоторыхъ п. Св. Петр и Павел ¹⁾, но большею частью открываетъ двери солнцу женщина. Содержаніе одного типа этихъ пѣсень приблизительно таково: „Солнце вверх, тьма—вниз“ (ib. 527). На склонѣ неба (v. на межѣ неба, am himmelsrain; ср. выше градъ ни на небѣ, ни на землѣ)—золотой дом или замокъ. Там—

¹⁾ ... Peter schliess die tür zu, Wirf den schlüssel über den Rhein (т. е. rain, за склон неба или за между, Mannh. l. c. 393) (какъ заря теряетъ ключи): Morgen solls gut wetter sein“, ib. 390; Sunne, sunne schein! Treib die wolken von dein, Hin affn gatterspitz, Wo Peater und Paule sitzt, Wo kein hâne krât, Wo kein mader mât, Wo kein ochse liegt Und keine blume blüht (ib. 391). Это удаленіе облаковъ в нездѣшнія страны есть чрезвычайно распространенный мотивъ заговоровъ, отсылающихъ болѣзни „на дуги, на доли, на очеретá, на болотá, до синѣго моря“, „де козакъ на коні не гуляе, де дівка косю немає, де чоловічий голосъ незаходить, де скотина неходить, де птица нелітае“, Тр. 3-го Арх. съѣзда, II, 174—5); „у гору и у воду, у високе висине, у дубоке дубине, где певацъ непева“ (Гласн. Срп. уч. друштва, V (XXII), 179), „где говеда неричу, где петли непоју etc.“ (ib. 169; Ae. П. В. I, 478); „да иджт (уроки, почюди и пр.) в пусто горіе Тилидейско, дѣто штыркъ немжти, лѣстовица непѣю, дѣто куче нелае (v. дѣто пѣтелъ непѣе и пр.)“ (Чолаков, Бѣлг. нар. сборн., 115—6); лотыш. „в лѣс“, „в глубокоє море, в глубокий морской пѣсок“ (Трейланд=Бривз., Матер. по Этн. лат. пл., 135 et pass.); у Осетин: „о св. Аларды! отъ тебѣ идетъ дѣтская болѣзнь (оспа), отъ которой соблюди дѣтей этого аула, прогоняя ея в далекія моря и горы“ (Сб. свѣд. о Кавк. горахъ, IX, Педразс. у Осет., 42).

три дѣвицы (или три Маріи). Одна прядет шелк, другая вьет (золотую) вить (русс. *вить*, поль. *wić*, нѣм. *weide*), третья, которой нѣкоторы вар. дают *красное платье*¹⁾, *прядет золото, отмыкает небо, выпускает солнце в дверь*, или идет к роднику и *находит ребенка* (Маннн., G. Muthen, 255—379, 524 слѣд., 703 сл.). Маннгарт видит здѣсь Норя, дѣв судьбы (как и Гримм), а в основаніи этого значенія—облачных жен (ib. 538, 706). Первое вѣроятно; что же до второго, то в той связи, в которой здѣсь разсматриваю эти пѣсни, скорѣе можно видѣть здѣсь столь обычное в вр. заговорах утроеніе зари. Отчасти сродная шведская дѣтская пѣсня (ib. 657, 664, 706) говорит о *Fru Sole, Frau Sonne*, которая за три часа (т. е. за долго) до дня прядет на золотой прялкѣ.

Послѣдней чертѣ вышеупомянутых нѣмец. пѣсень соотвѣтствует отпиранье ложесн матери в вр. и лот. заговорах для облегченія родов:

„В *восточной* сторонѣ с небес стоит серебряная лѣстница“, по ней „*ползет* (вм. древ.-русс. *льзеть*, т. е. идет) мать Пресв. Богородица с золотыми ключами, с шелковыми поясами, отпирать — отмыкать мясной ларец“ (Ефим., Матер. по этн. Арх. губ., II, 198; ср. Майк., Закл., N 49).

По другому представленію матка — ворота (в лот. заговорѣ *мьдныя*, т. е. небесныя), а дитя — путник, акт рожденія — поѣзд: для ускоренія родов бабка входя в двери, говорит: „отпирайте (bis)! отперли (bis)! запрягайте (bis)! поѣзжайте (bis)! поѣхали (bis)! ѣдут, ѣдут!“ (Ефим., ib. 197); лот. „Милая Марья (bis), одѣнься в шолковыя платья, отвори ворота (bis)! Вот ѣдут господа (bis)!“ (Трейланд=Бривз., Матер., 119, N 40); „Путник (bis)! (=рождаемый ребенок), встань, сядь в повозку, возьми вожжи

¹⁾ Ср. лот. п.: „Почему что вечер края неба краснѣют?—Солнце (ж. р.) что вечер провѣтривает свое шолковое платье“, Бривз. в Сб. Дашк. N 83; „... (утром) встала дочь Солнца (ж.) прядеть золотыя нити“ ib. N 104; мр. „за лісом, за пролісом—червоне плаття“ (сонце), Ном., 291.

в руки, поѣжай домой! Спѣшите, спѣшите отворить ворота! Вот ѣдут господа, как рыба по Двинѣ ¹⁾ (ib. N 39). С бѣльшим, я думаю, удаленіем от первообраза: „Отомкни, *Исус*, горныя ворота! Путник стоит уже на пути, чтобы он мог проѣхать!“ (ib. N 41) ²⁾.

Как зоря не только отмыкает небесныя врата, но, что м. б. первообразнѣе, сама „размыкается“ (Майк., Заклин., N 337); так в лот. заговорах „от матери“ (mate, матка) мать Марія отождествляется с олицетворенною маткою: „Марьюшка (Māriņa), святая жонка! отвори мѣдныя ворота . . . сядь на свое золотое кресло с серебряной спинкой, в лѣвый бок, под пупок“ (Трейланд, ib. стр. 116, N 7); „я хочу уложить (соедешую с мѣста) N (такой то) матку на свое мѣсто. N (такой то, sic, а не „такого то“) мать и Исусова мать обѣ онѣ—одно . . .“ (ib N 33); „Исусова мать, N (такой-то) matka, надѣнь золотое кольцо, сядь на золотой стул, как барин, на серебряный престол, как солнце и мѣсяц“ (ib. N 15; ср. N 14, 4, 5). Этому соотвѣтствуют русс. послѣродовые заговоры: „золотник мой золотник . . . стань . . . на свое дорогое мѣсто“ (Майк. N 50); „тобі, матко, на золоте крісло сидати“ (Иващ. в Тр. 3-го Арх. съѣзда, II, Прил. 177).

Как маткѣ приписаны здѣсь черты небеснаго существа, так на оборот это послѣднее или другое подобное названо *золотой ступою* („чортова ступа“, ругательство, обращенное к женщинѣ; в мр. п. „коли-б мені ступка та

¹⁾ Сравненіе взято из другого заговора при родах же: „Шмыгни, зеленая щука, вон из очера! Господа ѣдут, *золотыя паруса* выгибаются (=надуваются“ ib. N 42.

²⁾ Выздоровленіе ребенка по слав. и нѣмец. повѣрьям есть как бы новое рожденіе на свѣт, почему больного пропущают сквозь рубаху матери (и сквозь штаны отца), сквозь нарочно разщепленное деревцо, сквозь дупло (=ложесна). Этим объясняется в лот. заговорѣ „от родимца“: „Отвори Божьи ворота, затвори адскія ворота! Пусть (ребенок) выйдет сквозь Божьи ворота свѣжим и здоровым . . . как братцы и сестрицы, что в горкѣ (=на том еще свѣтѣ) лежат“ ib. N 72.

жорна! Коли-б мені *жінка* моторна, Я-б її цілував—милував...“):

„В чистом полѣ, в зеленых кустах, в поморьѣ стоит вертеп. В том вертепѣ сидит *матерая жена на золотом стулѣ* между трох дверей... И тут... матерая жена милостивая... *золотая ступа*, покидает *шолковой кужелек*, *веретенцо серебряное*, молится и пр., Присушки, Майк., Закл. N 11.

Обращеніе к зорѣ в заговорах от разных бользней.

а) В нѣскольких случаях, по моему, болѣе древних, тогда как по другой теории, о которой будет упомянуто ниже, они должны бы считаться болѣе поздними, зоря не носит никакого христіанскаго имени:

„Заря заряница, заря красная дѣвица! возьми криксы и плаксы и пр.“, или „твое дитя плачет, пить—ѣсть хочет, а мое дитя плачет, спать хочет. Возьми свое бессонье, отдай нам свой сон“ (Майк., N 58; ib. 93, 109).

б) Эта зоря одна, или 2 (утренняя и вечерняя), 3, 4 носят разныя христіанскія имена:

„Как зоря Амтимарія (=мати Марія) исходила и потухала, тако... всякіе недуги исходили бы и потухали“, Майк. N 211; „Матушка заря вечерняя Дарья, утренняя Марья, полуночная Макарида! Как вы потухаете“ и пр. (ib. N 236; см. также ib. N 56, 57, 102, 194).

в) К тому же образу—молитвы „руду унимать“: „На *восточной сторонѣ* стоит серебряная лѣстница“, по ней „идет Мать Пресв. Богородица... своими ризами рану *затыкает*“ (Ефим., Матер. по этн. Арх. губ., II, 212, N 67); „красная дѣвица“ (или три дѣвицы), в. Мать Пр. Богор., сидит на золотом стулѣ, шьет (на золотых пяльцах) шелковою ниткою, золотою иголкою, раны *зашивает*, кровь унимает [Майк. N 139—152; Рыбн. IV, 259; Ефим. I. с. стр. 211—2; Аван. П. В. I, 223; сюда же лот. заг. Трейланд=Бривз., Матер. 143 (270)]. Затыканье здѣсь тоже что замыканье: „... сидит красная дѣвица на золотом стулѣ... Возьми ты, красная дѣвица, в правую руку 12 клю-

чев и замкни 12 замков, и опусти... в окиян море.... а в водѣ бѣлая рыбица тѣ ключи подхватила“ и пр. (Сак. Ск. Р. н., кн. 2, 18; в той же роли Богородица, Майк., N 216).

Трудно сказать, на сколько первообразен примыкающий сюда мужескій образ небеснаго воротаря. Mr. заговор, записанный в Каневѣ и сообщенный мнѣ В. С. Гнилосыровым, связывает этот образ с вечерними сумерками: „*Od voroiw*. Святій *Смеркаче* (sic) божій *замикаче!* Замикаеш комори, обори, монастирі и костели; замкни моему ворогу N рот“ (ср. Драгом. Mr. н. пред. 38). Очевидна связь этого с лотыш. заговором: „Исус идет впереди (v. по дорогѣ), связка ключей в руках. Замкни, Исус, церковныя двери, замкни ворогам (завистникам) сердца“, v. „замкни И., злыя рѣчи и разговоры, как церковныя двери“ Трейл. = Бривз., Матер. по этн. лат. пл., 173 (521), 179 (570); ср. ib. 170 (502). Остается вопрос о первенствѣ во времени в этом заговорѣ Исуса (или Петра?) и безыменнаго замыкача, имѣющаго отношеніе к вечерним сумеркам. Остается также неясным, почему в шалопутской молитвѣ при исходѣ души, по основному мотиву восходящей по самой меньшей мѣрѣ ко времени невольничьих дум, проводник душ (ψυχοπομπός) отождествляется с понедѣльником? Не потому ли, что понедѣльник слѣдует за dies Solis, как вечерняя заря за солнцем? „Святій Понеділочку, божій (господній) ключнику, Що по морям кладки кладеш, а неволника з неволі визволяеш! Прийми душу р. б. N да понеси на небеса и пр.“ (Драгоманов, Mr. н. пред., 36, 38, 39). „Кладки по морю“ требуют особаго разсмотрѣнія.

г) Вышеупомянутых заговоров от крови, в коих появляются и христіанскія имена, я бы неотдѣлял от нижеслѣдующих лотышских, как кажется, вполне объясняемых туземными средствами.

Прежде самих заговоров, приведу слѣдующія справки:

Уже выше упомянут очень распространенный взгляд, что солнце, как бы оно в частности ни представлялось,

вечером опускается в море ¹⁾. Лот. п. говорит: „Кто сказал, кто видал, что бы солнышко (ж. р.) спало ночью? Днем оно *бредет* по зеленой (березовой) рошѣ, ночью по *водѣ моря*“, Бривз. N 86. Дочь солнца тоже *кунается* (Спрог. 311—2, N 20; Бривз. N 100). Она, в этой п. названная солнцем, бредет чрез море и тонет, так что всплывает только ее вѣночек, Спр. 312 (22); Бривз. N 99; Mannhardt, Lettische Sonnenmyth. 79, N 35. Как поясненіе естественности этого образа, устраняющей всякую мысль о заимствованіи, Маннгарт приводит из соч. Ширрена „Maumythus und wandersagen der Neuseländer“ 164: „На Новой Зеландіи заходящее солнце представляется утопающим, выброшенным из лодки. Приставая к берегу спутники солнца бросают в море его головной убор“. Вообще в сказаніях о солнечном богѣ Мауи и сродных с ним часто встрѣчается выбрасыванье за борт красной головной повязки или царскаго вѣнца, при окончаніи плаванья, у порѣга того свѣта“ Mannh. ib. 296). К этому слѣдует прибавить, что в лот. п. вѣнок дѣвицы, невѣсты—солнечный [Спр., 161, 10; 162, 14; Бривз., N 444 (стр. 99), 459] в силу ея обожествленія, отождествленія с солнцем или солнечной дочерью. Согласно с этим к этим послѣдним, а не к земной дѣвицѣ относятся лот. п.: „Пѣнься, пѣнься, озеро, красною пѣною: вчера утонула наша сестрица в красном вѣночкѣ из роз“ (Бривз. N 182); „Теки (v. пѣнься), Двина, красною пѣною: вчера провели (замуж) сиротку в красном вѣнкѣ из роз“ или „этим лѣтом упал в Двину мой красный вѣнок из роз“ (Спр. 13, 5—6; Бривз. N 181). Замѣчу, что рѣшеніе вопроса, как давно известна занесенная к нам не менѣе, чѣм двумя путями роза (гр. троянда, *τριαντάφυλλον*) и перенесено ея латинское имя на *рожу*, *althea*, *malva* (которой некультивируемыя породы на югѣ Россіи, по видимому, тузем-

¹⁾ Между прочим у Ингушей: „днем солнце освѣщает живых, ночью мертвых; при закатѣ оно погружается в море“, Сб. свѣд. о Кавк. горц., VIII, 11.

ны ¹⁾, имѣет значеніе лишь для опредѣленія древности послѣдней формы вышеприведенных и других подобных пѣсень, а не их древности вообще.

Из сказаннаго видно, к какому явленію, как основѣ, мы должны до новых, пока несуществующих изслѣдованій, отнести красную дѣвицу, кровавое море, розы в заговорах от крови и рожи:

От крови. „Красная (по цвѣту, а не красотѣ, „sár-капа“) дѣвица бредет (в. „3 кр. дѣвицы раздѣвшись до гола“, „5 дѣвиц“, тридевятъ д.) по морю (в. кровавому морю) и перевязывает“ (в. „мѣдная плотина, стальная заставка . . .“), Бривз., Матер. по этн. лат. пл., 143, N 259, 262—4. „Темно-красная рѣка течет пѣнясь, красная дѣвица бредет по срединѣ, в рукѣ стальная палка. Дошла до берега, плотина перед ней, за плотиной твердо как желѣзо, как сталь“ ib. N 266.

„Три красныя дѣвицы запруживают кровь. — Гремит Перкун, бросает молніи и запруживает плотину (в. засовывает заставку) крови“, ib. N 258; ср. „красный Нѣмец (в. человек) со стальным креслом“ ib. N 261, 265.

От кроваваго поноса у скотины. „Ты, Марія, которая прошла через кровавое море и через девять морей! вытекай так чиста из скотины, как чиста ключевая вода“ ib. N 105 и 115. Отождествленіе Маріи и крови такое же как выше зори и размыканья, Маріи и матки.

От крови (обычным лотыш. размѣром $2[(4+4)+(4+4)]$): „Рѣка крови быстро текла, дѣлая излучины. Побѣжала милая Лайма (добрая доля), остановила рѣку крови“, N 277.

Я думаю, Марія — произошла от солнечной дочери или безыменной красной дѣвицы и Лаймы, а не на оборот.

От рожи. „Девять роз плавают по морю: 3 черныя, 3 бѣлыя, 3 сѣрыя. Тонут черныя, тонут сѣрыя, а бѣлыя цвѣтут на горѣ (на верху?). Так пусть гибнет (изникает) недуг (соб. недоля, nelaĩta), как потонувшія розы! Так

¹⁾ Серб. *трандовиле* уже не роза, а роза.

пусть цвѣтет здоровье, как цвѣтут бѣлыя на верху“ *ib.* стр. 220—1, N 20, 25.

„Женщина сидит на горѣ, девять роз в рукѣ, 6 свѣжих, 3 вялых. Женщина тонет в морѣ вмѣстѣ со всѣми (розами)“, *ib.* стр. 131, N 148.

Как необходимо признать производность той формы заговора от матки (см. выше), по которой „Исус ѣдет по водѣ и по землѣ, три матки у него в рукѣ“, *ib.* N 35; так производна форма заговора от рожи: „Исус (в. три мужа) бредут по морю, 3 розы (в. рожи) у него в рукѣ: одна упала, другая пропала, 3-я погибла и пр.“, *ib.* N 146, 154—5, 166.

Роса (медовая)—*коса* (дѣвство), *дѣвичья краса*. В вышеприведенной (стр. 94) бр. пѣснѣ, давшей повод к отступленію о долѣ—зорѣ, зоря отмыкает землю и выпускает *росу медовую*, которая отождествляется с дѣвством, с жизнью у отца, и противопоставляется росѣ ледовой—ненавистой жизни у свекора. Ассоціація „роса . . . краса“ могла возникнуть из того, что заря—красная дѣвица, ключница. В этом могло участвовать и представленіе свѣта зори косою. Ср. в мр. свад. п.:

Ой тепер же-сь нам, молода Настуню

Ой тепер же-сь нам мила:

Росою косою, румяним личком

Світлоньку розсвітила, Гол. IV, 211.

Как есть загадка о солнцѣ „барыня на дворѣ, а рукава в избѣ“ (Худяк. в Этв. сб. VI, 111) и о ключѣ, лот. „кто первый входит в церковь?“ и „дѣвица (невѣста) в клѣти, косы на дворѣ“ (Bielenstein, 1000 Lett. räthsel, 29); так могла существовать загадка о зорѣ: „красная дѣвица сидит в темницѣ, коса наружѣ (на верху, на улицѣ), Худяк. I. с. 81, „дівка в коморі, коси на дворі“, Ном. 296, хотя теперь эта загадка примѣняется к моркови в землѣ.—Каково бы однако ни было происхождение упомянутой ассоціаціи, поддерживается она таким *tertium comparatio-*

пія: как „русая коса, дівоцькая краса“ (Zienkiew., Piosen. I. Pińskiego, 54—6, et caet.), так лѣтняя роса недолговѣчна. Солнце скрадывае утрянню росу (см. вышэ), вѣтер ея развѣвае. Отсюда в лот. заговорѣ: „пусть выйде болѣзнь из тѣла этого челоуѣка, как мгла (исчезает) в лѣтнее утро, как утрянняя роса в теплый день, как тѣнь при солнечном свѣтѣ“ (Трейл., Матер., 123, N 83). В мр. п. с росой на том же основаніи сравнивается „пригода“ (несчастье), „жаль“, „худоба“¹⁾, гнѣв отца на незамужнюю дочь, тогда как гнѣв мужа (и свекра)—мороз:

Ой небійся батенька свого.

Ой бійся мене та й молодого:

Батенька гроза—як літняя роса,

Моя гроза—гірш лютого мороза

[Wacł. z Ol. 2; Гол. IV, 221. Противоположеніе здѣсь болѣе точно, чѣм кажется: лѣтняя роса противопоставляется,

¹⁾ Моя пригодонька, моя пригодонька,

Так як літня роса:

Як вітер повіе, а сонце пригріє

Спаде вона вся,

Гол. III, 298; I, 250; Метл. 42—3.

Жалі ж мої, жалі! то-сьте ми на зрадї,

Як дрібна росонька на зеленій травї.

Як вітер повіе, та й росоньку звіє;

Вже-ж мое серденько з жалю неотїє,

(Гол. III, 194. неотїє? М. б. неощє=неошає. Ср. ц.-сл. ошати, -са, remove, abstinere).

Невелика поляночка, мало на ній сїна;

Я си таке дївча вибрав, що немає вина.

... Худобицї (=я) як росицї (=я): буде, тай nebude;

Коли менї буде мило вийти межи люде

(Гол. IV, 451),

а в случаї женидбы на богатой не по сердцу:

Худобиця—як росиця: ци буде, nebude?

Нї с кїм вийти погуляти межи чужї люде

(Гол. II, 441; Щастн. Соломон Коломыйки, 45; на ту же тему „не с богатством жить, с челоуѣком“, вр. Этн. сб., II, 39; Коханов., Остатки бояр. пѣсень, Р. Бес. 1861, II, 112).

как выше в бр. п'єснѣ, зимней, ледовой, т. е. инею, оже-леди, ибо таково болѣе древнее значеніе слова *мороз* (см. мое соч. К исторіи зв., III, 7), отчасти сохранившееся в серб. („*nade* му мраз на образ“ застидје се) и хорут. В вр. мѣстностяхъ есть мнѣніе, что иней—это „самая лютость и есть“, согласно с чѣм у Даля *лютъ*—блестка, искра инея, летающая по воздуху в солнечный мороз].

Таким же образом (т. е. росою) представляется в свад. п. („як од вінця йдуть“) распущенная перед вѣнчаньем коса молодой:

Невій, вітре, дібровою,	<i>Як літнюю росу</i>
Повій, вітре, дорогою	По червоному поясочку,
За нашою молодою,	По одному волосочку
<i>Розмай її косу,</i>	

[Метл. 169; тоже сравненіе в сжатом видѣ — „розвій її косу росу по червонім поясу“ (Гол. II, 660; Чуб. IV, 137) дает повод принимать *росу* за прилагательное (=росу), откуда выраженія: „косу росу чесала“, Гол. II, 635; „росу косу чесала“, ib. IV, 213; „мені серденько мліє По моєй росі косі По моєй слічної красі“, ib. IV, 213; „Іно мені жаль росі коси И дівочкої красі“, Чуб. IV, 117. Крімъ этихъ случаев, форма *рос* в значеніи *рус*, *flavus ruscus*, итал. *rosso*, извѣстная в хорутанском, ни в русском, ни в серб. и болг., сколько извѣстно, не встрѣчается].

Согласно с этим *молодой*=*вѣтер* (см. выше стр. 54—5) = „*розмай-коса*“:

Моя матюнка рідна,	Ци стучить дороженька,
Вийди на дорогу,	Ци іде розмай-коса,
Послухай на дуброву:	Ци спала з личенька краса . . .
Ци шумить дубровонька ¹⁾ ,	. . . Як з калиноньки роса?
	Чуб. IV, 291.

Та же риема, основанная на соответствіи смысла слов, примѣняется и к молодому:

¹⁾ Тут жених—„нелюб“, ибо в (веснянкѣ)

Куди нелюб поїхав . . .

. . . Туди трава полягла

У діброва загула. (Веснянка)

Стоить Івашко как сонце,
Коничок припав росою,
Сам він молодой красою,

Чуб. IV, 323; ср. ів. 414.

Отлично от этого, *мед*, *медвяная* роса („киша паде, медна роса у полу“, Кар. Пјес. I, 153), как член ассоціаціи „роса... краса“, остается вполне архаичным, неподдерживается, по видимому, никакими позднѣйшими примѣненіями и соображеніями. Как на археологическую справку можно указать, что древне-индійскія божества связанныя с ранним утром, „приводящіе день“ „медвяные“ Асвины „источают медвяную рѣку“ (которая называется между прочим „*расâ*“ = слав. роса), „орошают медвяным маслом поле“, „окропляют (людей) бичем“ который „каплет медом“ и приносит людям всякія блага, на своей колесницѣ „везут мед в медо-обильном мѣхѣ“ (Вс. Миллер, Оч. аріи. мнѣ., 120—2).

Если, наконец, обратим вниманіе, что *весна*, кромѣ сродства по корню с названіями утренней зари (скр. *ушас*, *ушâ*, лит. *auszra*, лат. *aurora*) отождествляется с зарею [лит. *rawasaris iszauszta*, весна (как „утро года“) разсвѣтает

серб. Бога моли Вишни ђу Јоване
Да му рано сване премалеће,
У пролеће весел данак ђурђев,

Чуб. Чојк. Пѣв. 64];

то получим ряд: „*весна* (заря), *краса*, *роса*, *мед*“ вполне заключающійся в слѣд. веснянкѣ (гаївка):

А. Ранняя (в. А вже) весна воскресла.

„Що же-сь нам принесла?“

—Принесла бо я росу ¹⁾

(I) Паняньскую красу.—

Паняньская краса

Як на весні роса:

В меду ся купала,

В вині випливала...

... Радная весна воскресла.
„Що же-сь нам принесла?“
— Принесла бо я росу ¹⁾
Парубоцькую красу.—
Парубацькая краса
В мазі ся купала
В дѣгти впливала...

(Гол. II, 177—8; другія и с подобным началом—ib. 677; Чуб. III, 109, 160; Крачковскій, Быт западно-русс. селян, 88 в Чт. О. И. и Др., 1873, IV).

Из дальнѣйших стихов видно, что краса представляет- ся каким то платьем, которое моют (парубоцькое—в смолѣ и дѣгтю, дѣвичье в пивѣ винѣ), вѣшают сушиться, качают, складывают в скрини.

Противоположеніе меду и дѣгтю соотвѣтствует двум воротам нѣмец. сказки (Grimm, Märch. I, N 24); когда дѣвица (=сирота, дѣдова дочка соотвѣтствующих русс. сказок) проходит в одни из них, ее орошает золотой дождь; когда другая (=бабина дочка) проходит в другія, ее обдаёт смолою.

Противоположеніем „дівоцької“ и „парубоцької“ (за тѣм „бабської“) красы разсматриваемая пѣсня примыкает к другим многочисленным веснянкам, основное содержаніе коих—вражда (война, насмѣшки) дѣвиц и паробков. Черта эта, в этих пѣснях варьируемая на разные лады, кажется глубоко древнею. Б. м. она послужила поводом к разсказу Козьмы Пращаго о войнѣ чешских амазонок с мужчинами, окончившейся браком ³⁾.

¹⁾ Ст. 3-ій поправлен мною, вм. „принесла я вам красу“ или явно испорченнаго „Принесла бо я вам“.

²⁾ Ср. олицетвленіе любви (родственной):

Осиротѣлая дочь вопит:

Уж я стану искать, бѣднушка,

Как желаньца во дядюшкѣ; (но)

У желаннаго у дядюшки

Поверх платья желаньце:

Как шиль (=своро) платье прискинули,

Все желаньце откинули. Барс. Прич. I 50.

³⁾ Одна из варьяцій на эту тему — „что будут быть дѣв-“

Б. Другая семья вариантов отличается от А. чертою: строится терем (город) или замыкается замо́к, чтобы сокол (или другая птица) невынес „дівочької краси“.

- а) Дівки молодиці терем будовали,
 Терем будовали, вікна нерубали
 (ч. віконця вставляли),
 Ой щоб невилітав сивий соколенько,
 Ой щоб невиносив дівочької краси;
 Бо дівочька краса—як літняя роса,
 В меду ся купала, в меду вигравала.
 На парубочках краса—як зімняя роса:
 В смолі ся купала, в дѣгті вигравала.
 (Чуб. III, 33—4; ср. Гол. IV, 164).
- б) Пан Коколєнській (?) по городу ходит
 По городу ходит, челядоньку будит...
 ... Город городити, тернянком тернити,
 Щоби незлетіла сива зозуленька,
 Щоби несфатила панянской краси,
 Бо панянска краса у меду мочена...

ки, паробки, молодцы“ повторяется в пѣснях: серб. (Кар. Пјес. I, 487), мр. и болг. Последнія двѣ, недающія основанія предполагать заимствование с которой нибудь стороны, сложены тѣм же размѣром (4+3), который мы видѣли выше в „сѣяньи проса“ и других веснянках. Ср. мр.

... Пішли дівки на войну... А жіночки горілку,
 ... (Ой) п'ють дівки мед-вино, А парубки помийки
 (Чуб. III, 85; ср. Гол. II, 681).

и болг.:

Пиле лѣта по море	Сос прво накачено.
На моми-те кажува,	8=1, 9. На момчета кажува
Да неvezёт неделя,	Да неорат неделя.
Че ке болне полежат.	11=4, 12=5,
Та што ке им понуда?	Рудо ягне печено,
Црно вуче печено	Ройно вино точено.

Верковић, Н. п. Мак. Буг., 116.

Если бы это пѣли дѣвицы, как в предыдущей п. того же размѣра *ibid.*, то было бы на оборот: им ягня, а парубкам червиное щеня.

Пан Конкол. и пр.

Парубоцька краса в помиях мочена...

(Гол., II, 180—1).

- в) „Чом ти, жавороньку (нь?) рано з вир'я вилітав?
„Ище по гороньках сніженьки лежали,
„Ой ще по долинах криженьки стояли“.
—Ой коли пора прийшла, неволенька вийшла,
Ой я тії криженьки крильцями розжену,
Ой я тії сніженьки ніжками потопчу.

Загорожу річку тай на поставничку ¹⁾

Щоб невилітали пташата чирята,
сиві голуб'ята,

Щоб невіносили молодецької краси.

Молодецька краса—хустонька в пояса...

... Загорожу и пр.

Дивоцькая краса—коса до пояса, Чуб. III, 110.

Ст. 1—6 составляють заг'їв, об отношеніи коєго к выходу замуж—см. ниже.

- г) Молодая ключница по замках ходила,
Молодого сторожа за руку водила.
„Стороже, жарты (?) замкни в чотирі замки,
Щоби незалітав сивий соколенько
Щоби невіносив паненьської краси.
Паненьская краса, як на барвінку роса...
В сирватці мочена...

Молодая ключница и пр.

Парубоцька краса, як на смітью роса...

(Гол. II, 681).

Разм'єр 3-го ст. испорчен. Б. м.

„Стороже, замкни жарты у чотирі замки,
„Щоби невилітав и пр., т. е. „нежартуй“, что-
бы сокол неунес д'євства?

Если бы нашелся вариант, подтверждающий зд'єсь сло-
во жарты, то можно бы сравнить в вышеприведен-

¹⁾ ? пастовничку?

ных вар. (Гол. I, 181; IV, 164) и в самой этой то, что „дівочья краса“, как платье „до скрині схована, ключиком замикана“, или „у скриню зложена колодков замкнена“¹⁾. Однако я скорѣе готов думать что здѣсь—искаженіе, внесенное даже не пѣвцом и записывателем, а переписчиком, и что вм. „замкни жарты“ слѣдует „замкни замки у чотири замкы“, а вм. этого, во избѣжаніе тождезвучія— „замкни *варты*“ (нѣм. warte, сторожевая башня).

¹⁾ Ср. также овеществленіе *пѣсни*:

Весн.

Співали дівочки, співали,	Да й скинули пѣсни до долу;
В решето пѣсни складали,	Час вам дівочки до дому,
Да й поставили на вербі	А ти, Галочко, зостанься,
Де ся взялися горобці,	Да з Ивасем звінчайся,
	Метл. 302; Чуб. III, 181.

С этим ср. в лот. „корзина полная пѣсень“ (Бривз. в Сб. Дашк. N 25, 31), которую дѣвица выйдя замуж, опрокидывает; дѣвица наматывает клубок пѣсень, выйдя замуж разматывает (ib. N 29); три скрини пѣсень (ib. N 24); „Я (выходя замуж) скатила скриню (пуру) пѣсень с горы в долину. Будет мнѣ счастье в жизни (за мужем) вскачу их опять на гору“ ib. N 36. И в Калевалѣ: смотать пѣсни в клубок и спрятать их в мѣдный ящик, или замкнуть их костяным замком зубов.

По поводу слѣдующаго превращенія пѣсень — соколов в цвѣты

Доків була я в мамочки, куда йшла, співала,
 А як пішла від мамочки, всі позабувала.
 Співаночки-соколочки! де я вас подіну?
 А в городі на зілечку, там я вас посію.
 Ой мут туда вівчерики свої вівці пасти,
 Мут зілечко изривати, за капелюх класти

(Гол. I, 222; ср. ib. 230)

припоминается индійскій миф: Боги посылают метры (размѣры гимнов Вед) на тот свѣтъ за царем Сомою (олицетв. амр'та, амвросія, напиток безсмертія). Метры для этого превращаются в птиц. Двѣ устают на пути; трегья, размѣр гаятри (по сходному мифу—сокол) когтями и клювом схватывает Сому и уносит. Сторож Сомы, Крѣсану, пускает в слѣд стрѣлу и отбивает у гаятри коготь или крыло. Упавши на землю, коготь превращается в терновник, крыло (парна) в дерево парна с красными цвѣтами и красным соком (Kuhn, Die Herabkunft des Fe-

Произвольно ли будет, если существенное в этих пѣснях передать так: лѣтняя=медовая роса=дѣвичья краса представляется в теремѣ, городѣ, замкѣ, огороженною, *обтерненной* (как двор невѣсты в коляд.; в этом смыслъ слѣдует понимать колядку у Чуб. III 357); похищеніе ее соколом представлено нежелательным, как и в других веснянках выход замуж. Но рано или поздно это похищеніе (бракъ, *выход замуж*) совершается. На необходимость его намекает запѣвъ варианта в) смысл коего объясняется слѣдующими свадебными п.:

Зажурилась перепелочка:

„Бідна моя та головочка,

„Що я рано та з вирья вийшла ¹⁾:

„Нігде мені (та) гвізда звити,

„Нігде мені діток наплодити;

„Що по горах сніги лежать,

„По долинах води біжать“.

Озоветься соловечко:

„Нежурися, перепелочко:

„Есть у мене три сади зелені:

„Що в першому та гніздо зовѣм,

„А в другому діток наведем,

„А в третѣму діток погодуем.

Метл. 211—2=Чуб. IV 387.

В вар. у Чуб. IV, 177, утѣшает сокол:

„Ой є в полі да три тополі“ и пр.

2-я параллельная с 1-ю половина объясняет: перепелка=молода N, з вирья=замуж, сокол=молодой N, три тополі=(увы!) три нагайки.

Видоизмѣненіе того же образа:

„Зажуриться соколонько и пр.

с глубочайшим поэтическим чувством примѣнено к ранней,

цегл, 147—8). Я думаю, что и *красану* находит соотвѣтствіе в русс. *королюн*. Но и помимо этого, случайное ли это сходство? Или никакого сходства нѣтъ?

¹⁾ 2-ѣ полустышіе мною поправлено, вм. „из вирію вилетіла“.

невольной и вѣчной розлукѣ сына—козака с родительским домом, в пѣснѣ болѣе извѣстной с другим началом: „гомін, гомін“ (мое соч. О мнѣ. зн. и пр. 100, гдѣ послѣ „козаки йдуть“ слѣдует „туман поле покриває“; Укр. пісні, вид. Балліної, 45; Чуб. V, 937, 952—3, 890; Zienkiewicz, P. 1. Pińsk., 218—20.

Приведу здѣсь лишь немного из многочисленных пѣсенных подтвержденій того, что сокол, птица—жених. Сокол (жених) перелетает через неприступную ограду сада невѣсты (Гол. IV, 303; ib. 298; Kolberg, Lud I, 64; Kozłowski, Lud, 38—9); он ломает сад у невѣсты (колядка у Чуб. III, 280) ¹⁾. Вм. сада—изба („бьется сокол в избу летуци“ когда жених входит в сѣни, Шейн, Р. н. п., 543), гора и серб. гора (лѣс):

Для (возлѣ) сватняго двора

Да высокая гора:

Ні узыйці, ні узъехаць,

Сакалом неузлецець.

Што даці, то даці,

Тую гару раскапаці...

... Сакалом узлецець

(А Яначку узъехаць), Этн. сб. III, 249.

Серб. сватовска:

Дивна ли је гора брштанова

¹⁾ На случай желанія объяснить разсматриваемое из христіанской мнѣологии, привожу, как вар., щедровку:

Ой там на горі, Шц. в. на в. в.

Там Марія сад садила

А садивши та змовляла:

Рости саде повище мене!

С того саду вилетів сокіл

Та й полетів попід небеса.

Усі небеса растворилися

Усі святі поклонилися.

(Ольшана. Богод. у.; сообщ. И. И. Манжура).

2 послѣдніе стиха дѣйствительно принадлежат одному из христіанских семейств колядок.

Мирисом је село подичила
А висином поле окитила.
А соко је прелећет неможе,
А данас је свати преиграше,

Кар., П. из Херц., 298.

Асоціація „сокол, небо, брак“, миеологическая по происхождению, б. м. лежит в основаніи пѣсеннаго сравненія:

Ой високо соколові до неба літати;

Ой далеко козакові до осени ждати, Метл. 7, 8,
гдѣ „до осени“—до сватанья.

Обычная в свад. и других пѣснях пара сокола есть галка, к которой в весенней хороводной пѣснѣ дѣвицы обращаются с какою-то просьбой:

Ой галко, галко,

Золотая клюшнице!

Стань же нам на (=до) помочи

З молодими молодицями,

З красными дівчатами,

Терещ. IV, 315; Чуб. III, 72.

Болѣ опредѣленно в бр. п. (Аѳ., П. В., II, 405 со ссылкой: Цебриков, 271, 288):

Благаславі, Боже,

Весну клікаць,

Зіму праважаць

Лета дажыдаць!

Вылеці, сізая галачка,

Вынесі залаты ключи,

Замкні халодную зіманьку,

Атамкні цѣпloe лещечко!

С этим сходитсѣ мр. повѣрье, что ключи от ирья были когда то у вороны, а теперь у сои (Кул., З. о Ю. Р., II, 36) ¹⁾.

¹⁾ Нельзя до подтвержденія другими варіантами считать достовѣрным заговора от волков, записаннаго А. Шишацким—Илличем, с именем коего напечатаны нѣкоторыя явныя поддѣлки (на пр. Метл. 373): (послѣ упоминанія Бога и Святых)

Существованіе версії: „*сокол выносит, росу — мед, красу*“ подтверждается Волын. варіантом, вошедшим в сочетаніе с пѣсней „Воротарь“, б. м. не без смутной мысли о сходствѣ значенія с этою послѣднею:

Тече муравель (bis) горами та долинами.

А що ж він виносить? Парубоцьку красу,

Парубоцька краса в смолі потопає,

В огні погорає...

... А дівочька краса в огні виграє,

А в меду поплає.

(Ант. и Драг. Ист. п., I, 329).

Это напрашивается на сравненіе с индоевропейским мифом, разсмотрѣнным в знаменитом соч. Куна „Die herabkunft des Feuers und des Göttertranks“, Berl. 1859. Дѣвы, свѣтлые боги, были во враждѣ с Асурами, богами тьмы. У одного из Асуров, Сусны, находился тогда напиток безсмертія (амрта=*amṛta*, тоже что *сѣма*, живая, цѣлющая вода). Дѣвы умирали. Для спасенія их Индра, а по нѣкоторым гимнам Риг-веды другое лицо, для Индры, покишает этот напиток (I. с. 144—6). Этому соответствует покищеніе Зевсом в видѣ орла — Ганимеда, виночерпія богов (ib. 176). По скандинавскому мифу, чудесный мед, напиток, сообщавшій мудрость и поэтическое вдохновеніе, достался Суттунгу, одному из великанов, враждовавших со свѣтлыми богами Асами. Суттунг помѣстил его в горѣ и отдал под охрану своей дочери, Гуинлед. Однѣ буравом просверлил эту гору, змѣєю прополз в отверстіе („муравель“ мр. пѣсня?), провел с Гуинледою три ночи, за что она „на золотом кресль“ подарила ему глоток (v. 3 глотка) драгоцѣннаго меду“. Один в 3 глотка вобрал в себя

„и тебе прошу краснее солнце, и тебе прошу, ясный місяць, и вас прошу, зорі зорениці, Божіі помішниці, и тебе прошу чорна залочка, и одверни злих собак од мого скота; и тебе прошу царя Давида и кротости твоей: *стань ти мені в поміщи*“, Ефим., Мр. закл., N 155 (Чт. в О. И. и Др., 1874, I); ср. ib. N 75.

весь мед и, улетѣвъ орлом, спасся от погони Суттунга и принес мед Асам“ (ib. 148 сл.; Simmrock Edda III, 330).

На основаніи вышеизложенных славянских данных можно думать, что первоначально здѣсь рѣчь не о дождѣ и грозѣ (Kuhn I. с. 151), а об утренней медвяной росѣ, при чем хранительница меду, дѣвица—ключница была бы зоря.

В. Третій вар. вводит *Урая*, под которым слѣдует разумѣть весенняго святого Юрья (Безе., Бр. п., N 32—4; Шейн, Бр. п., 89, 95 и пр.; Зап. Г. О. по этн., V, 83; Ае. П. В., II, 402 сл.):

Та Урай матку кличе:

„Подай, матко, ключа одімкнути небо,

Випустити росу, дівочькую красу,

Та дівочья краса—як літняя роса

У меду потопае, в вині виринае.

Та Урай и пр. . . парубочькую красу

Парубочья краса, як зімняя роса

В смолі потопае, в дѣгтю виринае,

Чуб. III, 30—1.

По бр. волочобным и весенним пѣсням Св. Юрія „Боски ключник“, „Божій пасол“, берет ключи (у Бога, у своей матери) „залаценькіе“, „отмыкает“ землю и выпускает росу. Что выпускает ее именно он, достаточно объясняется популярностью его и временем празднованья (23 Апр.). По второй из этих причин Св. Марко (Евангелист, 25 Апр.) тоже называется ключником, владѣет ключами от дождей, почему ему молятся, чтобы незапирал дождей (Чуб. III, 32).

Проф. Кирпичников думает, что ключи здѣсь—„риторическій миф¹⁾“; в таком же смыслѣ рыболовы молят в заговорах ангелов отомкнуть золотыми ключами море (Ае. П. В. II, 411); Иван креститель замыкает в заговорѣ кровь ключем Божиим (ib. 406) и т. д. Кромѣ того ключи, в бѣльшей мѣрѣ, нежели простой кусок желѣза,—символ высшей культуры и потому имѣет силу разрушать чары. Ключи были у Озириса и у Митры, но недумаю, чтобы ключи

¹⁾ Понятіе для меня неясное.

Егорья слѣдовало вести так далеко; ближе к дѣлу церковно-художественное преданіе об апостолѣ Петрѣ, ключникѣ рая (в Ворон. губ. Пляды — *Петровы ключи*, Ае. П. В. II, 404). Как тѣсно соединяется народное представленіе с церковным преданіем, показывает бр. юрьевская п. в которой мать приглашает Юрья отдать ключи Петру „зямлю одомкнуці, траву выпусциці (Бес. 1872, IV, 262; Безс. Бр. п. 22)“, (Св. Георгій и Егорій Храбр., 146—7).

Вопрос, конечно, состоит здѣсь не в том, отвергать ли вліяніе церковнаго преданія, или нѣтъ. Это вліяніе признавалось миеологами всегда, начиная с Гримма и Вольфа. Подобным образом вряд ли кто либо из этимологов, заслуживающих вниманія, думает, что словарный состав любого европейскаго языка и даже любого из существующих языков может быть выведен из одних туземных и унаслѣдованных по прямой линіи элементов. К какой бы сторонѣ языка и вѣрованій, да и вообще народной жизни, ни направилось бы историческое изслѣдованіе, оно натолкнется на вопрос о степени устойчивости преданія, о силѣ того, что с одной точки представляется инерціей, а с другой — жизненностью, способностью народнаго или племеннаго организма уступать внѣшнему вліянію не иначе, как превращая его и ассимилируя при помощи прежедепаннаго. Чтѣ внѣшнее, чтѣ внутреннее; гдѣ сила, гдѣ уступчивость; становится ли изслѣдователь на сторону вѣтра, или же на сторону лоз, которыя он клонит: это зависит частью от видимаго свойства данных, которыми человек располагает, частью от болѣе глубоких и труднѣе разложимых пристрастій и отвращеній, навязываемых впечатлѣніями всей жизни, принадлежностью к извѣстному народу, литературному и учоному направленію и пр.

В частности вопрос не в том, знает ли русское простонародное преданіе о Петровых ключах от царствія небеснаго, ибо очевидно, что знает и пользуется (ср. на пр. Ае. П. В. II, 408, 411, 412); а в том, удобно ли этими ключами одними или с прибавкою ключей Богородицы объяснять всѣ прочіе ключи народнаго преданія, как ключи

зари, звѣзд, галки и сои (см. выше), или нѣмец. названіе раст. *primula veris: schüsselblume, himmelsschlüssel, Frauenschlüssel* (Аѳ. П. В. II, 411), которому, судя по названію, приписывается отпиранье неба для весны, как в мр. пѣснѣ соловью приписывается разсвѣт (Мр. п. по сл. XVI в., 35). Мнѣ кажется, что такая прямолинейность объясненія столь же мало вынуждена свойством данных как и противоположная, которая состояла бы в признаніи устойчивости лишь за одним туземно-языческим преданіем. Ни примѣненіе замыканья и отмыканья к явленіям природы (как разсвѣт и сумерки, зима и весна) ¹⁾, ни сами по себѣ отмыканье и замыканье, ключ и замок не составляют принадлежности такой высокой степени культуры, какая не могла бы быть приписана праславянским и даже дославянским временам ²⁾.

То, что в мр. и бр. п. мать передает Юрью ключи, сходно: а) с тѣм, что, как мы выше видѣли, зоря теряет ключи, которые достаются слѣдующему за нею солнцу; б) с чертою чешско-морав. пѣсень при выносѣ *смерти* и при-

¹⁾ „Благослави, Божія (?) маці, весну гукаці,
Зіму замыкаці, лѣто адмыкаці.

(Зап. Г. Об. по Этногр., V, 80).

²⁾ Рѣчь не о позднѣйших формах замка и ключа (на пр. в вр. былинах „замки нѣмецкіе“) а о их первообразах. Первообраз замка есть засов. *Мѣк-* (куда—*мыкаться*, соваться туда и сюда, п. *wytknąć się* легко и быстро высунуться; *wytknęło się słowo*—*ἔφυγεν ὁ λόγος το ἕρκος ὀδόντων*; вр. *мчатъ*) предполагает *му-к-*, которое находим в лот. *тик-т* (и *mùkt*), выскальзывать, поль. *змукаć, умукаć*; сюда же лот. *mikët*, отмычкой отпирать замок, и лит. *таукти*, лот. *taukt, streifen* и пр., родственное, но нетождественное с *мыкать* (К ист. зв. III, 63). *Му-к-* предполагает *-му* или *-мау* (=moveo) оставившее явные слѣды в славянолитов., греч, лат., скр. (Р. Ф. Вѣст., 1881, I, 124—5). *Ключь*, слово родств. с *clavis, clavus, κλεις, κλάξ* до нынѣ сохраняет мѣстами значеніе *инсис* и в частности простѣйшаго, вовсе не непремѣнно желѣзнаго снаряда для отпиранья снаружи внутренняго, до нынѣ нерѣдко деревяннаго засова. По формѣ такого ключа назван *ключь журавлей*.

носѣ мая, лѣта, на 5-й недѣлѣ в. поста (Sušil, Mor. p. p., 768—73; Erben, Prostonár. čes. p., 57—9). В них „smrtná neděla“ (v. smrtolenka, smrtnička, Mořena) передает ключи Св. Юрью, Св. Ивану, которые отпирают небесные двери. Или же „smrtná neděla“ передает ключи „květné neděli“, эта понедѣльницу, этот зеленому четвергу, который уже — Юрью, который отмыкает землю, чтобы росла трава. Это сходно с мотивом бр. волочобной п., в которой праздники (=святочки, святые) перед престолом Божиим „шикуютца-рахуютца, каторому святу напярод пайци“ и идут в календарном порядкѣ от Рождества до Юрья и дальше (Зап. Г. Об. по Этн., V, 82, 378—9).

В названных чешско-морав. п. упоминаются и sv. Markyta (Маргарита), Kateřina, Maria.

Обыкновенно такое смѣшеніе христіанскаго и по видимому, языческаго (о топлениі чучел Dzievannaе et Margzannaе у Поляков говорит Длугош, XV в.) понимается как наслоеніе христіанских имен и черт на языческія повѣрья и обряды. Для повѣрки во всяком случаѣ полезно спросить, что выйдет, если принять за первое—явно христіанское, а за второе — то что считалось исконно-туземным. Такую попытку дѣлает акад. А. Н. Веселовскій (Разысканія в области духовных стихов, II. Св. Георгій в легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ. Зап. Имп. Ак. Н., т. XXXVII). Отсылая читателя к этому сочиненію, особенно к стр. 85 сл., 92—104, я готов думать, что он вынесет большую чѣм я вѣрю в возможность того, что Марена, Marzena, Marzana (Murěna, Mamurěna, Sb. Mat. Slov., I, 186) mór (Roger, P. l. pol. w Górni. Szląsku, 205) славянскаго весенняго обряда „восходят“ к св. Маргаритѣ—Маринѣ (Маранѣ) (l. с. 100), так или иначе, вообще слабо связанной с Юрьем. Относительно зори в разсматриваемых здѣсь сочетаніях мнѣніе акад. Веселовскаго таково: „Покровительницею родов является св. Маргарита, в Греціи Марина... В одной кипрской колыбельной пѣснѣ св. Марину призывают уложить ребенка... другая пѣсенка обращается с такой же молитвой к 'Αἴτα Μαρίνα καὶ Κορα

(м. б. хур(α=Марія). Русскіе заговоры при родах призывают главным образом Богородицу, при чем знаменательным является образ ключей, отмыканья, но... всплывает, хотя в искаженных формах, имя Марины...: „Заря Дарья, заря Марья, заря Катерина, заря Маремьяна (т. е. вѣроятно Марина)... *Слѣдует* полагать, что эпитет „заря“ не что иное, как народное приуроченіе какого нибудь другого, м. б. ненародного и полупонятого (хурα?)“ (I. с. 101). Слѣдует ли? Приуроченіе к чему?

4. Мосты.

Мр. весенній хоровод „мосты“ состоит в слѣдующем. Нѣсколько дѣвиц, взявшись за руки, становятся в ряд (А). Против них особо — двѣ (Б). Кланяясь однѣ другим поют поочередно. Начинают Б, а А отвѣчают.

Б. Царівно, мостіте мости,
Ладо мое, мостіте мости!

А. Царенку, вже й помостили,
Ладо мое, вже й помостили,

и т. д. с такими же повтореніями: Б. „Ми ваші гості“. А. За чим ви гості? Б. За дівчиною. А. За которою? Б. За старшенькою. А. Старшенька крива. Б. Так ми підемо. А. Так вернітєся.

Тоже поется во 2-й раз с измѣненіем: Б. За підстаршою. А. підстарша сліпа.

В 3-й раз: Б. За меньшенькою. А. Так незряжена. Б. Так ми й зрядимо. А. Вже ж ми й зрядили. Б. Так ми й візьмемо.

При послѣднем стихѣ Б дѣлают из рук ворота, под которыми пробѣгают А, оставляя послѣднюю дѣвицу при парѣ Б (Черноморія. Чуб. III, 83—4).

По припѣву „ладо мое“ и содержанію, эта игра — того же разряда, что „просо“ и др. разсмотрѣнныя выше. Она изображает сватовство и брак. Слова пѣсни несогла-

сны с дѣйствіями, ибо в пѣснѣ мостят мосты отдающіе дѣвицу (А), так что ити по ним (=проходить в ворота) должны берущіе (Б.).

К размѣру этой пѣсни $[(3+5)+(4+5)]$ ближе всего из сходных по содержанию подходит слѣдующая, с размѣром первых двух стихов $=3+3+5$:

а. Б. Пустіте, пустіте на вой воювать!

А. Непустимо, непустимо мости поламать

Б. А ми мости помостимо

По пуд гряззю положимо

Та й підем гулять

(Чуб. III, 42—3. Так начинается впрочем отличная по содержанию вр. хороводная:

Кто со мной (2) на вой воевать идет, кто со мной?)

β. Б. Пустіте нас (2) сей світ воювати!

А. Непустимо (2) мости поломати,

Б. А ми, як схочемо, мости поломимо

Та всі гроши заберемо,

Та поїдемо геть преч, геть преч,

Гол. II, 191.

γ. Б. Впустіте нас (2) до райської землі!

А. Невпустимо (2), мости поломите.

Б. Заплетемо (2) дрібненькими грішми (?)

А. А ми того нехочемо, бо свої маємо.

(Галагівка, Гаївка. Зоря Гал. 1860, 513).

Вар. γ м. б. намекает на мифическое основаніе игры (стр. 58); α и β представляют сторону Б (поѣзд жениха) войском, что ведет к сравненію со слѣдующим:

Камен мосте, нецибајсе,

Е пр'о ¹⁾ тебе војска иде:

Млади момци неженени.

Жените их, недржете их,

¹⁾ Е=что, ибо; пр'о=преко, через.

Да их брци ¹⁾ непреваре ²⁾

А ђевојке незабаве ³⁾.

Кажется относительно-позднѣйшей разработкой мотива то, что во 2-й строфѣ этой пѣсни по мосту идет войско дѣвиц, в 3-й войско молодых вдов (Кар. П. из Херц. 263—4). Впрочем во всѣх случаях переход по мосту имѣет отношеніе к браку, как и в ю.-русс. свадебной (когда жених ѣдет к невѣстѣ):

Гніся—погніся, свидовы ⁴⁾ мосте,

Гніся—погніся, да неполамліся,

Бо сюдею ехаті славному паняті,

Славному паняті, молодому Януську.

А кто зачует, то позавідуе ⁵⁾:

Бог тому дае, чий то сын еде,

А поліпше тому, кому зятем буде.

(Zienkiewicz, P. I. Pińsk., 90) ⁶⁾.

Мост гнется от тяжести, т. е. многочисленности поѣзда, и в этом слава. Ср. лот.: „мѣдный мост гнулся, когда я шла в чужи люди: гнали коров, везли скриню, ѣхало верхом девять братцев“ (Бривземн. в Сб. Дашк., II, 112, N 519; ср. Фортунатов и Милл., Лот. н. п., 54, 46) и мр. свад. Будемо їхать бором зеленим,

Бором зеленим, мостом камѣяним:

Бор буде шуміти, а камень звеніти,

Да зачуютъ люди, нам слава буде. (Метл. 181).

Если, как в приведенной ю.-русс. пѣснѣ, мосту слѣдует гнуться, потому что по нем поѣдет N (жених), то ему негнуться, есля N непоѣдет. Отсюда сопоставленіе в болг. п.:

¹⁾ Усы.

²⁾ Преварити упредить, неожиданно застать.

³⁾ Забавити, найти недостаток, о дѣвицѣ: отказать („тебе ђе ми забавит дјевојка“).

⁴⁾ Свидина, cognus sanguinea; ср. кадиновый мост.

⁵⁾ Ср. выше стр. 84: болг. „кой ке види, ке завиди“.

⁶⁾ В этом сборникѣ написаніе непослѣдовательно, чѣм оправдываются фонетическія невѣрности моих заимствованій из него.

Камнени мост, *непшиай се* ¹⁾;

Лудо младо *некадей се*:

Мене майка не ме дават за тебе.

(Милад. 366—7). С этой точки сближеніе (впрочем заслоненное другими образами) колебанія моста и неудавшагося брака может быть понято как противоположеніе:

Proti fáře mostek koléba se,

Pod ním jatelinka zelená se.

Jatelinka drobna, nekosená;

Už je má panenka odvedená.

Před naše je mostek, prohýbá se,

Teče tam vodinka, nestaví se . . .

. . . Ani má panenka nevrátí se.

(Suš., N. morav. p., 312).

В числѣ веснянок у Чуб. III, 159, помѣщена игра, очевидно однородная с разсматриваемою:

„А Буг помагай буг, аворови люде!“

—Бодай здорови були, замостови люде!

„А деж ви бували, а. л.?“ — Над морем сиділи, з. л.
„А що ж ви робили, а. л.?“ — Замки будували, з. л. „А з якого дерева, а. л.?“ — С кленового мосту (?), с писаного листу, з. л. (Полоски, Бѣльск. у.). В польской игрѣ, сопровождаемой тѣми же движеніями, как мр. „мости“, яворовых людей изображают двѣ дѣвочки, стоящія отдѣльно с поднятыми руками: А. Jawogowi ludzie, czego tu stoicie? Б. Stojemy, stojemy, mosty budujemy. А. Z czego je budujecie? Б. Z dębowego liścia, z brzozowego kiścia. А. Przejechał tu nasz rap? Б. Przejechał. А. А ja przejadę? Б. Przejedziesz. Б. задерживают послѣднюю из ряда А. (Kolberg, Lud, III, Kujawy, 220; ib. ссыла на подобную нѣмец. игру „die goldene brücke“).

¹⁾ Непшись, серб. „нецибайсе“, гдѣ ц из ζ=и.

Размѣръ „свѣнья проса“ и, по видимому, весьма древнѣй припѣвъ, о котором уже упомянуто выше, сохранился в словенской игрѣ „na kralovnú“. Играющія дѣлятся на двѣ стороны:

А. Hoja duňda, hoja! ¹⁾

Poslala nás kralovná,

Hoja duňda, hoja! ¹⁾

Б. Na čo že vás poslala?

А. Po tri vozy kamenia.

Б. Na čo vám to kamenia?

А. *Zlaté mosty stavati.*

Б. Či sú mosty hotové?

А. Už sú mosty hotové...

... Б. Či nás cez ne pustíte?

А. Če nám za dar ²⁾ nesiete?

Б. Čiernooké pacholá...

А. No bežte a pospešte...

Б пробѣгают под руками одной пары из А. При повтореніи игры пробѣгают А под руками Б и вм. „čiernooké pachola“ поют „čiernooke dievčatko“, так что, значит, А—сторона невесты, Б—жениха (Sb. Mat. Slov., I 144).

Хорватскій вариант:

Б. Hoja djundja hoja!

A ča vi to delate?

А. Mi si moste gradimo.

Б. Iz česa je gradite?

А. *Iz dragoga kamika.*

Б. Kade ste ga nabrale?

А. U sudca ³⁾ na dvori.

Б. Puščajte nas krez at most.

А. A ča nam za to date?

Б. S črnim okom dtvojku.

А. Je li dobre majke dci?

Б. Ona 'e bolja, neg' ste vi.

¹⁾ Припѣвомъ начинается и оканчивается каждый стихъ.

²⁾ Какъ в мр. п. „воротарь“: „що намъ за даръ дасте?“

³⁾ М. б. в томъ дворѣ, откуда одна из играющихъ.

(Kurelac, Jačke, ili n. p. puka Hrvatskoga na Ugrih, 293). С этим сходен морав. вар. (Suš. 731):

А. ... Jake dary nesete?

Б. Černojoké divčátko.

А. Je li ono počtíve?

Три другіе вар. (ib. 730—1) — разиѣра вышеприведенной серб. „камен мосте, нецибајсе“:

А со ву nám за то dáте,

Dyž ву nám ho (kamenné most) porócháte?

... (mostek) tvrdý, jako kamen,

Sú mosažne tramy na nem.

В мр. свадебных и других п. остались многочисленныя слѣды того представленія, что именно *невѣста* в ожиданіи жениха мостит мосты, гатит гати, кладет кладки. Отсюда эти образы переходят к значенію ожиданія молодою своей родни и к зн. родственной связи вообще.

Так, когда ѣдут по молодую:

Коби-сь знала, Марусенько,

Звѣдки молодой иде,

Клала би-сь лавки ¹⁾

З червоноі китајки ...

... Клала би-сь мости

З червоноі покости ²⁾, Гол. II, 107.

Коби молода знала,

Що молоденький иде,

Гатила би гати

Дорогими шати

Аж до самоі хати;

Та клала би в'на мости

¹⁾ Кладки.

²⁾ Покоста — покост, т. е. по-кос-т с с из т. Ср. бр. покот, накат, потолок. Корень м. б. *ска-т (ср. ска=ску, Fick, Vergl. Wörterb.³, I, 240). Покост собств. покров, в поль. лав, подмалевка и пр.

З калинової трости,
Умітала би двори,
Застилала би столи,
Та помила би повни ¹⁾,
Та витала би гості
Все вином зелененьким,
Та й медом солоденьким, Гол. IV, 307—8
Вода луги позаливала,
Дороги позабирала,
Нікуда переїхати
Федуневи на заручини.
Єго *тестенько* любить,
Єму мостоньки мостит
З каменя дорогою,
З перстеня золотого.

При повтореній, вм. „тестенько“, поється тещенька, *дівонька*, сватонька, родонько“, Гол. IV, 220.

Когда провожают молодых в дом жениха:

Тещенька зятя женила,
Колдрами двір застинала,
А коби єї сила,
То би озолотила, Гол. IV, 290.

Ну-те, бояре, до коней,
Небійтеся темної ночі;
Бог вам та до помочи,
А Пречистая мати
Буде вас зустрічати.

Марусенька догадалася
Да помостила мости
З калинової трости,
Да погатила гатки
То з рутки, то з м'ятки.

(Метл. 219, Чуб. IV, 416), т. ч. путем к дому жениха, к счастливой брачной жизни, служит дѣвство невісты (калина, рута, мята).

¹⁾ Кубки. Ср. Гол. II, 101, 104 et pass.

Так и у Курпей, когда молодой собирается домой:
Narządźajcie belki w kalinowém moście,
Bo tędy pojedą Jasińkowe goście,
Wojs. II, 105.

В воскресенье вечером, у жениха:

По за Дунаєм коні
Сиви, ворони;
Журился старостонько,
Кому би поплинути,
Стаденько завернути.
Учула тоє сваненька:
„Нежурися старостоньку!
Положу тобі мости
З білої риби кости.
Туда ж ти переїдеш,
Вороне стадо вернеш, Гол. IV, 235.

Когда родители молодой ѣдут с ея скринкою в дом ея мужа:

Коби Мариня знала,
Що ей батенько їде,
Ставила би мости
З золотої трости... Гол. II, 674.

Вѣроятно тогда же, а не до вѣнца:

Коби я знала, коби я відала,
Що мій батенько їде,
Сипала би я гроблі
Дрібними шелю(я)гами,
Слала би я хату
Білими талярами,
Клала би я мости
З білої риби кости. Г. IV, 270.
... Ай коби Марька знала,
Ож єї родина їде
Она (Вна ?) би мостила мости
Жовтыма покосты, у Лемк. ів. 409.

Этот образ:

Мостила мости з зеленої брости; =
= Сподівалась батенька (матінки, брата, сестри),

милого) в гости (Чуб. V, 509, N 117) вполне соответствует вышерассмотренному:

Ждала я (батька... милого)

Ворітечка одчиняла (ib. N 116, 506).

Сходно с этими мр. пѣснями построена „круговая“ (хоро-водная), в частности не представляющая указаний на заимствование с той или другой стороны, но по размѣру (6+5 или 6+6) тождественная с нѣкоторыми вариантами малорусской (ср. Чуб. V, 509 и Гуляев, Этн. оч. юж. Сиб. Б. для Чт. 1848, XC, 92—4).

В таком же значеніи *кладка* (лавка) для милого:

Уже бучка стяли, спаднул до поточка,

Уж ми ся справила до милой лавочка,

(Угорская Русь, Гол. III 249).

... Пред вашима дверьма велика мочар:

Полож, міла, дручки, пойду помалючки

Каждий вечер (Гол. III, 406),

с чѣм ср.:

Trzęsawa, trzęsawa, na trzęsawie ława;

Czemuż, ty dziewczyno, na mnie niełaskawa,

т. е. любовь, по видимому, возможна, а между тѣм... (Wasł. z Ol. 123).

Ой небуду водов плисти, піду де на лавку;

Як ем любив, так и буду тоту кучеравку

(Гол. II, т. е. легче перейти по кладкѣ, чѣм переплыть, как лучше любить по прежнему, чѣм измѣнить.

Ой у полі річка, через річку кладка;

Непокидай мій миленький: неказала matka

(Гол. II, 370), т. е. нѣт разумных оснований расходиться. Этот послѣдній образ примѣняется и к родственной любви, к разлукѣ сына с отцом:

Ой у полі річка, через річку кладка;

Непокидай, козаченьку, рідненького батька:

Як батька покинеш, сам марне загинеш...

(„У полі могила“).

Имѣет ли этот живой, понятный и теперь символизм мифологическія основанія, или же лиш чуждой мифологичности идеализаціей слѣдует объяснять встрѣтившіяся выше выраженія, как „впустите нас (по мостам) до райської землі“, мост из мѣди, золота, „з камня дорогого, з перстена золотого“, „з червоної покости“? Я склоняюсь к первому предположенію и придаю значеніе сходству образа „мостит мост дѣвица, переходит через него и вмѣстѣ служит платой за переход молодец“ со слѣдующим сказочным мотивом того же типа, что и приключеніе Одина с Гуннледою (см. выше стр. 122):

Царевич на конѣ (или на соколѣ, Ае. Ск. VIII, 54, т. е. оборотившись соколом) проникает за ограду дворца *снѣщей* (Ае. П. В. II, 424, 427) царь-дѣвица, похищает у нея живую воду (или и моложавыя яблоки, с чѣм ср. в Эддѣ: Локи в видѣ сокола похищает Идуну и ея яблоки, сообщавшія богам безсмертіе, *Simrock, Edda* 327) и наслаждается ея любовью („воды испил, колодезь *незакрыл*“, „квашню *раскрыл*“; ср. выше в мр. *веснянкѣ* „щоб (сокіл) *невиносив дівочкої краси*“). Царь-дѣвица идет на кораблях в его царство требовать виноватаго и, подошедши, от корабля до дворца „*строит мосты калиновые . . .* *поверх моста красным сукном устлано*“ или „хрустальный мост“, по которому безнаказанно может пройти только жених похититель, тогда как братья его платят за это головою (Ае. Ск. VIII, N 4). Только предположив (обратное) перенесеніе божественнаго образа на дѣвицу, можно понять всю силу обращеннаго к ней величанья в слѣдующей колядкѣ:

Ой з Підгіренька та з під соненька

Ой дай Боже;

Надіялася свого милого:

Гатила гати дорогими шати,
Мостила мости жуковинами,

5 Садила сади все виногради,
Вберала ліси наволоками
Сіяла поле дрібноє жемчужов.

„Та як мій милий на гать поїде,

- „Гатітся, гати, дорогими шати!
10 „А як мій милий мостом поїде,
„Звеніт му мости жуковинами!
„А як мій милий садом поїде,
Садітся, сади, все виногради!
А як мій милий лісом поїде,
15 „Шуми му, лісе, паволоками!
„А як мій милий полем поїде,
„Ряхти му, поле, дрібнов жемчугов,
„Дрібнов жемчугов, яров пшеницев!“

(Сводный вар. Гол. II, 87; IV 73, Стрый. у.). Ст. 3—7 напоминают вышеприведенные (стр. 68—73) пѣсенные образы „крыла лѣса алым бархатом“, „... золоты ширинки, лѣсы ли вами дарити“ и дают возможность отнести весь образ к той же мифической личности, солнечной дочери, зорѣ. Происхождение этого образа врядли может быть объяснено обычаем украшать храмы драгоценными одеждами¹⁾.

Архаизмы этой пѣсни встрѣчаются и в других. „Мостила мости жуковинами“ ср. с вышеприведенным (стр. 133) „мости... з перстения дорогого“ и „катила она (зоря) золотым перстнем“ (стр. 68). *Жуковина*, мр. (у Бойков, Васильевич, *Bojkové Čas. Čes. Muz.* 1841, 53) и вр. (Даль), перстень, вѣроятно, по щитку со скарабеем. *Паволоки* упоминаются в свад. п.:

Розточено поволоченьки по сінях,

... Кудя ми ишла N на посаг

(Гол. IV, 224; *Wasł. z Ol.* 6=Гол. II, 649, гдѣ уже непонято: „розточено... поволочено“);

¹⁾ Под 1185. В Володимирі „церкы святая Богородица Златоверхая... и та загорѣся сверху, и что баше в ней днѣ (внутри) узорочий... и портъ золотомъ шитыхъ и женчиюгомъ, и книги, и паволокы, укси (читай *усси=вусси* от *вусь*, гр. βύσσος, *βυσσος*) церковныхъ, иже вѣшашу на праздникъ... все огонь взя безъ утеча“, Лавр.² 372.

Под 1203. „Порты блаженныхъ первыхъ князьи, еже бяху повѣшали въ церквахъ святыхъ на память собѣ“, *ib.* 397; ср. тоже *лгод* 1237, *ib.* 440.

Зазвонили два колоколи в полі...

...Злинули два ангели з неба...

...Пустили паволоченьки до землі,

Постелили білесенько по дворі,

Ішла ж ними Марічка на посаг (Гол. IV, 349).

Еще ближе подходит к упомянутому сказочному мотиву с одной стороны и к обычному в весенних и лѣтних пѣснях противоположенію нелюба и милого слѣдующая веснянка (или русальная?), записанная мною от женщины из Волчанскаго у. (село Рубіжня) и напечатанная в моей ст. „Переправа через воду, как представленіе брака“ (Древности. Арх. Вѣст. М. 1868, Ноябрь, Дек.):

Ой снодо, снодо тонкая,

Ой як то (?) снодо тонкая!

Була в мене невіхна такая:

Та мостила мости из трости, 2

5 Та гатила гати из мѣяти, 2

Становила стовпи золоті, 2

Вішала шнури шовкові, 2

Та чіпляла дзвони спишові, 2 1)

Слала китайку по морю. 2

10 Ой туди їхав нелюб мій. 2

Та небряжчіт, мости из трости! 2

Та непахніт, гати изъ мѣяти! 2

Та нессайте, стовпи золоті! 2

Та немайте шнури шовкові! 2

Та недзвоніт, дзвони спишові! 2

Та немай, китайко на морі

17—25=1—9

Ой туди їхав милий мій, 2

Та забряжчіт мости тростеві!

28—33 = 12—16 ... Забряжчіт ...

зассайте ... замайте ... задзвоніт ...

... замай 2).

1) *Спиж*, поль. *spiz*, *glockenspeise* (срв. н. *spise*), с ж из з и с, как в *хыжа* (*hús*), *риж*, *Париж*.

2) *Ой снодо, снодо тонкая!*

Подлинность ст. 1—3 этой пѣсни подтверждается напеча-

От подобной пѣсни другого размѣра (б. м. 5+5) идет слѣдующая бр. пѣсня, в коей неизвѣстно кто говорит:

танною позже (Чуб. III, 188) русальною из сборн. П. А. Кулиша:

Проведу русалочки до бору...

...Стану в бору из *слодою*

Свекор проѣзжая мимо скажет:

„Ой слюде, слюде товстая!

Була в мене невістка такая“

А отец:

„Ой слюде, слюде тонкая!

„Була в мене донька такая.

Впрочем это нисколько необъясняет непонятнаго *снода* (*слюда*), относительно котораго возможны только догадки. Я думаю, что записанная мною веснянка представляет сочетаніе двух различных весенних мотивов, сходных в том, что оба относятся к ожиданію нелюбя и милаго, несчастной и счастливой жизни за мужем. Второй из них, составляющій главное содержаніе пѣсни,—мощенье мостов. Первый, ставшій здѣсь лишь заповм, прелюдіей, как бы формальным опредѣленіем категоріи пѣсни, почему в ней и подвергся искаженію и стал непонятен, может быть найден по указанію эпитета: „снодо (слюде) *тонкая*“, ... „*товстая*“. Это эпитеты *бѣли*, „бѣлых даров“ (серб.), приготавливаемых невѣстою и в пѣснѣ служащих символом ея самою (мое соч. О пѣкот. симв., 116, 145—6; ср. также Карадж. П. из Херц., 208: „ѣвеюлка сам, кумаш на продају...“) в слѣдующей веснянкѣ:

Ой горе, горе сухой дубе,

Паше полюбня через води (у?),

Ой через води (у) на слободи (у?),

Де Катерина биль билила,

5 З тонкою билью говорила:

„Ой беле ж моя тонка, біла!

„Як я тебе убилила!

„Ой як я піду за милого,

„То я тебе, беле, в шовку потчу,

10 „То я тебе, беле, в будень зношу!“

11—4=1—4

15 З товстою билью говорила:

„Беле ж моя товста небіла!

„Ой як я піду за нелюбя,

„То я тебе, беле, в черніт потчу,

„То я тебе, беле, в свято зношу!“

Да засею я поле да ясненькім золатам,
Да засцелю я лугі червоным кармазынам,

(Ромен. у. *Черніт*, черная шерстяная пряжа, из которой *платта чернітка*; ср. у Чуб. V, 489). Петровочная:

Мр. Мала(я) нічка Петрівочка,
Що невиспалася наша дівочка:
Всю ніч неспала, *біль сукала*

и далѣ сходно с вышеприведенною (Метл. 312—3)

Бр. Пятрова ночка нівялічка,
Я маладзенька невиспалася:
Усю ночку неспала, *шнурки сукала*,
Сукала шнурки шавковые,
Шила кашулькі рубковые.
Сяму-таму запрадавала,
Сваему мілому дарма давала...

(Этн. Сб., III, 228; Шейн, Бр. п., 170, N 269; у Шейна ib. N 270 „пляла шнурочки ботвяны“ предполагает пѣсню с двойственным дѣлением: ботвяные нелюбу, а шолковые милому). Отсюда вѣроятно, что *снода*—бѣль (пряжа) или шнур. Ср. *снасть* (*снад-) в зн. верви, шнура и лот. *snâju*, *snât*, вить; *snâjumi* конопля для витья веревок, *snâte*, покрывало из льняной ткани.

Мр. купальская:

Малая ночка купалночка!
Невиспалася Ганнуса:
Змочила (вона?) хусточку
(Та?) слѣзи утираючи;
Сукала шнури едwabни,
Путала коні ворони.

Малая ночка купалночка,
Невиспалася Парася,
Погнала воли хлипаючи,
Змочила огон котячий
(Та) слѣзи утираючи;
Сукала шнури валови,
Путала щури полови

(Терещ., Б. р. н. V, 77 из *Gołeb. Gry i zabaw.* III, 298—301). „Путала коні“, как прилично благонаправной дѣвицѣ, „щоб невитоптали руги-м'яти“ (см. выше стр. 44). Это — величанье одной дѣвицы и насмѣшки над другою, которой и путать-то нѣкого, кромѣ половых (или м. б. полевых) крыс.

А замашу я мосты залатым мастовыкам.
Да засяй, поле, засяй, ясененькім золатам,

Удаляясь от основного значенія *пута, узды* (любовь, брак), другая кунальская связывает узданье и путанье с одной стороны валом и лыком, с другой золотом и шолком с несчастною жизнью у свекра и счастливою у отца:

- 1 Чие то стадечко за село выходило? Рано, рано! ¹⁾
Подбурске стадечко за село выходило.
Чим воно попутане, чим воно поузнане?
Товстим валом поузнане, грубым лыком попутане.
- 5 Подбурщанка мала стадечко займала,
Стадечко займала, жалосно плакала,
Жалосно плакала в чужого батенька;
Бо чужий батенько положить пузненько,
() а пробудить раненько,
- 10 До цяжкого делечка (ѣ=є?), до сырой пшеници.
Мелю я пшеницю, по зернятку кидаю,
По зернятку кидаю, по слёзонце (?) роняю.
13=1; 14=2 Бурмыцке; 15=3
16. Золотом поузнане, білым шовком попутане,
Бурмыщанка мала стадечко займала,
Хорошенько спевала в своёго батенька;
Бо свуй батенько положить рапенько
() а пробудить пузненько
До легкого делечка, до белого кужелью,
() до русой косоньки.
Пряду я кужель, по волосочку смыкаю
() хорошенько спеваю.
(Верховичи Гродн. губ.)

(Крачковскій, Быг зап.-русс. селянина, 134. Чт. 1873. IV).

Степень распространённости мотива „біль сукала“ видна из слѣдующаго. В серб. п. дѣвица

... Свилу преде, гајтан плете,
С гајтаном се разговора:
„Ој гајтане мој, гајтане!
„Да знам, да ће т' млад дерати,
„Свилом бих те, млада, плела
„А златом бих увијала;
„А да знадем, мој златане,

¹⁾ Пришѣв послѣ каждаго стиха.

Да зашуміце, лугі, червоным кармазынам,
Да зазвенице, мосты, залатым мастовы́кам:

„Да ће тебе стар дерати,
„Ликом бих ти основ пледа (вм. прела),
„А с кострети поткитила!“
(в. Ликом би те оплетала
А рогозом поплетала,
Копривами накитила)

(Кар. П. из Херц. 265; id. Пјес. I, 291).

Хорв. Дјивојчица ланак сјје ¹⁾
Под горами, над водами,
Сјјућ ми је говорила:
„Рести, ланак, висок танак!
„Да би знала тер би знала,
„Да ме хоће млади просит;
„Прела би му кошуљицу
„Од памука и од свиле;
„Дала би ју одаткати
„Мрву гушћу, нег' од леда;
„С свилом би ју нашивала
„С китицама навијала.

А еслибы посватал старик, дала бы ему вышить сорочку „мр-ву (=трохи) гушћу нег од плота“ (Kugelas, Јаџке, 47). Того же размѣра – болгарская. Дѣвица вышивая платок, говорит ему:

Јз незнаем, тенка рида,
Кой ке тебе да кердоса
(=будет пользоваться, носить):

Или Турчин, ил' Каурин

(Верковић, Н. п. Макед. Буг., 76—7). Обычнаго серб. размѣра (4+6) — Кар. Пјес. из Херц. 118—9 (дѣвица говорит с вышиваемым ею платком); Mikuličić, N. prigov. i p. iz prigov. hrv. 166—7, с примѣчаніем собирателя „Ова се пјесма свакој дјевојци пјева дан прије вјенчања, пред кућними врати“. Привожу ее ради послѣдних 4-х стихов, показывающих наглядно, как в народной поэзии унаслѣдованные образы живут не в от-

¹⁾ *Лен* — сама дѣвица. Ср. выше, стр. 40 и слѣдующее:

Бѣлый *лен* при дорогѣ вѣтер подвѣвает,
Нетак-то он подвѣвает, к землѣ приклоняет;
Что-ж наша да *Марьюшка* кручинна-печальва?

Коханов., Нѣск. р. пѣс. (Ст.-Оск. у.) 83.

Будзе ехаць Вальпачка, нашаго папа дачка.
(Этн. Сб. III, 233).

рѣшеніи от почвѣ, а примѣняясь практически, в частности ради величанья, т. е. ради идеализаціи частнаго положенія лица:

Дивојка се ј' сватон надиджала,
Мажуране ј' коло насадила ¹⁾
И вила је винца од левеѣа ²⁾,
Од левеѣа и од калонперја ³⁾.
Кад су дошли господа сватова,
Она њи је говорела млада:
„Ај ви моја господа сватова!
„Вежете коѣе поле башелово ⁴⁾
„И сидајте коло мажуране,
„Да ван дилин винца од левеѣа
„Од левеѣа и од калонперја“.
Ал говори најстарији сваше:
„Бога теби, липа нан дивојко!
„Кад си млада ове винце вила,
„Јеси л млада он дан тужна била?“
Она њин је млада говорела:
„Ако сан је худу војну вила,
„Ја сан млада цел дан трудна била;
„Ако сан је добру војну вила,
„Нисан млада труда ни видеда“.
Зајди ванка ⁵⁾, липа нан дивојко!
Теби писма, нами чаша вина.
Ова писма на твоје поштеѣе,
Да нан Бог да здравље и веселе!

Сахаров, Сказ. р. нар., кн. 3, 30—1, 51; Терещ., Б. р. н., IV, 233 (дѣвица говорит о вышиваемом еѣ коврѣ, размѣр—5+3: „как во теремѣ дѣвица“, Терещ. ib. V, 11); Nesselman, Litauische Volksl. 133 („еслиб я знала, что выйду за молодца, спшила бы, вышила серебром ему платье; если бы... за вдовца, повѣсила бы на него желѣзную цѣпь.

Другой сходный мотив (веснянка, судя по разм.)

¹⁾ *Origanum majorana*.

²⁾ *Nesem*, по сл. Карадж. *calendula offic.*, но м. б., барвинок, *vinca*?

³⁾ Каранѣил, *dianthus caryophyllus*.

⁴⁾ Босилѣак, ит. *basilico*, осумум *basilicum*.

⁵⁾ Выйди из избы к нам.

Послѣдній стихъ есть б. м. приспособленіе мотива „дѣвица моститъ мостъ“ къ другому образу, о которомъ ниже.

Такъ какъ выше (стр. 137) мы видѣли, что моститъ мосты жуковинами именно дѣвица для милаго, то можно думать, что этотъ образъ предполагается колядкою, обращенной какъ величанье къ хозяину:

Ой черезъ воду та черезъ Дунай

Ой дай Боже!

Стоятъ мостоньки калиновіи . . .

. . . Покощеніи жуковинами.

По нимъ идетъ „господаренько“ отыскивая „в рай дороженьки“. Встрѣченные имъ ангелы указываютъ ему эту дорогу и приводятъ въ рай, представляемый церковью (Гол. II 27—8).

На бережоньку стояла, стояла,

Біліи ноженьки мияла, мияла:

„Ей мої ноженьки білої, білої!

„Кому жъ вы будете милої, милої?

„Ей коли старому, храни Боже, храни Боже!

„Коли молодому, дай Боже, дай Боже!

(Гол. III, 256)

хотя встрѣчается только угорско-русс. вар., но несомнѣнно извѣстенъ въ русс. и поль. мѣстностяхъ до Литвы. Въ слѣдъ за приведенными ст. слѣдуетъ

А на горі зілья ядловец, ядловец;

Ліпшии єсть младенец, якъ вдовец,

и съ этимъ продолженіемъ, въ той же ритмической формѣ пѣсня перешла въ литовскую (Ness. 134; N 137). Этотъ случай относительно поздняго заимствованія не даетъ права также объяснять сходство этого мотива съ серб. „Девојка је лице умивала . . . „Да знамъ, лице, да ће т' старъ љубитъ . . . Кар. Пјес. I, 290, N 396 и 395; Kugelas, Jačke, 50:

Дівојчица жушићъ гази, ноги јој се белу . . .

(жушићъ, чеш. župra, словен. žopr, нѣм. zupf, въ зн. лужи).

Первообразъ пѣсни того содержанія, какъ в „Ой горе, горе сухой дубе“, и др. приведенныхъ для сравненія съ нею, могъ имѣть тотъ размѣръ 5+3, который въ п. „Ой снодо, снодо тонкая“ и въ вышеразсмотрѣнныхъ пѣсняхъ „невѣста тонетъ, кому дары останутся?“ (стр. 71—74).

Во всяком случаѣ это небесный мост, как и тот, который в вр. колядкѣ мостят „Овсеню и Новому году“ (О миѣ. зн. нѣкр. вѣр., 21—2), как и упоминаемый в сказках (Ае. Ск. II, 101; VIII, 58 и др. Поэт. воззр. I, 692) и бр. волочобной п.:

Білі палі залатня,
Масціці масты вѣ сярэбраня.
Туды-м ехала Пречистая

в каретѣ шестериком, в сопровожденіи святых (Безс., Бр. п., 4).

Невѣста сама идет через мост (в. кладки). Так в свадебной п., когда „княгиню“ везут к вѣнцу:

За воротоньки бистрі річеньки
з новими лавочками.
Туда ж ми ішла молода Маруся
з своїми дружечками

(Гол. II, 104).

Пішла би я на кладочку, кобим неупала;

Пішла би я за нелюба (в. наймита, богача и пр.),
[коби м непропала.

(Гол. II, 330; III, 352; II, 777²; Щасний Соломон Коломийки, 43; ср. также Гол. II, 827, 48). Отсюда коварная помѣха дѣвицѣ в любви представляется т. о.:

Стоїт верба над водою, маю ю на гадці
(т. е. чтобы сдѣлать из нея кладку; но)

Мишлят люде підрубати дівчину на кладці

(Гол. II, 777).

Друлю лавку за муравку: най лавка плаває;

Ах (?) то мені за миленьким серце омліває

(Гол. IV, 465, т. е. сама доводит до разрыва, а потом тоскует).

В слѣдующем „ходит по кладкѣ“, по видимому, — жить за мужем:

Чираз Дунай досочка
Тонка-гібка ляжала,

Ніхто па ней няходзіць,
На Дунай слёзы няроніць,
С мілым дружком нігавориць.
Толька я адна млада хадзіла,
На Дунай слёзы рапіла,
С мілым дружком гаварила:
„Ты нябі мяне біз віны...“

(Шейн, Бр. п., 136).

Идеальный обратный путь замужней женщины к роду, к матери идет через ту же кладку. Если этой кладки нѣт, то „до своего роду хоть по шию в воду“:

Свекрушечко, ма душечко, пусти мя до мамки:

Непитаю бистой ріки, побреду без лавки,

(Гол. II, 620).

Но возвращение невозможно:

„По кладкѣ я перебралась во двор чужанина (=за муж); кладу кладку за кладкой, немогу уже выбратся (лот. Бривземн. в Сб. Дашк. II, N 484).

Так же невозможно возвращение к дѣвству, к молодости:

„Приказала б я помостить мост из чистаго серебра, лишь бы воротиться к матушкѣ в молодые дни“.

„Зазеленѣет еще рута, зазеленѣет роза (символы дѣвичьей жизни), но я своих молодых дней уж больше не увижу“. Ness. Lit. Volksl. 197).

Если прибавить к этому представление, что „доля и недоля (т. е. прежде всего счастье и несчастье в замужестве) ходят по одной и той же кладкѣ“ (лот. Спрогис, 307), то получатся всѣ черты, из коих сложился на первый взгляд странный образ мр. пѣсни: несчастная замужеством посылает или ѣдет догонять „молодость“, „літа молодит“, „щастя й долю“:

Як нагнала щастя й долю на камянім мості,

„Вернись, вернись, щастя й доле, хоч до мене в гости!“

—Невернуся я до тебе, була у тебе:

Було тоді шанувати, було поважати!—

(Метл. 253—4, 106).

Эпитет моста „калиновый“ здѣсь объясняется весьма удобно тѣм, что это первоначально мост дѣвства (калина = дѣвица) ведущій к браку. При забвеніи этого происхожденія тот же образ начинает примѣняться вообще, т. е. и к мужчинамъ:

„Запрягайте коні в шори, коні вороні,
Та поїдем доганяти літа молоді.

Як догнали літа мої в калиновім мості:

„Вернітеся літа мої, хоть до мене в гості . . .

— Невернемось, невернемось, немає до кого:

Було б же нас шанувати, як здоровья свого“.

М. Б. от этого символизма, а не от реальности, ведет начало постоянный эпитет моста „калиновый“ и в вр. былинах, на пр. Гильферд. 1194.

Жених переводит невесту через „мосты калиновые“ ч. *через кладку*. Это образ довольно обыкновенный в вр. свадебных и др. пѣснях: см. Гуляев, Этн. оч. юж. Сиб., 31; Сахар., Сказ. р. н., кн. 3, 115, 130; Терещ., Б. р. н., II, 200; IV, 149—50; Кохановская, Нѣск. р. п. в Русс. Бес. 1860, I, 66—7; Шейн, Бр. п., 201 (N 339), 133). В мр.:

Ой возьму я та дівчину за білу ручину,
Переведу тихий Дунай тай бистру річину,
Переведу, переведу тай ся незамочу,
Щоби люде неказали, шо я ся волочу

(Гол. II 293). Из послѣдняго стиха видно, что „переведу“ = возьму за себя.

Как свадебный обряд это представление сохранилось у Лемков: „По *почепинах* ведут молодых на рѣку мыться. Свашки поют:

До гати Марисю, до гати
Личенько обмывати,
Ой жебы было біле
И Василёви миле.

Молодые моются в рѣкѣ (это, кромѣ возможнаго религіознаго значенія, один из символов любви, см. мой Разбор П. Гал. и Уг. Р. Головац., 68), и опускают деньги в воду

(ср. Ае. П. В. I. 169; II, 206 сл. 229—31). Послѣ мытья молодая утирается сорочкой молодого, а он ея „оплочатем“ (? = рубашкой) (см. мой Разб. I. с.). Молодой берет молодую за руку и переводит ее через воду туда и назад; молодая набирает в „кандейку“ („кинву“) воды и возвращается домой. Другіе люди тоже бросаются в воду (Гол. IV, 394). Древность этого обычая неподлежит сомнѣнію. Документально он был бы засвидѣтельствован в концѣ XIII вѣка, если бы можно было считать доказанным, что окончаніе Правила Митроп. Кирилла „и се слышахомъ: в предѣлахъ Новгородескихъ невѣсты водятъ к водѣ, и нынѣ неведемъ тому тако быти“ (Восток. Опис. Рум. Муз. 321; Ае. П. В. II, 170) не есть позднѣйшая (во всяком случаѣ не новая; список 1620) приписка.

Тѣже ассоціаціи лежат в основаніи гаданій о бракѣ: а) На Андрея (30 Ноября) дѣвица вывѣшивает ночью за окно полотенце, приговаривая: „сужений-ряжений, прийди сюда и утрись“. Если вскорѣ полотенце окажется мокрым, дѣвица выйдет замуж в этом году (Чуб. III, 261); б) Дѣлают из прутьиков мостик и кладут его под подушку, загадывая: „кто мой суженой, кто мой ряженой, тот переведет меня“ (т. е. во снѣ) через мост“ (Абевега русск. суев. 1-е изд., 151—2). „Налить воды в тарелку, положить на нее нѣсколько соломинок в видѣ мостика и поставить себѣ под вровать. Суженый прійдет перевести невѣсту через мост (Маркевичъ, Обыч. и пр. 21; Чуб. 258). Татьяна Пушкина снится, что медвѣдь переводит ее через кладку (Евг. Онѣг. гл. V, XI—II), что предвѣщает выход замуж, хотя и за немилаго. К вышеупомянутому гаданью слѣдует, я думаю, отнести одно выраженіе славянской вставки в слово Григорія Богослова: „тѣмъ же богомъ требую кладоуть и творять и словеньскыи языкъ: виламъ, и мокошыи дивѣ, пероуноу, хърсоу, родоу и рожаницы, оупиремъ и берегынямъ, и переплоутоу, и вертячеся пьютъ ему въ розѣхъ; и огневи сварожицю молятся, и навъмъ мѣвъ творять, и е тѣсть (= из тѣста) мосты дѣлають и колодязѣ“ (по сп. конца XV в., Тихонрав. Лѣт. р. л. IV, 3, 99). Коло-

дязи из тѣста, вѣроятно для такого же гаданья: чтобы суженый (во спѣ) подал из колодыя воды напитокя.

Жених строит мост для невесты. Одип из величальных, я думаю, весьма древних мотивов состоит в том, что дѣвица предлагает любовь молодцу (или на оборот), а он (или она) отвергает предложеніе, п. ч. неровня предлагающей сторонѣ, знатнѣе ея (тут бывають указанія на мнѣи-ческое родство), богаче. К таким величаньям, именно б. м. весенним, мог принадлежать первообраз мр. п., отчасти разсмотрѣнной мною (мой Разб. пѣсень Головац., 18 сл. Зап. И. Ак. Н. XXXVII, 2; К истор. зв. etc. III, 17),

По тѣм боцѣ Дуная

Вивчарь вивци ганае.

Устранивши частныя бытовыя черты, но оставив размѣр 4+3 (тот самый, который служит мнѣ одною из путеводных нитей в этом изслѣдованіи) и упомянутое общее содержаніе, сравниваю эту пѣсню с первою половиною слѣдующей сербской:

С оне стране Мораве

Бела Дудо!

С оне стране Мараве

Бео чадор разапет,

Под њим седи левента ¹⁾,

На крилу ²⁾ му латинка ³⁾,

Латински му говори,

Арбанаски заноси,

„Љуби мене, левента!“

— Нећу, бог-ме, латинка:

У мен' има девст град',

И десети Биоград,

¹⁾ Молодец, ср. в моем соч. К ист. зв. II, Замѣтка о 2-х пѣснях, 8.

²⁾ На лонѣ, на колѣнях.

³⁾ Итальянка, м. б. как болѣе аристократическая партія.

У свакоме по луба,
Свака њија ¹⁾ по сина,
А најмлађа девојку,
Њу ми просе сватови,
Деветори банови,
И најпосле Јерко бан.
Мајка даје те даје,
А ја недам, те недам,
Док незида Ћуприју ²⁾
Од свог двора до мога
Од камена мермера,
И бисером ³⁾ *поткити:*
Кад је стану водити
Нека камен звекеће,
Нека бисер трепеће, Кар. П. I, 417.

Последніе 2 ст. ср. с мр. (стр. 129 и 137) „буде... камињ звенити“, „јак милиј полем поде, ряхти му поле дрібнов жемчугов“. Что второй мотив этой пѣсни (именно исполненіе женихом трудной задачи, построеніе им чудеснаго моста, на пр., как в сказкѣ „Рак-жених“ (=царевна лягушка), золотого моста с золотыми яблоньками по сторонам, О мио. зн. пѣкр. вѣр., 207), лишь внѣшним образом, по сходству примѣненія к величанью, связан с первым, на это указывает болг. п. того же размѣра: Скендер-бег взял в полон латинку дивной красоты:

... Моме-то ми плачеше —
Ситна роса росеше;
Моме-то се насмеа—
Јасно сѣнце угреа ⁴⁾.
(Она) Латински му зборвеше:
... Немой да ме поплениш,
От' (=п. ч.) си имам три брака.
Татко ѿ майка ме дават,
Брат Никола недават.

¹⁾ Кољшет. ²⁾ Мост. ³⁾ Жемчугом. ⁴⁾ Ея слезы—роса, смѣх—солнечный свѣт.

Ке ме дадят Алай-бег
Алай-бегу за сына;
Ке напраит кюпрія
Со два драга каменя
Со дробнего бисера... Милад. 302—3.

Внѣ связи с этими двумя пѣснями стоит болг., размѣра 5+5: Виша Грекиня требует, чтобы искатель ея руки исполнил три трудныя задачи: построил бы над морем (через море) помост, на нем виноградныя лозы по краям луни (айва); бросился бы в море и поймал рыбу моруну; попал бы в серебряный перстень звѣзды денницы. „Еврейче“ (презрѣнный, в родѣ Ивана дурака?) исполняет двѣ первыя задачи, а вм. третьей попадает Грекинѣ в черныя очи (Милад. 255).

Подобный мотив в в.-лужицкой п.: Водяной (wódnny miż) хочет во что бы ни стало взять за себя дѣвицу для этого

„Ja 'cu ci dać móst twarići
„Wot lutoh (чистаго) złota, sljebora;
„Ja 'cu će daći pšez njón wesć
„Ze tsicyćimi wozami,
„Ze štyrcyćimi konjami.

На половинѣ моста невѣста проваливается и это, повидимому, предзнаменует смерть ея и дѣтей от руки ревниваго мужа (Haupt a Smolerj Piesn. I, 63). В другой пѣснѣ любовников раздѣляет море. Дѣвица посылает милому узду, чтобы он на конѣ плыл к ней, а сама приказывает помостить через море кладки, снизу мурованья, сверху малѣванья, и сама идет по ним на встрѣчу; но завистливая баба поваляла кладки и утопила милого (ib. 87). Символизм здѣсь такой же, как выше (стр. 145): „мишлят люде підрубати дівчину на кладці“.

Гатить гати, класть кладки к милой — Гол. I, 276; 291.

5. Вербовая дощечка.

Из предыдущаго можно вывести, что когда мр. весенняя игра изображает дѣвицу идущею через кладку, то это ближайшим образом означает переход к браку от той весны жизни, которой гордость, радости и заботы составляют главное содержаніе веснянок. Можно ожидать также, что в основаніи этого значенія будет лежать другое, болѣе древнее, мифологическое.

Дѣвицы становятся в два ряда, лицом друг к другу, берут своих супротивных за руки, так что из рук выходит „дощечка“, по которой пускают ходить дѣвушку, „Настечку“. Из пѣсни видно, что она изображает собою „дѣвку“, невѣсту, а не ребенка или „піддівочу“ (Чуб. III, 81). В Галиціи сходная пѣсня поется при „кривом танку“; размѣр точно такой, с повтореніем послѣдняго трехсложнаго слова, как выше (185 и выше):

А. Вербовая дощечка, дощечка ¹⁾,
Ходит по ній Настечка,
На всі боки *леліє*,
Вітки милий поїде (в. надїде)
Що ж Настечці привезе?
Жовтенькіі чобітки,
Золотіі підківки.
[Будут чобітки скрипіти],

¹⁾ Такое повтореніе во всей пѣснѣ. „Вербовая д.“ ср. с „Кладку я кладу через муравку вербову“, купальская, Чуб. III, 209.

А підківки звеніти.

Вм. [будут], нарушаючого размър, могло стоять „ймут“.
Мѣстами к этому присоединяется:

Покочу я золото, золото,

А ви, хлопці, в болото, в болото;

Покочу я перстенец, перстенец,

А ви, дівки, у танец, у танец.

Иль: Де съ, Настечко, бувала, бувала,
Як дуброва палала и пр.

Мотив, о коем см. ниже (Гол., IV, 160; II, 191, 684). В первом вариантѣ *леліе*, собственно, сіяет и отсюда — смотрит. Ср. „світит сонце, 2, на хату *леліе*“, Гол., II, 394; „ясний соколонько . . . далеко *сяе* (= смотрит) и видає“ (Авт. и Драг., II, п., I, 182); „ясен соколонько . . . на чорнее море *сяе* далеко поглядає (ib. 192). Думаю, что слово *леліе* употреблено здѣсь двумысленно (свѣтит и смотрит) не случайно, а по связи этой пѣсни с веснянкою, которая в подобное положеніе ставит *солнце = вербу* ¹⁾ что в свою очередь объясняет, почему в приведенной веснянкѣ именно „вербовал“ дощечка.

Солнце сверху смотрит и видит далеко и широко, почему в свад. болг. п. молодая обращается к нему с вопросом, невидало ли оно ея отца, матери, роду (Милад., 486 и ib. 489, N 582, гдѣ пѣвица, обращающаяся к солнцу, находится в положеніи Ярославны в Сл. о П. Иг.). Извѣстно и широко распространено представленіе солнца колесом ²⁾. Говоря о *кроковом* (т. е. желтом, шафранном; мр. *крокіс*, *carthamus tinctorius*, гр. *хрохос*; поль. *krokosz*, чеш. *krokot*, *color croceus*, *хрохотѣс*, Matzenauer, Cizi slova) колесѣ, пѣсня неоставляет сомнѣнія, что она разумѣет солнце:

¹⁾ Уже упомянутая латышская п. прямо говорит: „Солнце (Сауле, жен. р.) плетет вѣночек, сидя на *вербѣ* (вітола, мѣстный п.), Спрог., 311. Ср. также: „Каждое утро вспрыгивает солнце на красное деревцо . . .“ Трейд. в Сб. Дашк., II, N 66.

²⁾ Ае. П. В., I, 207—8, 211 сл.; Чуб. IV, 150; 155 („колуде“ = колесом иде).

Кроковое колесо

Вище тину стояло,
Много дива видало.

Чи бачило, колесо,
Куди милий поїхав?

— За ним трава зелена

И діброва весела

Ст. 8—11 = 1—4

12 Куди нелюб поїхав?

— За ним трава полягла

И діброва загула.

(Записано мною от близкой моей родственницы. Для меня достоверно, что именно так пѣлась эта п. в селѣ Перекопкѣ, Ромен. у., в первой четверти нашего вѣдка; м. б. и теперь так поется. Параллелизм здѣсь полный, т. к. „весела“ противоположно с „загула“: *цусти* в производном значеніи = лат. *gausti*, печально пѣть, причитать по мертвом, *gaudius* печальный).

В Галицкой Руси сходная по началу пѣсня сопровождает хоровод, в родѣ „кривого танка“ (Чуб., III, 32—3):

Вербовее колесо, колесо

Коло гостинця (м. б. при гостинцю?) стоя-
[ло, стояло ¹⁾

Трое дива видало:

Єдно диво на діди,

Другое диво на баби,

Третье диво на дівки...

(Слѣд. 6 стих внѣ видимой связи с этим. Зоря Галиц. 1860, 511).

Другим весняночным размѣром, в этом случаѣ, б. м., болѣе новым, чѣм предыдущій, сложена веснянка:

Ой вѣрбо, вѣрбо, вербице!

[Ти] на роспуттячку стояла,

[Ти] далеко чула, бачила;

Куда мій нелюб[ий] поїхав?

¹⁾ Последніе три слога повторяются. Вѣроятно так и в моем вариантѣ.

Ой туди трава полегла,
И клен-дерево зав'яло,
И мое серденько застряло.

8—10=1=3,

Куди мій мил[еньк]ий поїхав?

Ой туди трава [вже] шовкова,

И клен дерево зелено,

И мое серденько весело (Метл., 303—4; Чуб., III, 117). В скобки [] взяты слоги, нарушающие строгость размера. Та черта, что „вербовее колесо“ или „верба“ стоит „коло юстинця“ или „на роспуттячку“, в соединении с подразумеваемым желанием, чтобы это всевидящее существо сказало ту радость, что по пути идет милый, а не нелюб, могла повести к перенесению роли этого существа на раст. *тренутник*, *бабку*, т. е. *припутник*, *подорожник*, *подорожник* (*leontodon taraxacum*, мр. *куль-баба*, по цветку которого, выдергивая лепестки, гадают: „любит—нелюбит?“), или *plantago*, нѣм. *wegerich*). В Бр., на канунъ Ивана (23 Юня), дѣвки выкапывают это растение, приговаривая: „Ты бабачка, ты галубачка! Ты при дарозе сядзіш, ты ўсё чуш і відзіш: скажи мне праўду, за каго я замуж пайду?“ и кладут на ночь под головы. Кто принеситя, тот будет муж (Шейн, Бр. п., 142).

Как бы ни объяснялось представление солнца деревом, между прочим именно вербою, а лучей его—вѣтвями, оно неподлежит сомнѣнію: загадка о солнцѣ: „стоит верба посеред села, розпустила гілье на усе поділье“ (Вѣнок Русинам на Обжин., 280) = „стоитъ дерево серед села, а в кожій хатці по гілячці“ (Вѣн. ів., Номис, Приказ., 291; Ном. 290). Весьма распространенная загадка, представляющая год деревом (дубом, явором, см. Ао. П. В. I, 517; можно прибавить ссылку на Вѣнок и пр. 294; Bielenstein, 1000 Lett. räthsel, N 191—4; Schleicher, Litauisch. Leseb., 61) есть перенесение дневного течения солнца на годовое. Серб. вар. этой загадки говорит именно о роки-тѣ: „*кита-ракита* (т. е. киѣна, разукрашенная, как „кита и сватови“ = киѣни сватови), и у кој дван'ест ступо-

ва; на сваком ступу има четири гнезда, у сваком гнезду има седmero пилића (= птенцев), свако пиле има своје име“, Ст. Новаковић, Спр. загонет. 31. Соединеніе и смѣшеніе этого представленія с представленіем солнечнаго пути мостом и кладкою дает загадки с одной стороны для года („лежит брус во всю Русь, и на том брусу 12 гнѣзд“ и пр.; „лежит колода, по ней дорога, 50 сучков да триста листьа“, Худяк., Вр. заг., Этн. Сб., VI, 45), а с другой — для великаго поста и свѣтлаго праздника: „сім миль (v. верст) мосту, а на кінці (v. на край мосту) явор на весь свѣт славен (v. червона калина ¹⁾, v. квіточка зацвіла, v. дивина (verbasum), на тій дивині цвіт на весь свѣт), Помис, Прик., 290; Худяк. ib. и 95). Сам Великдень, сколько извѣстно, вербою не представляется, так что пѣт основаній думать, что представленіе его деревом возникло через посредство Вербной недѣли (мр. вербница, болг. врьбница, мр. и бр. вербич) и вербы как замѣны пальмы в недѣлю вайи. Как бы ни было, слѣдующая болг. п. Лазарская (на Лазарево воскресенье, когда дѣвочки, убранныя цвѣтами, ходят по домам и поют величальныя п., *лазар'ват*, а взрослые дѣвицы — *ладуват*, от припѣва *ладо*) или вербная, во всяком случаѣ по времени и содержанию — веснянка, представляет замѣчательный примѣръ ассоціаціи представленій солнца вербой и дѣвицей (солнце = „крас-

¹⁾ Калина в той же роли, как выше всевидящее крококовее (вербовее) колесо и верба, — в веснянкѣ:

Ти каліно червона!
 Ти при лузі стояла,
 Ти чувала, видала,
 Що у Києви дзвонють,
 А на ринку говорють:
 Парубоцькая краса
 У дѣгтю пуринае,
 А дівоцькая краса
 В молоці пуринае
 У меду виринае.

(Костомар. в Бесѣдѣ 1872, VIII, 12; ср. выше стр. 114—6, 122—3).

ная дѣвушка по небу ходит^а, Худяк. 1. с. 111), дѣвицы невѣсты солнцем и вербой.

У Недини слънце грѣе;
Върбо ле, върбо, върбице ле!
То небило ясно слънце,
А е била сама Неда.
Израсла е тънка върба
У Недини равни двори;
То небила тънка върба,
А е била сама Неда.
Събрале са юргене-те,
Да си крышат тънки върбе...

(Каравелов, Пам. нар. быта Болг., I, 207).

Припѣв „върбо-ле“ и пр., повторяющийся послѣ каждого стиха, первоначально принадлежит ко 2-му мотиву этой пѣсни („Израсла е...“). Присоединяясь и к 1-му („У Недини“ = в домѣ Неды) он и внѣшним образом указывает на однозначность его со 2-м. Последніе 2 стиха („Собрались молодцы — женихи, чтоб ломать тонкія вѣтки“...) сближают эту пѣсню с обширным кругом пѣсень о мировом деревѣ, который составит предмет особаго изслѣдованія. Между прочим это дерево отождествляется с невѣстой; к нему слетаются соколы (= женихи, сваты). Болѣе тѣсное родство по содержанию и размѣру (4+4) имѣет эта п. со слѣдующими свадебными:

Над рѣкою, над быстрою
Ладо, ладо!
Стоит верба семь сот вѣток,
Семь сот вѣток и четыре,
А пятая золотая.
Тут ѣхало семь сот бояр,
Семь сот бояр и четыре;
Всѣ сломили по вѣточкѣ,
Всѣ сломили по вербовой,
Ивану-свѣт (= жениху) вѣтки нѣту.
Ему вѣтка золотая,
Золотая вѣковая,

То Настасья молодая.

(То же поется о дружкѣ и свашкѣ. Коханов., Нѣск. бояр. п., 98, Рус. Бес. 1871, II). Этот вар. Ст.-Осколь. у. Кур. г., б. м., есть лишь переложение на вр. звуки малорусскаго варіанта, по припѣву и упоминанію золотой вѣтки (намек на мифологическое значеніе образа) болѣе архаичнаго, чѣм слѣдующій, снабженный запѣвом „птица с высоты видит сцену дѣйствія“.

Ой луговая зузуленько, 2

Рано, рано!

Чи всі луги облинула,

Да ранесенько!

Не так луги, як лужечки?

Нестій вербо над водою, 2

Да звий собі сім сот квіток,

Сім сот квіток и чотирі.

Да їхали мимо тебе . . .

. . . Сім сот бояр и чотирі

Всім боярам по квіточці,

Иванкові квітки нема[є]:

Иванкові квітка — 2

Да Марѣчка дівка. (Чуб., IV, 199).

В другіе вар. (Чуб., ib., 118, 173, 268) введен мотив:

Да нестій, вербо, *розвивайся*,

(срб. листај) т. е. виходи замуж ¹⁾). Это представленіе под

¹⁾ *Розвивайся*, см. выше, стр. 49—50, а также слѣдующее:

Ой вербо, вербо, вербице!

Час тобі, вербице розвиться;

Час тобі, Иванку, жениться.

—Ой ще нечас, непора:

Ще-ж моя дівчина (=верба) молода . . .

Чуб., III, 214.

Стоїт верба над водою, розпустила гілля;

Уберайся, дівчинонько; днесь твое весілья,

Гол., II, 784.

Ой шуміла ліщинонька, як ся розвивала;

вляніем асоціації „лист (как шумящій=говорящій), слово, разум, мысль“ ¹⁾ веде к сочетанію:

Нестій, вербино, *роскидайся*;
Несида, Марусю, *розмишляйся*;

Ой плакала дівчинонька, як ся оддавала,

Гол., II, 783.

Розвивайся, дозо, борзо а в чотири листи;
Як до тебе, моя мила, річку перебристи?

ib., 617.

Тополя, Гол., III, 255.

Нерозвивайся, сухой дубе... неженися, Чуб., V, 968; ср. ib., 158; Гол., III, 187; I, 243, 261; II, 755. По связи женидьбы со смертю „розвився бучок... загиб N“, Г., I, 55.

„Розвивайся луже“=сватай, Чуб., V, 115; противоположеніе „розвивайся... несподівайся“, ib., 429.

Сходно с этим „нехрестися барвіночку... неженися“, Гол. II, 434 (=нестелися, хрещатий барвінку).

¹⁾ К сказанному об этом сочетаніи в моей статьѣ О связи нѣкотор. представл., Фил. Зап. 1864, прибавлю еще слѣдующее. Сравненіе „*листя рясні — слова красні*“ (Гол., II, 763) предполагает сравненіе „*ряса — краса*“, с коим сродно „*широкий лист — красота*“ („Широкий лист на калині (дѣвица), А ще ширший на дубочку“; „Широк листок на калині, Еще ширѣй на яворі“, Чуб., V, 218; Гол., II, 535), „*широкий лист — любовь и страданія от нея*“, Гол., II, 774; 365 („листочок широкий... люблять молодиці“);

Висока верба, висока верба

Широкий лист пускае;

Велика любов, тяжка розлука

Серденько зривае

(Гол., II, 255; ср. ib., 267).

Отсюда „лист опадае — милый покидае“ (гибнет любовь), „листочок ся стелит — милый ся женит“ (Гол., II, 349, 773²). Ср Цвіт опадае, Гол., I, 266, 281. Молодые лѣта пропадают как опадает цвѣт (Гол. III, 337), как опавшія осенью, уносимыя вѣтром кленовыя листья (Чуб., IV, 410=Метл., 222; Лотышскія п. у Спрогиса, 298, 1, и; Трейланд в Сб. Дашк., II, N 492, 594; Лермонтова „Дубовый листок...“; „літа завилися в кленовий лист“, Гол., II, 301; ср. ib., 781—2).

Листя — лист, Чуб., V, 9, 196; *лист — разум*, Гол., II, 832. *листонокы — мислоньки*, Чуб., IV, 118 (N 142).

Чим свого свекорка називать будеш?

(Метл., 159; Чуб., IV, 207).

Сочетаніе „дѣвица = верба, дѣвица = солнце, солнце=верба“, данное в вышеприведенной лот. п. (стр. 153 примѣч.) и усматриваемое мною в болгарской (стр. 157) и сродных, мнѣ кажется заключено и в слѣдующей Пянской веснянкѣ, по началу примыкающей к пѣснѣ на стр. 158, прим.

Ой верба, верба, вербіста (-ца?),

Чого на море навісла? 2.

Под тую вербу сцежечка,

Туды (мі?) ішла дівочка,

Да несла *золото* в приполі,

Да *розсытала на мори*.

Кліче бацюхна з комори:

„Ходзі, бацюхно, зо мною,

„Зберим золото з тобою

„На шолкову ніточку,

„На серебряну йголочку!“

—Да немогу, дзецятко, немогу:

(1)з жалю ручок нездойму,

За слюзоньками небачу! (Zieńk. 136—8).

Чтобы понять эту изящную пѣсню, нужно освоиться с традиціонным ходом мысли и способом выраженія. Так, чтобы понять, что запѣв этой пѣсни (ст. 1—3) есть не изображеніе обстановки, а символ, находящійся в болѣе внутренней связи с дальнѣйшим, нужно знать о существованіи поэтического приема, состоящаго в превращеніи символа лица (его образа) в его обстановку (в миеологию образа в атрибут, ср. стр. 9). Приведу примѣръ этого, которым прійдется воспользоваться и ниже. Скрип жаты—горе хозяина:

Ой чого ти поскрипуеш, смерекова хато?

Нема добра в нашім селі, бо панів багато.

(W. z Ol., 188; Гол., II, 294).

Кто замѣтил, какое впечатлѣніе производит в вѣтер скрип

дерева, на пр. когда оно трется о другое, тот поймет естественность сравненія:

Заскрипіло деревцо йа у лугу стоячи;

Заплакала юдова свого сина годуючи,

Гильтебр., Пам. н. тв., 53.

Но в слѣдующем пѣсня *как бы* несравнивает плачущей дѣвицы и скрипящей липы, а сажает дѣвицу под эту липу:

Скрипіла липонька, скрипіла,

Під нею Марисенька сиділа,

Просилася в матінки и в вітця:

„Недайте мене за вдівця!“

(Гол., IV, 294).

Так и в приведенной веснянкѣ *верба*, под которою илет дѣвица, есть образ этой послѣдней. Значеніе этого образа здѣсь — формальное, служебное: он относит дальнѣйшее к болѣе общей категоріи поэтических образов, устанавливает связь частнаго и общаго, именно относит дальнѣйшій образ к категоріи веснянок, т. е. приурочивает его к положенію дѣвицы, у которой замужество еще в будущем, а не невѣсты, как ниже.

Главное содержаніе пѣсни относит ее к обширному и представляющему много подраздѣленій семейству славянских (русс., серб., болг. и др.) пѣсень на тему „милый лучше отца, матери, роду — племени“. Одно из подраздѣленій — „не отец и пр. спасет от опасности, выручит из бѣды, *поможет в трудной работѣ*, а милый“, т. е. не с отцом жить, а с милым. Одна из таких работ — *собиранье разсыпаннаго золота, бисера* и пр. Так в свад. п.:

Іде Маруся од вінця,

Сіє золото з рукавця,

За нею батенько ступою,

Збирає золото рукою.

„Мій ти батеньку, незбереш,

„А свої слѣзоньки розуллеш

(Чуб., IV, 286; то же к матери, *ib.*, 298—9) ¹⁾, т. е. не-

¹⁾ В бр. Єхала Агатка да венца,

собереш, а еще болѣе разсыплешь, ибо это золото — слёзы (которыя утрет только милый):

„Ой матінко та голубочко!
Приснився мені сон дивненький:
З раю пташки вилітали,
Чорний шовк поснували,
Дрібне золото порозсипали!“
— З раю пташки, то — твої дружки,
Чорний шовк, то — твої кіски,
Дрібне золото, то — твої слёзки.

(Чуб., IV, 255).

„З суботонькі на недзіленьку
„Сівся мені (невѣстѣ) сон дівненькі:
„Сівы голубы да наленулі
„Білы жемчуг (вм. żemczur) розвернулі,
„Жыве золото розсыпали.
— Да мое ж дзіцятко родне!
Малоумны розум маеш,
Що сѣго сну незгадаеш.
Сівы голубы — сваты твое,
Білы жемчуг — коскі твое,
Жыве золото — слёзки твое.

(Zienkiew., Pios. gm. ludu Pinsk., 58).

Это — относительно-позднѣйшее примѣненіе образа первоначально неимѣвшаго никакого отношенія к слезам ¹⁾,

Сыпала золата з рукавца.
Хто эта золата наберець,
Той мяне на вянец павядзець.
Пабярець золата меньши брат,
Павядзець на вянец больши сват

(Этн. Сб., III, 260).

- ¹⁾ Сравненія золота и слез еще нѣт в бр. свад.:
За варатамі трава мурава золатам насыпана:
Агатка ішла золата нясла, золата разсыпала,
За слёзками, за дробными, золата несабрала,
За жаласцяй, за вялікай, мамачкі непазнала.

Этн. Сб., III, 260.

как и съянье дѣвицей жемчуга и драгоценных камней в болг. Лазарской п., примыкающей, подобно многим другим Лазарским, по размѣру 4+3 к первому разряду разсматриваемых здѣсь веснянок:

Шетала е мома-та,
Къдѣ-то е шетала,
Бѣли поли вѣяла,
Ран босилек съяла.
Не ся роди босилек,
Нъ ся роди маргарит
И безцѣно камене.
Надо'дохѣ златаре
Да си цѣвѣт камене;
Не цѣнихѣ камене,
Нъ цѣнихѣ мома-та.

(Чолаков, Бѣлг. нар. сборник, 35).

Черты, коими изображена дѣвица здѣсь и выше, разсыпанные золота *на морь*, съянье жемчуга, уже встрѣчались выше: „Слала китайку (т. е. червону) ¹⁾ по морю“ (стр. 138 сл.), „сѣяла поле дрібнов жемчугов“ (стр. 136). Подобными чертами лот. пѣсня изображает солнце:

„Солнце заходит вечером, бросая (или „катая“) золотое яблоко; с утра, восходя оно (ж. р.) сѣет чистое серебро“, Трейланд в Сб. Дашк., II, N 85.

„Солнце сѣяло серебро на пнистом срубѣ (розчисти); посѣй, солнышко, и мою долю (часть этого серебра), хоть на краешкѣ пня“ (ib. N 67), как в другой п. (Спр. 311)

¹⁾ Ср. червонная короков, стр. 50. *Червецъ*, символ дѣвства невѣсты, которая

Черчиком обсыпана,

Калиною обтукана (свад.; ср. Чуб., IV, 449, 452).

В воскресенье вечером поют:

... Коробочку миши проѣли,

Посипався черчик до долу;

Час вам приданки до дому!

Ми будем черчик збирати,

Та до свѣта будем гуляти, ib. 455.

дѣвица просит, чтобы солнце въющее вѣнки, сидя на ивѣ, дало и ей вѣночек, ибо ей нужно ити замуж.

В мр. и болг. п. (стр. 160—3) образ солнца — дѣвицы, съющей золото, перенесен на дѣвицу — невѣсту, в чем и состоит, конечно, теперь утратившее смысл величанье послѣдней. Но и солнечная дѣва представляется, как мы видѣли, и вербою (между прочим вербою с золотую вѣткою или квіткою); поэтому можно бы ожидать встрѣтить представлѣніе солнца, или другого свѣтового явленія, деревом роняющим золото, жемчуг и т. п. Такое представлѣніе дѣйствительно есть и играет весьма важную роль в колядках. Во избѣжаніе новых и многочисленных отступленій, я до времени оставляю его в сторонѣ, возвращаясь к мотиву веснянок:

Собирать разсыпанное с млым.

В русальной п., послѣ запѣва (ст. 1—4: „Проводили русалочки . . .“), указывающаго на время, когда поется п. (на Зеленой недѣлѣ, когда „завивают вѣнки“, „прогоняют русалок“, т. е. ходят в лѣс и готовят там яичницу и др. кушанья):

- 1 . . . Перед варатьми далина,
 Ой рана, рана, далина!
 А в той далині калина,
 Ой там Ганначка гуляла,
 Жемчуг—намысты абарвала.
- 5 Ой гуды їхав нелюбый,
 (Ой) став з коника злезати,
 Жемчуг—намысты збирати.
 „Незседай нелюбый з коника
 Не з табою (я) гуляла,
- 10 (Жемчуг) намысты парвала.
 11—4=1—4; 15=5 . . . миленький;
 16—7=6—7; 18=8 Збирай (нужно
 бы „Ой зседай“); 19—20=9—10 З та-
 бою.

(Юриновка, Новг. сѣв. у. Черн. г., Черн. Губ. Вѣд. 1855, № 22=(с украинской фонетикой) Чуб., III, 189). Отноше-

ніе калины к дѣвицѣ такое же, как выше (стр. 160) вербы. Общій план пѣсни (нелюб — милый), как выше стр. 138 сл., 154. К этой веснянкѣ примыкает по размѣру сербо-хорв.:

Зелена мила дубрава,
По кој се лубе два драга;
Љубећ јих најде шкура ноћ.
Ај почне се драга плакати,
Ај како ће мајка лагати.
Почне ју јунак тишити:
„Лахко ћеш мајки лагати,
„Да ти се ј' бисер потресал,
„Да си га брала летни дан.

(Mikuličić, N. prir. i pjes. iz Hrv. primor., 153—4).

Вр. (Арханг. г.):

Во теремѣ дѣвица сидит,
Ожерельице жемчужное садит.
Разсыпала ожерельице
По всему высокоу терему.
Несобратъ, несобратъ жемчужку
Ни батюшкѣ, ни матушкѣ,
Ни братцам, ясным соколам,
Ни сестрицам, бѣлым лебедям;
Соберет, соберет жемчуг
Удалый добрый молодец,
Со душой красной дѣвицей.

(П. Якушкин, Р. п., 177—8).

Соединеніе подобнаго мотива, заключавшаго в себѣ, вѣроятно, упоминаніе моря или озера (ср. выше „розсыпала золото на морі“) с другим, „перевоз через воду — брак“ (дѣвицы неперевезет ни отец, ни мать... но милый) — в слѣд. сербской хороводной („у колу“):

Бисер Мара по језеру брала,
Према себе свога бабу звала:
„Дођи, бабо, и доведи лађу
Да возимо бисер из језера!“

Но неотзывается отец, ни мать, брат, сестра; на конец

Дође драги и доведе лађу

И изведе из језера Мару, Кар., П., I, 201.

Слѣдующая, кромѣ общаго сходства мотива (разсыпанье жемчуга), и по размѣру (4+3) примыкает к болгар. „Шетала е (стр. 163). Дѣвица говорит:

... Дођ' довече, драгане!

Ја сам бисер просула,

Да можеш купити

(v. Помози ми низати

И у киту китити).

Дальнѣйшіе стихи доказывают, что рѣчь о любви (Кар., П., I, 179—80; Пјес. из Херцег., 228). За позднѣйшее видоизмѣненіе считаю то, что в хорв. п. того же размѣра помогает собирать жемчуг подруга:

Спале, спале љубе две,

Прва ми се преспала,

Била јако жалостна.

„Љуба, кај си жалостна?“

—Как би неб'ла жалостна?

Гјунгјек сем ресипала.—

„Ниш небуди жалостна:

Бомо га скуп зебрале

На жнорицу низале,

Ж јим си надра кинчале

Пак јунаке љубиле.

(Plohl-Herdv., Hrv. п. р., 55).

Слѣд. болгарская представляет дѣвицу сидящую за обтерненной оградой, которой и птица неперелетит; черта, приближающая нас опять к мотиву: сокол похищает „дівочькую красу“ (стр. 116 сл.).

... Седнала е малка мома ...

... Дробен бисер (да) си нижи ...

... Там поминà лудо младо ...

„Мила момо, църнооко!

Бог да биет твой-те брате,

Што викнаха майсторе-го

Та зидахà дворове-то;

Не им етига ¹⁾, што зидахъ:

От горе тѣрне кладохъ

Да не пиле си пролете,

А не човек да помине.

Чин ми прелиз да поминѣ;

Яз при тебе да си дойдам,

Две те гердан ²⁾ да нижиме,

Дробен бисер и флорини.

(Миладин., 410—11).

Милый и разыскает жемчуг.

Серб., размѣра 4 + 3 (см. выше):

Јунак мами дјевојку . . .

. . . Развија јој жут кавад ³⁾

И везену кошуљу,

Просу бисер на грлу.

Стаде злато плакати,

Млад је јунак тјешити:

. . . Ја ћу бисер низати

С тобом, душо, и са мног

(Кар., П., I, 439; ср. Верковић, Н. п. Макед. Буг., 220).

Ета „школа“ и утѣшене соотвѣтствует русс. свад. пѣснѣ, разсмотрѣнной в одном отношеніи выше (стр. 8), а еще болѣе слѣдующей:

Сокол просыпает жемчуг.

Свадебная. Как сидѣла я во теремѣ

И низала-ли жемчужинки

(в. Я низала себѣ шапочку

Я по алому бархату) . . .

Не отколь взялся ясен сокол,

Он взмахнул правым крылышком,

Он задѣл им за тарелочку,

За тарелочку серебряну,

Он просыпал всѣ жемчужинки.

Как расплакалася дѣвица

Стоючи перед батюшкой . . .

¹⁾ Мало им того, что . . . ²⁾ Ожерелье. ³⁾ Плавок.

„Ты не плачь-ко мое дитячко:
Созову я князей бояр,
Подберут твои жемчужинки
До единого зернышка.

(Гуляев, Этн. оч. юж. Сиб., 12; Сах., Ск. Р. н., кн. 3, 139).

Сокол похищает разсыпанный жемчуг.

Если вышеприведенная болг. п. (стр. 166—7) о дѣвицѣ в обтерненной оградѣ, которой и птицѣ неперелетѣть, и о молодцѣ, который просит сдѣлать ему перелаз, этими чертами напоминала мр. и поль. свадебную

U nasu pani (невѣсты) gęsty sad,
Nie przeleci tam zoden ptak,
Tylko jeden . . . (жених)

(Kozł., Lud, 38—9; Гол., IV, 303, 398),

то слѣдующая сербская и по размѣру тождественна с этою свадебною:

Скочила скоком јабука,
Удрила граду у врата,
Просу се бисер из града.
Сави се ¹⁾ тица соколе,
Покупи бисер под перја,
Стаде ми лећет' узгора ²⁾.
Виђоше младе ђевојке,
Фатише сивог' сокола,
Отеше бисер из перја.
Прокле их сиви соколе:
„ђевојке, среће немале!
„Доцна ³⁾ се ви поудале!
„Ни једна момка нестекла,
„Но стара, али удовца!“

(Кар., П. из Херцег., 260).

Подробное отнесеніе всего этого к тому или другому явленію природы, скорѣе всего к восходу или закату солнца, считаю затруднительным; но думаю, что только миеологическое преданіе могло повести к столь странному сочетанію

¹⁾ Слетѣл. ²⁾ = Узгори, вверх. ³⁾ Поздно.

лю черт. Катящееся яблоко, ударом раскрывающее ворота города, из коего разсыпается жемчуг, по видимому, может быть только солнце ¹⁾. Что бы ни изображал собою сокол—молодец, во всяком случаѣ здѣсь такое же примѣненіе мифа к весняночному антагонизму дѣвиц и молодых, как в вышеразсмотрѣнной веснянкѣ

Дѣвки... терем будовали
Ой щоб невилітав сивий соколонько,
Ой щоб невиносив дівочької краси.

Погоню за соколом мы видѣли выше в Индійском и Скандинавском мифѣ; но „дѣвья красота“ здѣсь не мед—роса, а свѣт. На сколько глубоко в древность идет вѣкъ почвы славянскаго преданія это видоизмѣненіе мифа, пусть остается вопросом; в славянских пѣснях мы еще встрѣтимся с таким же или подобным.

Здѣсь пополнию пропуск. Сочетаніе „отворять ворота“ (болг. „отвори порти“ и жемчуг, стр. 56, 48—53), Сокол и дѣвья красота (стр. 122 и 136) встрѣчается в Ю. Италіи. В Glambattista Basile, Pentamenoul, übertr. v. F. Liebrecht, I, 152, упомянута слѣдующая игра (ib. 402). Играющіе взявшись за руки образуют круг, внутри коего один, „сокол“ (farcone) поет:

Aprite, aprite porte
A rovero farcone,
или
Aperre le porte
Ca farcone vole 'ntrare.

При этом пляшущіе кругом поднимают руки (дѣлают ворота) и поют:

Le porte stanno aperte,
Si farcone vole entrare

¹⁾ См. выше стр. 58—61, а также слѣд. веснянку:
Котилось яблучко з гори до долу;
Час вам дівочки з гуляння до дому
(Чуб., III, 131).

(Ворота отворены,
Сокол может войти).

„Сокол“ старается проскочить в „ворота“. Если ему это не удалось, он остается в кругу и игра начинается снова. „Entrage“ войти, а не „uscire“ выйти, показывает, что первоначально сокол находился внѣ круга, за воротами. С этим ср. в сказкѣ (ib. 136) обращеніе к (мнимой) красавицѣ; по началу сходное с дѣтской пѣсней в дождь (ib. II, 253): „выйди, выйди, солнце! обогрѣй меня, царца, покажи свои прелести... отвори двери бѣдному соколу“. В ск. (ib. II, 197=*la belle au bois dormant*, *Dornrose*, ib. I, XV) сокол садится на окно замка спящей красавицы Талии, вслѣд за ним проникает его господин и „срывает там плоды любви“.

Возвращаюсь к веснянкѣ „вербовая дощечка“ (стр. 152). Ассоціація этого мотива с

Покою я золото, золото,

А ви, хлопці, в болото и пр.

есть внѣшняя, необразующая художественнаго единства. Кромѣ тождества размѣра, она основана на том, что как ходящая по дощечкѣ, так и катящая золотой перстень, есть солнце (стр. 68 сл.) и вмѣстѣ дѣвица. В „Покою я и пр.“ она еще смотрит с презрѣніем на всѣх хлопцев без разбора; но могла быть веснянка того же размѣра, в которой катящая золотой перстень могла быть представлена так, как верба в „Ой вербо...“ (стр. 154), именно различающею между милым и нелюбом. Как бы ни было, сходный образ есть в веснянках двух других размѣров, кромѣ тѣх (4+3; 5+3), на которые до сих пор приходилось обращать вниманіе:

а) Чуб., III, 141—2; ср. *Zienkiew.*, 202. Размѣр $2[{}^2(6)+{}^2(6 \text{ до } 8\text{-и})]$.

1 Ой нерости, крпе, 2. високо та й у городі; 2.
Ой неходи, старий 2. коло моїй хати, 2.

Ой нетопчи старий кудрявої м'яти.

Я того старого од роду нелюбила,

5 По ёго слідочку каменем да покотила:

Ой як тяжко-важко каменю да покотитися,

А ще тяжче-важче старому да женитися.

8=1 ... порости; 9=2 походи молоденький; 10

=3 ... потопчи м.; 11=4 ... молодого ... по-

любила; 12=5 ... персником (v. яблочком).

Ой як легесенько перснику да котитися,

А ще й легше, легше молодому да женитися.

Укроп, раз пос'яяний на огородъ, сам съется и почти уже не выводиться и заповонил бы все, если бы его не выпалывать. Откуда это образ немилаго, надоѣдливаго. В этом смыслъ, как ироническое изображеніе, как насмѣшка, он пара ромену (дикой ромашкѣ, мой Разб. П. Головац. 31) в веснянкѣ (или купальской?):

Окріп та ромен; Петречко умер!

Біжіте, дзвоніте, Настеньці скажіте.

Настенька біжить, серденько болить:

„Петречку серденько; невмірай раненько!“

(В. Пасек, Оч. Росс., I, 98; ср. также Костомар. в Бесѣдѣ 1872, VI, 35).

Камінь, т. е. млиновий, мельничный жернов, как представление горя, несчастнаго супружества—Гол. III 241.

б) Ой високо клен-дерево має...

(Метл., 115). При помощи опущеній легко возстановляется строгій размѣр 4+6. Что это веснянка, видно нетолько из содержания, сходнаго с а), но и из того, что пѣсня с таким же началом у В. Пасека, Оч. Р., 178, названа веснянкой.

6. Горѣть, горю-дуб и пр.

Нѣкоторые вар. вышеразсмотрѣнной п. „Вербовая дощечка“ говорят о пылающей дубровѣ и ея гашеньѣ, что вызывает слѣдующее отступленіе, направленное к объясненію этого и других сродных весняночных мотивов.

Огонь — любовь. Н. И. Костомаров говорит: „общее в поэзіи других народов сравненіе любовнаго чувства с жаром, пламенем, почти чуждо малорусской поэзіи, если из области ея выбросить пѣсни недавно заимствованныя“, почти, т. к. исключеніе составляет только игра в „горю-дуба“ (Истор. знач. ю.-р. пѣс. творч., Бес. 1872, IV, 64). Я же и теперь, как прежде (мое соч. О нѣкотор. симв., Харьк. 1860, 24), думаю, что малорусе. н. поэзія в этом отношеніи несоставляет исключенія.

Как вр. пословица „любовь не пожар, а загорится, непотушить“, которой нѣтъ повода считать заимствованной, так и мр.

Ти не пожар, 2. а я не билина;

Незводь мене из розума, бо я сиротина
(Максимович, Собр. соч., II, 511), предполагает положительное сравненіе: „любовь — пожар“. Ср. вр. „пожар неярко горит=муж (нелюбит и потому) небыет:

Ах, что этот за пожар? Он неярко горит,
Он неярко горит, только смахивает ¹⁾);
Ах, что это за муж? молоду жену небыет...

(Терещ., IV, 324).

Коли палиш сѣни й хату, пали й обороги;
Коли идеш до дівчини, непитай дороги.
Коли палиш сѣни й хату, пали-ж и оденки;
Коли идеш до дівчини, непитайся неньки

(Гол., III, 362), т. е. „коли любиш, люби дуже“. Невполнѣ ясно, хотя несомнѣнно относится сюда же, слѣд.:

Запалю я крайну хату на всі штири кути;
Сам незнаю, куди маю конѣм повернути.
Навернув бим горі селом, та немаю д'кому;

¹⁾ Т. е. *смахивает* = *вспыхивает*, мр. *поломня паме*.

Та неверну долі селом д'закоханю мому.

(Гол., IV, 448).

Горит (кипит) = *болит* сердце по ком; *жар* = *жаль* (от любви и вообще).

Вр. Не огонь горит, не смола кипит,

А кипит-горит ретиво сердце,

Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,

А кипит-горит по красной дѣвушкѣ,

(Терещ., IV, 325).

Коломию запалили, Коломия горит;

Тако й мене за миленьков головошка болит.

Вигоріла Коломия, лишилися ильми;

Ой любко ма солоденька, то-ж за тобов жиль ми

(Žeg., P., II, 195; ср. Гол., II, 248, 776; IV, 463).

Вигоріла Коломия, вигоріли Кути;

Ой ми би се поженили (sic, вм. не) коби не ре-
крути,

а при этом зачѣм и любовь и брак?

На що мені женитися, на що мені долі,

Коли мені в Коломиї карабин на столі?

(Гол., II, 378; ср. ib., 379).

На представленіи любви (желанья) огнем основаны нѣкоторыя заговоры („присушки“) и любовныя чары (мой соч. О нѣкр. симв., 32—3; Мр. п. по сп. XVI в., 21). Кипѣнье горшка ¹⁾ с чарами производит в привораживаемом тревогу („Ой став корінь кипіти, став ся милий журити...“ см. в моем Разб. п. Голов., 18 сл.), жар, жажду, несет его по воздуху, при чем он кричит *нитъ, нитъ* (Квітки, Конотопська відьма; Rulikowski, Opis pow. wasylkow., 165; Кулиш, З. о Ю. Р., II, 39). Отсюда видно, что представленія любви огнем и жаждою сродны. Отсюда связь между „подай пити“ и „горе“ (см. *калючить* в моем соч. К ист. зв., III, 19—20). Орел кричит „*нитъ*“,

¹⁾ Сходное представлєніє горя в серб.: „жена мужа коротује (=жади) колико ври земљана пицата (=глиняный горшок), кад се с огца дигне“, Кар., Посл., 80.

а потому и с опущением этой черты его полет—образ горя (см. *ib.*). Тоже без объективных оснований перенесено на ворона в слѣдующей некрасивой, но довольно сложной по происхожденію пѣснѣ:

Летит ворон з чужих сторон, та крыльцями фай, фай!

Як піду я з сего села, комусь буде жаль, жаль.

Летит ворон з чужих сторон, а він *неголоден*;

Ой тот буде жаловати, хто мене негоден.

(Гол., II, 358). *Фай*—*жаль* предполагает нижеприводимую ассоціацію *жаль*—*жар*; но кромѣ этого „неголоден“ предполагает, что и в первом двустипши подавлена мысль о чем-то подобном, именно я думаю, смутное воспоминаніе о „подай море пити“.

Кто подает пить, утолит любовное страданье, утѣшит

Ой выйду я на улицу — солома горить;

Сюди гляну, туди гляну,—дівчина біжить.

Нехай біжить, хоть небіжить, я *води недам*:

Иди собі, дівчинонько, під зелений гай

(Чуб., III, 153). Относительно „солома“ ср.:

Ой поїхав мій миленький до Львова, до Львова,

Та згоріло серце мое, як житна солома

(Гол., II, 345).

Ой учера из вечера солома горіла,

Прийди, прийди, мій миленький, бо-м ся розболіла,

А на яку розболочку? та на головочку;

Прийди, прийди, мій миленький, хоть на годиночку.

(Гол., II, 322).

Сеї ночи о півночи солома горіла;

Як ем любку поціловав, аж ся розболіла

(*ib.*, 282).

Солома палає—дівчина вмирає, Чуб., III, 134, 138.

Полонина горіла—N ся розболіла, Г., II, 437.

Ой татуню мій миленький, татуню соколе!

Недай мене в темні гори, дай мя в чисте поле:

Волю я в чистім полі соломов палити,

А ніж маю в темних горах світонька незріти

(Гол., II, 777²; *палити*—топить в печи, как образ печали

(см. ниже)? или же, м. б. *палати*, или стар. *політи* = ц.-сл. ст.-русе. *полѣти*, пылать как солома=горевать?).

Словац.: Videla som v lese ohňom sosnu horet;

Može teba za mnom srdce bolet

(Sbor. Mat. Slov., II, 75).

„Негорить—нелюбить“, в связи с чѣм „курить—дурить“:

Зеленая ліщинонька негорит, ай курит;

Молодая дівчинонька нелюбит, ай дурит

(Гол., II, 809; люльку курит—дурит, Гол., I, 123).

Зеленая ліщинонька, лиш ся припалила;

Наша любов непропала, лиш ся притаїла

(ib., 810).

Это послѣднее, под вліяніем сочетанія, в родѣ „калина несміе=козак любить, заняти несміе“, видоизмѣняется так:

Ще калина непристигла, лише попала;

Наша любва непропала, лиш ся притаїла

(Гол., II, 322).—

Ешем в печи ненаклала, а уже ся курно;

Я нікого нелюбила, люде брешут дурно,

(Гол., II, 820) =

Еще-м огня ненаклала, тріски ся имили;

Еще-м любка нелюбила, сусідки вчинили,

т. е. оклеветали (Гол., II, 417; III, 378).

Жар — *жалъ*, откуда *куриться* — *журиться*, *димно* — *дивно* (в смыслъ „печально“), мое соч. О нѣкр. симв., 24—5, 58; Гол., II, 283, 358; IV, 464). „Ватерка ся курит — дівчина ся журит“, Гол., II, 361. „Гора куриться, лівка журиться“, Гол., III, 399.

Сырия дрова—горькій дым=горе:

Ой закурила, затопила сирими дровами;

Нема-ж мого Абазина з чорними бровами;

(Гол., I, 12; ср. ib., IV, 468), т. е. горе—от отсутствія милаго.

Сирові дирва—гіркий дим;

Ожеяив бим ся, нема с ким

(Гол., II, 235; IV, 518) =

=Сирова дрва, жугак дим;

Спала би, рожа, нїмам с ким,
(Kurelas Jaške, 7).

Нїт дыму — нїт горя, именно там, гдѣ живет милый:
Горове, горове! то по вас дымове,
Лем там дыму нее, де мой милый жїе
(Гол., IV, 519).

в том смыслѣ как в вост. мр.

„Тїлки менї веселенько, де мое серденько!“
Дуброва горит. Здѣсь встрѣчаются двѣ различныя точки зрѣнія.

Во 1-х, „куриться=журиться“ противопоставляется горѣнью, при чем *горить*—*жить* (в счастья, в добрѣ), быть засватанной, быть замужем, работать:

Осичино-березино, чом негорїш, тїльки куришся?

Молодая дївчинонько, чом неживеш, тїльки журишся?

—Коли б же я підпалена, то-б горїла, некурилася;

Коли б менї добра мати, то-б я жила, нежурилася
(Чуб., V, 548; „добра мати“: м. б. добрѣ мати; = Шейн Бр., 257, гдѣ ст. 1=1 Зелѣная дубровонька; 2=2 . . . удонька; 4=4 . . , *добро было*). В моем вар. ст. 4:

—Коли б же я засватана, неплакала б и пр.

Ой зелена дубровонько, чом негорїш, але куришся?

Ой молода дївчинонько, чом неробиш, але журишся?

Ой як би я *суха була*, горїла бим, некурилася;

Ой як би я мужа мала, робила бим, нежурилася

(Гол., I, 278).

Таким образом „дїброва (суха) підпалена=дївка засватана“.

Во 2-х, упомянутого противоположенія *еще* нїт, а *горить*—болѣть за кѣм, как у Островскаго:

Бастрюков. Тужить недумал, довелось тужить.

Дубровин. За что, про что сыр бор горит?

Бастр. За дѣвку.

Согласно с этим в моем соч. О нѣкотор. симв. 10—11 и у Н. И. Костом. Истор. зн. и пр. Бес. 1872, IV, 64, объясняется весенняя игра „в горьлки“, пск. *огарьши*, мр. в *юрю-дуба* (Терещ., Б. Р. н., IV, 28, 316; Максинович, Собр. соч., II, 510; Чуб., III, 93, 101; Костом. I. с.).

В мр. игръ горящая, изображающая паробка, говорит: „горю, *горю* дуб (в. пень)!“ — *чою-ж* ти гориш? „красноі панни“ и пр. В этом выраженіи („горю дуб“) именительный дуб может рассматриваться как предикативный, входящій в состав сказуемаго (мое соч. Из запис. по русс. грам., II, 73). Сочетаніе такого надежа с глаголами, кромѣ означающихъ вещественное и идеальное возникновеніе, чрезвычайно архаично ¹⁾. Отсюда, как сложное имя — „в *горюду*-ба гратись“. Этой послѣдней формы неслѣдуетъ смѣшивать с родительным образа дѣйствія в поль. *stać deba*, мр. „*горічерева* плисти“, „най я ся захоплю (за сани), *гайдука* стану“ (коляд.). Родительный дополненія „красноі панни“ показываетъ, что *горю* по значенію отнесено ко глаголам желанія, как хотіти, бажати и т. п. Игра предполагает горящій дуб (стар. дуб дерево вообще) как образ любви, желанія. В сродном значеніи печали или заботы и в примѣненіи к дѣвицѣ мы встрѣтили этот образ в веснянкѣ (стр. 139):

Ой горе, горе сухой дубе,

Паше полюбья через води,

гдѣ подлежащее — в формѣ звательнаго, а *горе* не сущ. ср. р., а 3-е лицо настоящ. вр., как в поль. „*ogień gore*“; „*gwaltu! gore!*“ и пр. (Linde, *gorzec*). Такое толкованіе согласно и с началом вар. этой веснянки, записаннаго мною от женщины из с. Рубіжні Волочан. у.:

- 1 Ой сухой дубе, гориш дуже,
Паше поломья через воду, 2
Ой через воду на слободу, 2
Де Катерина биль білила, 2
- 5 А биль білила, шиття шила 2
Й а к тому шиттю говорила: 2
„Ой шиття мое, білесеньке! 2

¹⁾ Примѣров мало: „старцем (дат. мн.)... *лежю притвча* къ наказанію“, Калайд., Пам. р. слов. XII в., 46; Неубойтесь вы родители: Не *оюнь* иду, не *обожгу*, Не *змья* *пльву*, *побк-*люю, Барс., Прич., 56.

- „Ой як я пійду за милого, 2
„То виперу тебе в Дунаечку, 2
10 „Висушу тебе на сонечку, 2
„Скачаю тебе на столичку, 2
„Сховаю тебе у скринечку“. 2
Ст. 13—8 = 1—6.
19 „Ой шиття моє тонке біле! 2
„Ой як я пійду за нелюба, 2
„То виперу тебе в калюжищі, 2
„Висушу тебе у димнищі 2
„Та скачаю тебе на землищі, 2
„Сховаю тебе у боднищі“¹⁾.

Этот горящий сухой дуб, кромѣ ближайшаго символическаго значенія, может быть сближен с обрядным „дубом“, т. е. высокою жердью с прикрѣпленным на верху колесом (=солнце), которая мѣстами называется именно *сухим дубом* (Максимович, Собр. соч., II, 507).

Гасить — утѣшать.

Вр. „Уж как жарко в теремъ свѣчи горят.

Уж как горько плачет свѣтъ Аннушка,

Унимае ея родной батюшка

(Сах., Ск. Р. н., ч. 3, 143).

Т. о. свѣча горит—страдает. В силу такого представленія, в серб. о свѣчѣ горѣвшей на „красно име“, вм. *угаси*, говорится *уѣши*, *обесели свијећу*²⁾, как и в вр. *засмирить* (и закrotить) свѣчу перед образом — потушить. Сходно с этим в болг. п. головня гаснет = горе забывается. Мать на вопрос сына, попавшаго в неволю, жалѣет ли она его, отвѣчает (разм. 5 + 3):

Жалим те, сину, нежалі,

Яз ке те скоро прижалі:

Кога ке гламня [от вогень] изгасне,

Тогай ке те яз прижалі

(Верковић, Н. п. Макед. Буг., 239).

¹⁾ Бодня, липовка.

²⁾ Ср. серб. „загасити ране“, Кар., II, II, 218.

Так как „горка гориць калінка = жалка плачиць N (дѣвица, Этн. Сб., III, 186), то гасить калину = утѣшать дѣвицу. Бр. *свадеб.*, того же весняночнаго розміра 5 + 3:

За(в. раз)гарелася калінка,
 (Ды) в цёмным лузе стоячи,
 Дробныя іскаркі ронючи.
 (Да) гасів (в. тушыв) ветрик, нівгасів,
 Па полі іскаркі разнасів.
 „Ой гари, калінка, нігари,
 „(Я) болей гасіць нябуду.
 „Я ж цябе, калінка, півтушу,
 „[Толька] болей іскаркі разнашу;
 „Угасіць цябе дробный дощ,
 С под цёмной хмары ідучи.

Расплакалася дзевачка,
 Піряд татувльком стаючи.
 Унімав татувлька, ніуняв,
 Болей жаласці ей задав.
 (Ой) плач, дзевачка, (чи) ніплач,
 Болей унімаці нябуду.
 Уніма цябе чужына,
 Ёся малайцова радзіна:
 З левага боку татарин,
 С правага боку татарка;
 З левага боку малойчик,
 С правага боку сваціца
 (Ды) малайцова сястрица

(Гильтебр., 274—5; Этн. Сб., 226—7; мною приведено с небольшими поправками). Сравнение неполнѣ выдержано, т. к. луг = батько (как в мр. „темного лугу калина = доброго батька дитина) но он же и вѣтер.

В силу уже упомянутого выше (стр. 161) приёма (субстанціаціи образа, его обособленія, отдѣленія от обозначаемаго, представленія его обстановкой обозначаемаго), можно бы ожидать перехода образа, заключеннаго в этой пѣснѣ, в такой: под горящею калиной сидит дѣвица и

плачет. Именно такого образа не нахожу, но есть сходный в известной п. „Ой вижду я на шпилёчок = Ой зйду я на могилу“.

Долина глубока, а калина висока,
Аж до землі віти муться.

А під тою калиною . . .

Стояла дівчина, плакала — ридала,

Аж по личку слёзи льються.

Эти соображения объясняют ближайший символический смысл следующей пьесы, широко распространенной и обыкновенно, не без основания, считаемой весьма древнею (разм. 5 + 3):

А. *Хорватская* (Kurelas, Jake, 295).

Зелена липа горѣла,

Под ком је мила сѣдила,

Искре су на ну падале,

Да су все птице плакале.

Из стихов, идущих в слѣд за этими, видно, что рѣчь — о невѣстѣ, которая плачет, п. ч. ее отдают далеко замуж:

Кад су се по ну возили (т. е. сваты),

Зуз пут су туже (=душе) сажили;

Кад су се назад возили,

Зреле су туже тргали,

ибо из такой далекой стороны были сваты (см. стр. 20—1).

Далѣе:

Невѣста се је плакала,

А залва ју је толила:

„Неплачи се ти, невѣста!

„Три крат сам дале целана,

„Још се пис' тако плакала“.

Очевидно, „липа = невѣста“, „горѣла = плакала“, причем можно бы ожидать „толила“ (=утѣшала) = гасила.

Б. *Чешск., морав., словен.* (Suš., Mor. p., 641; Erb., P., 476):

Hořela lipa, hořela,

Paněnka pod ňo seděla,

Jiskerky na ňu padaly,

Mládenci o ňu plakali,
Jenom ten jeden neplakal,
Co jí prstenky posmekal.

„Mládenci“, т. е. холостые; кто снимал претни, тот же-
них, о коем в другом вар.: ... neplakal,

Kery jiskerky polapal,

т. е. охранял, утѣшал.

В. Польская:

Gorzała lipka, gorzała,
Dziewcyna pod nią lezała,
Iskierki na nie padały,
Bez kośulke je parzały.
Jasiowi (=жениху) je było zal,
Az je chustecką przyodział

(Kolberg, Lud, I, Sandomir., 128; Roger, Pieś. I w Górn.
Szląsku, 90, гдѣ и вар.:

Zgorzała lipka i korzeń;
Tyś mnie, syneczku, niegodzien...

Moja szateczka ze złota,

Toś (ty-ś?) mi ją (w)deptał do błota.

„Syneczek“ — молодец, жених. Противоположение „золото—
болото“ (дѣвство — замужество) см. выше (153) в вес-
нянкѣ.

Pod borem sośnia stajała
A pod niум panna gorzała
Iskry na nią padały,
Suknia na niej gorzała
(Или: Stoi panna pod brzozą,
Skwirki na niум padają
Sukni na niум gorzeją)
Przyjechał do niej młody pan,
Zarzucił na nią swój zupan:
Siadaj, panno, koń gotowy...

(Kozłowski, Lud, 59—9). Самим поющим было понятно,
что спаситель есть и увозчик. Поэтому к этому мотиву при-
соединен свадебный того же размѣра (в ст. 1—2) и значения:

U nasy pani gęsty wod,

Nieprzeleci tom zoden ptok,
Tylko jeden malusienki
Do nasy-to Kasiuleńki
na obiod,

о котором выше, стр. 120.

В другом вар к дѣвицѣ под горящею сосною приѣхал „stary pon,

I rzucił na niym swój zupon.

Это означало сватовство, или предложеніе любви, ибо дѣвица отвѣчала:

Niedom ci wionyszka,
Bo-m młoda dziweczka,
ty-ś stary.

Przyjechał do ni młodzienc

I prosił ci jom o wieniec.

— Wisi ich hajno sześć,

Wybieraj że, chtórny chcesz,
boś młody

(Kolb., Lud, III, Kujawy, 277; ср. 294—5).

Г. Из мр. веснянок ближе всѣх к предыдущим угорско-русская, по видимому, предполагающая сходную словенскую.

Червена ружа горіла, горіла,
Під нею біла дівка сиділа, сиділа,
В решеті воду носила, носила
[И] червену ружу гасила, гасила.
Кілько в решеті водиці, водиці
Тільки в милої правдиці, правдиці

(Гол., IV, 187.

Повтореніе послѣдняго трехсложнаго метра считаю здѣсь и в других случаях болѣе первообразным, чѣм размѣр 5+3 без такого повторенія ¹⁾).

¹⁾

Горіло поле, горіло,
А я ж. молода тушила, 2.
Решетом воду носила.
Скільки в решеті водиці

Ближайшее значеніе этого образа, именно, что „в милой“ „не вся щира правда“, видно из сочетанія сходнаго образа с другим: горе милаго, взятаго в рекруты, изображено разливом; а равнодушіе милой тѣм, что она при этом стоит на берегу и заботится о своей безопасности; непосредственно вслѣд за этим мотив другого размѣра:

„Де ти тогда, мила, стояла,

„Коли дубровонька палала?

—Я в решеті воду носила

И нѣв дубровоньку гасила

(Гол., III, 390; мой Разб. пѣс. Головац., 86—8). Эти стихи взяты из веснянки размѣра 5+3 и присоединены к пѣснѣ размѣра 4+4 („Де ти мила пробувала“ или „Де ти мила пробывала, Коли вода луги брала“) только по сходству значенія образов разлива и пожара. Слѣд размѣра 5+3+3 виден и в слѣдующей коломыйкѣ (разм. 8+6) такого же значенія:

„Бо що же ти дівчинонько гадала, гадала,

„Та як тота Коломыя палала, палала?

—Я гадала, мій миленький, гасити, гасити,

Та немогла я що найти, щоб воду носити

(Гол., II, 248).

Как в одном семействѣ пѣсень (мр., бр., серб., болг. и др.) молодец ставится в извѣстное положеніе (его убивает стрѣла, камень и т. п.), чтобы показать превосходство материнской любви над любовью сестры и жены, или—силу любви милой ¹⁾; так в веснянкѣ (=купальской) ставятся

Стилько в дівчаток правдиці;

Скилько в решеті дірочок,

Стилько хлопцям болячок (Чуб., III, 162).

¹⁾ В комическом свѣтѣ изображается отношеніе дѣвицы к молодцу в слѣдующей купальской п., пародіи неизвѣстнаго первообраза:

Летіло полело (?) через наше село,

Стало спочивати на Йванковій хаті.

Иванова хата запалилася,

Йванові голова засмадилася,

в опасное положеніе отец, мать и будущіе свекор и свекровь, чтобы показать как различно относится к ним дѣвица:

(Да) загоревся щиры бор,
А у том бару татка мой
Мы найдѣм бор тушиці,
Ушатам ваду насіці.

Далѣ для матери носят кадками, но для свекра рѣшетом, для свекрови чепцом (Шейн, Бр. п., 165, N 256; пѣвица соединила в одну пѣсню двѣ различныя, по сходству образов). Болѣе древнее значеніе образа (горящая дуброва, калина, липа, сосна, поле = дѣвица), выше затемненное примѣненіем к отцу (бор, как мр. луг = отец), а еще болѣе к матери и свекрови, находим в слѣдующих веснянках:

А. „Де ви, парубоньки, бували, бували,
„Як сі (v. ті) дубрівоньки *палали*? 2.
— Ой, а ми дуброви *гасили*, 2.
Решетом воду *носили*, 2.
(„Кілько в решеті *водиці*, 2.
„Тільки в парубках *правдиці* 2.)

7—9 = 1—3 ... паняночки ...; 10 = 4, Цебрами (коновками); 11 = 5 ... в цебрику ...; 12 = 6 ... в панянках (сводный вариант из Голов., II, 179—80, 183 и нижеуказанных).

В этом видѣ пѣсня дает тот смысл, что к горю дѣвиц (или, м. б., к их любви) лишь сами они относятся искренно, а паробки — равнодушно. Я думаю, что этим противоположеніем исчерпывалась болѣе древняя пѣсня и что за позднѣйшую амплификацію, предполагающую забвеніе основного значенія образа, слѣдует считать то, что в вар. у Гол. II 180 старыя бабы тушат дуброву чепцами, дѣды — капелюхами (sic вм. рѣшетами).

Б. Ішла дівонька *через бур* 2.
На юй суконька *в девять пул*, 2.

А Павлинка з радощами
Носить воду пригорщами (Чуб., III, 205).

Стала суконька *сяти*, 2.

(v. сiяти, маяти, шастіти, бр. шамрещі)

Стала дуброва *палати*. 2.

(v. горіти, бр. гарещі).

Такое начало, разумѣется, кромѣ звуковыхъ измѣненій, можно считать общимъ для нѣсколькихъ вариантовъ. Мн. ч. „ішли дівоньки... на них суконьки“, в виду предполагаемой мнѣической основы образа, считаю позанѣйшимъ. Здѣсь, как и во многихъ другихъ случаяхъ, — раздвоеніе одного и того же явленія на дѣвицу, зажигающую дуброву сіяніемъ своей одежды, и на зажигаемую дуброву.

За тѣмъ нѣкоторые вар. продолжаютъ сходно с вар. А:

Ідіт, парубки, *гасити*, 2.

Решетомъ воду *носити*, 2.

Скільки в решеті и пр.

... Ідіт. дівочки, *гасити*,

Кубочкомъ и пр.

(Костомар., Ист. Зн. и пр., Бес. 1872, IV, 65; Чуб., III, 36—7; свадебная ів. IV, 425; Шейн, Бр., 165, N 256, гдѣ амплификація: „жоночки... чепцами“).

В одномъ вар. слѣдуютъ стихи:

Стали дівоньки *гасити*,

Вінками воду *носити*.

Як у *віночку роса* єсть,

Так у дівоньки *правда* єсть

(Ю. Крачковскій, Быт зап.-русс. селянина, 132, Чт. в Об. Ист. и Древ. 1873, IV). Этотъ вар. возвращаетъ насъ къ выше-разсмотрѣнной (стр. 111 сл.) ассоціаціи *роса* — *дѣвичья краса*, с тою разницею, что вмѣсто косы заѣсь вѣнок, принадлежность дѣвицы и представляемой дѣвицею богини (зори? восходящаго, заходящаго солнца? ср. стр. 109). Этотъ мр. вар. подтверждается словенскою (Шариш. комит.?) жупальскою п., которую я могу привести с незначительными поправками лишь по испорченной транскрипціи, Терещ., Б. р. н., V, 62:

Червены погар гори

С червеними ягодами.

А кто же го гасиць будзе,
Кедь там паробков небудзе?
Красне дѣвочки го гася,
В вѣнчках водунося:
Кело в тым вѣнчку воды,
Тело в дѣвочце цноты
9—11=1—3; 12=4 ... дѣвочек ...

Красни паробци го гася,
В покретках водунося:
Кело в тей покретце воды,
Тело в паробках свободы.

Выше (стр. 153) упомянуто, что мотив
Вербовая дощечка, дощечка,
Ходит по ней *Настечка*, 2
На всі боки леліе и пр.

сочетается с мотивом „дуброва горит“, так что продолже-
ніем только что указанной пѣсни служит

Гдесъ, Настечко, *бувала* 2.

Як дуброва *палала*? 2.

Решетом воду *носила*, 2.

Дубровочку *засила*. 2.

Кілько в решеті *водиці*, 2.

Тільки в хлопців *правдиці*; 2.

Кілько в ситі *дірочок*, 2.

Тільки в хлопців *болячок* 2.

(Гол., IV, 160).

Здѣсь в 3-м и 5-м стихѣ „решетом“, „в решеті“ нару-
шает размѣр 4+3+3. При том, если дѣвица решетом во-
ду носила, то, значит, она нехотѣла гасить дубровы (см.
стр. 182), в ней, а не в хлопцах, пѣт правды. Это про-
тиворѣчіе и в вар. у Голов. II, 684. Болѣе первообраз-
ным кажется вар. у Шейковского, Быт Подолян, I, 15
(=Чуб., III, 81; ср. Метл., 297—8).

[А] вербовая *дощечка*, 2.

Там ходила *Настечка*, 2.

[Га] цебром воду *носила*, 2.

Дібровоньку *засила*. 2.

Кілько в цебрі водиці, 2.
Тільки дівкам правдиці; 2.

(т. е. много)

Кілько в цебрі дзюрочок,
Тільки дівкам болячок, 2.

(т. е. нисколько). Послѣ этого вставлен мотив, в болѣе первообразном и понятном видѣ, напечатанный у Гол., II, 684 „Що вступлю . . .“ („дівочкам—каша з маслом, с гусячою лапкою). Затѣм ст. 9—12 = 1—4 . . . *решетом* . . . (свѣтом?).

13 Кілько в решеті (ситі?) водиці,
Тільки парубкам (хлопцям?) правдиці;
Кілько в решеті (ситі?) дзюрочок,
Тільки парубкам (хлопцям?) болячок.

Далѣе вставной мотив „Що вступлю . . .“ (парубкам каша з червяками, з жабячою лапкою).

Относительно встрѣчаемаго здѣсь и выше сближенія вода=правда, объясняемаго посредством сравненій вода=рѣчь, рѣчь (слово)=правда, см. мой Разб. пѣс. Головацк. 64 слѣд. ¹⁾. Этот ряд сравненій сходен с другим: лист древесный (как шумящій)=слово=правда или ложь (О связи нѣкотор. представленій, 18, сл., Фил. Зап. 1864).

В одном из приведенных уже (стр. 184—5) вар. дано сочетаніе „горящая дуброва — вѣнок („дѣвичья краса“) — роса — правда“.

¹⁾ Приведенное л. с. сравненіе

„В тебе тільки уцтвості, як в каміню води“
(Гол., II, 753), сродно со слѣдующим:

Разыгравсе Юрьав конік,
Разбів камень каньцейком.
В том камені ядзерка нет,
У [наших] дзецюков правданькі нѣт.

5=1, 6=2 . . . *арес* . . .

В том ареху ядзерка есь,
У [наших] дзевачак правда есь.

(Весенняя или петровочная, Шейн Бр. п. 125.

... Стала дуброва горіти,
Стали дівоньки гасити,
Вінками воду носити:
Як у віночку роса єсть,
Так у дівоньки правда єсть.

Еще раньше было разсмотрѣно сочетаніе „сокол выносит красу—росу“ (стр. 116, 121), при чем встрѣтилось выраженіе: Парубоцька краса в огні погорає.

Нижеслѣдующія серб. п., тождественныя по размѣру 6+6 с мр. семейством веснянок, к коему принадлежит это выраженіе, указывают, б. м., на связь этих сочетаній. Они, б. м., дают основаніе думать, что в польской пѣснѣ к образу „горящая дѣвица“ присоединен образ сокола перелетающаго через ограду сада (стр. 181) не только по сходству значеній этих образов, по отношенію их к браку; но и по болѣе древней связи черт, их составляющих. В серб. п. сокол гасит горящій лѣс и горит сам:

Вишка затрепета, залелија гране,
А соко́ бесједи: „нетрепећи вишно,
„Нетрепећи, вишно, нелелијај гране! ¹⁾
„Брзо ћу одлетит у гору зелену,
„У гору зелену, на јелово гране“.

Соко́ гору гаси, крила му се пале,
Соко́ крила гаси, очи му се пале,
Соко́ очи гаси, а дјевојку ²⁾ куне:
„Ој дјевојко војко! ³⁾ дуго дјевовала,
„Дуго дјевовала, па се неулала,
„И кад га удала, среће неимала,
„Среће неимала, чеда неродила,
„И кад га родила, све црно носила.

(Vienac Kačić Miošiću, 157).

Соко гнездо вије у јеловој гори,

¹⁾ Ср. „Нехилися, сосно, бо й так мені тошно,
Нехилися, гілко, бо й так мені гірко ...

²⁾ Виновица горя.

³⁾ =во́лка, плодовое дерево.

У јеловој гори, на јеловој грани;
Соколу долазе из горе гусари ¹⁾:
„Издај нам, соколе, Јанину планину,
„А ми ћемо тебе из села девојку“.
Ал' је то зачула из села девојка,
Брже је скочила, гору запалила.
Горела је гора три дни и три ноћи,
Док је догорела соколу до гнезда.
Соко гнездо гаси, а девојку куне:
„Ој дево, девојко! много девовала,
„Много девовала, мало невовала,
„И што невовала, и то боловала!“

(Кар., Пјес., I, 487).

¹⁾ Ст.-серб. *гуса* = ср. лат. *gussa*, *incursio*, *гусар*, *gussarius*
(откуда корсар), *praedo*.

7. Дѣвица тонет.

а) *Колядка дѣвиць.* Она тонет, подаєт ей руку не отец, мать и пр., а лишь милый:

Плила лівойка долов Дунаєм,
Дунаю, гей, Дунаю море,
Ганусю ¹⁾ зоре!

Біжит коло ней татцейко єї:

„Подай мі, татцю, свою ручейку,

„Най я нетону в Дунаїчейку!“

—Я ті неподам, бо я сам впаду.

Тоже повторяєтсє с измѣненіями

Там тади біжит матінка, сестричка и пр.

Наконец

Милейкий подав, дівойку дістав.

Літший милейкий, як брат ріднейкий.

(Гол., II, 80; ср. *ib.*, 726).

б) *Щедровки того же розміра ей же.* Дѣвица сама неподаєт руки (или подаєт, но неприпливаєт к берегу) отцу, матери и пр., но подаєт милому (Гол., II, 161; IV, 88—9; 141—2). Припѣв такой же: „Дунаю, Дунаю море! Ганусю (или имр.) зоре серденько!“ Он может служить указанієм с одной стороны на связь пѣсни с нѣкоторыми другими из тѣх, в коих встрѣчается „Дунай море“ и то-

¹⁾ Имя величаемой.

нушая в нем, с другой („зоре“) — на мифологическія основанія образа.

Послѣдній стих вар. а) „Ліпший милейкій...“ относит пѣню к обширному разряду колядок и других пѣсень русс., южно-слав. и нѣмецких ¹⁾ на тему „милый лучше роду—племени“. Он указывает на то послѣднее, не мифологическое, а житейское значеніе образа, на то примѣненіе его к величаемой отечкой дочери — невѣстѣ, ради котораго образ не забывается. Колядка или шедровка пророчит дѣвицѣ скорый выход замуж (см. ниже свадебныя сходнаго содержанія).

На вопрос, что-же величальнаго, кромѣ отношенія к предстоящему браку, может заключаться в образѣ тонущей дѣвицы, уже дан косвенный отвѣтъ выше (стр. 109), гдѣ приведены латыш. пѣсни, говорящія, что ночью солнце бредет по морю; что солнцева дочь купается в излучинѣ за ивовым кустом, а божій сын подсматривает; что она бредет по морю и тонет, так что виднѣтся только ея вѣночек, а божьи сыновья должны спѣшить к ней на помощь в лодкѣ. Этот послѣдній мотив, именно спасеніе утопающей небесной дѣвицы (солнца,) в примѣненіи к земному браку находим в мр. свадебной п. (когда невѣсту везут к вѣнцу):

А в неділеньку рано
Море се розиграло.
Не море то играло,
Але сонце се купало,
А Марічка (невѣста) зазірала,
Та й у море упала.
„На-ж тобі, татку, ручку,
„На-ж тобі, татку, й обі,
„Вийми-ж 'ти мене д' собі!“

¹⁾ Uhland, Alte volkslieder, I, N 117: дѣвица—в челнокѣ, лодочник хочет ее утопить. Она просит, чтобы отец, брат ее выкупили, но тѣ нехотят для этого продать своих кафтанов. Только милый ради ея готов продать душу и тѣло.

— Не моя-ж то, синку ¹⁾, воля
Виймити тя з моря.

Тоже повторяється с измѣненіем:

„На-ж тобі, мамко . . . Васильку . . .

Послѣдній отвѣчает:

Моя, Маричко, воля
Взяти тебе д' собі

(Гол., IV, 361).

Бр. У нядзельку раненько... Да с великаго горя!“
Совненько купалося, — N мая дачушка!
N воду брала, Я цябе невратую
Совненько ратовала, Ніхай цябе Бог ратуя.
Ратуючи сама впала. Нісама туды увайшла,
Кліча-покліча матачку: Цябе долечка унясла
...Да ратуй мяне с моря Сб. свз. кр., 267;

другіе вар. без упоминанія сонца: Гол., IV, 316; Метл.,
128; Чуб., IV, 138—9. Бр. свадебн., с первыми стихами
другого, весняночного розміра:

Зыбнула мора, зыбнула,
Там наша Агатка [ў]танула . . .

(Этн. Сб., III, 240).

Вр. (Туль), свад., по началу похожа на перевод с мр.:

¹⁾ *Синку*, обращаясь к дочери. Ср. Гол., II, 394:

Сидит донька у кріселці в віконце вглядає,
Та й на своїх білих ручках синці обзирає.

[Мать:] „А що-ж тобі, мій *синоньку*, синці під очима . . . ?

В свад. п. (зап. часть Подоль. г.):

. . . Там молода гуляла.

Прийшов батенько:

„Час тобі вже, сину, до посаженьку!“

Так и в сербск. п. мать говорит дочери:

„Залуду се удавала синко!“

(Кар., Пјес., II, 13; впрочем ib. 14 — в обращеніи к Огняной
Маріи):

„Шћери моја, мој милостан сине

(Петрановић, Срб. н. п., 339).

Наоборот, у Куявян, ласкательное слово даже мужчине: „Jan-
ku, bież-no tam, *dziwieszko*“. Kolberg, Lud, IV, 270.

Рано в воскресенье
Сине море играло,
Авдотья потопала,
Ручки подавала:
„Да кто-ж меня вынет
„Из синяго моря,
„Из великаго горя?
Кидался, бросался

Старый старичище—
Съдая бородища.
„На дно моря тону,
„За тебя замуж нейду!“
.. Кидался, бросался
Андреян с поѣздом...
„Со dna моря выду,
„За тебя замуж пойду
(Шейн, Р. н. п., 415).

Ср. также Кохановская, Нѣск. русс. пѣс., 94—5; Сах., Сказ., кн. 3, 120 (N 48): не отец, а жених снимает дѣвку с камня среди воды = не отец утѣшает, а милый, ib. 142.]

В приведенной мр. свад. п.

... Сонце се купало,
А N зазірала
Та и в море упала

средній стих есть позднѣйшая рационалистическая вставка, для объясненія связи между купаньем солнца и потопаньем дѣвицы. Болѣе первоначальная связь, именно сравненіе, — в слѣд. вар., гдѣ относительно-ново м. б. перенесеніе того же положенія на жениха:

А в неділю рано
Море се розиграло;
А не море то-то грае,
Але сонце се купае;
То не сонце се купае,
Молодий потопае,
Та на молоду покрикае:
„Молодечко, голубечко,
„Ратуй мене з моря!“
—Та не моя то-то воля
Ратовати тебе з моря:
Ані човна, ані весла,
Все бура віднесла.

(Wasl. z Ol., 31 = Гол., IV, 336). Эта версия может иметь цѣлью выставить скромность, повиновеніе невесты:

„немоя воля (т. е. замуж), а батькова“. Архаично в ней, как и в некоторых из вышеупомянутых, отсутствие отца, матери и пр., введенных лишь в угоду болѣе общему, ассимилирующему мотиву: „милый лучше роду“. Отрицательное сравнение „То не солнце...“ еще произнесенное, а существующее лишь как воспоминание, повлияло (подобно регрессивной звуковой ассимиляции) на превращение в такое же сравнение предыдущих стихов

А не море... грае

Сонце ся купае.

Первоначальное отношение здѣсь одновременность (когда купается солнце, то море играет) или причинная зависимость, ср.:

У понедѣлок рано	Зільечко покропляло,
Соненько ся купало, 2	Зільечко барвіночок
Вон море виливало, 2	Марьці (невѣсть) на віночок...

(Свадеб., Гол., IV, 423).

Слѣдующая болг. (м. б. весенняя?), выводит разсматриваемый мотив за тѣсно-племенные предѣлы. Пѣсня эта а) начальной чертой „дѣвица на рѣкѣ бѣль бѣлила“ связывает этот мотив с другим мотивом колядок, о котором ниже; б) по размѣру (3 + 5 или 5 + 3) и по главному мотиву примыкает к приведенной выше (стр. 73) сербской п. о тонущей дѣвицѣ „бѣлила Маре дарове“, а через эту — к приведенным там же бр., вр., лотышек.

Дафинка рано ранила
На Дунава платна да бѣли;
Ленени платна бѣлила,
С златна бухалка ¹⁾ бухала.
Дунав си мѣтен протече,
Ленени платна повлече,
Тѣнка Дафина поднесе.
Мама ѿ по край ²⁾ ходила

¹⁾ Праляник. ²⁾ по берегу.

И на Дафина думаше ¹⁾:

„Я плавай, плавай, Дафинке,
„Да но ²⁾ си на край исплаваш,
„Мама-ти да те извади.

—Немóжж, мамо, немóжж,
Че ³⁾ ми се косá заплéла
У рѣкитово кóрене.

Иди ми тѣтя повикай!—

Тетѣ и не се наема.

От гдѣ е зачул Никола,
С дрѣхи-те ⁴⁾ скокнж у Дунав,
Дафинка с душа ⁵⁾ извади,

Нейно-то драго либенце. Dozon, 98—9.

Спасителем утопающей является милый, подобно тому, как в разсмотрѣнных выше пѣснях (стр. 177, 179—80) он же тушит горящую калину=утѣшает невѣсту или спасает дѣвицу изпод горящей липы. Это сближеніе может быть одним из поводов отыскивать болѣе глубокое сходство между образами горящей калины в. липы и тонущей дѣвицы, поводом, тѣм болѣе заслуживающим вниманія, что образ тонущей дѣвицы, подчиненный болѣе общей схемѣ „милый вѣрнійший батька“, в купальской пѣснѣ имѣет и такой вид:

Ой на рiчi на Дунаi

Там липонька потонае,

Та поверх гiлочка впливас,

Вона дубочка прикликае:

„Та подай, дубочку, хоть гiлочку!“

—Та нехай тобi кленок дае,

Що вiн з тобою вiрно живе.

(Костомар., Ист. зн. ю.-р. пѣсен. тв., Бес. 1872, VIII, 33).

Дуб = батько, клѣн = милый.

¹⁾ Говорила. ²⁾ чтобы если. ³⁾ потому что. ⁴⁾ в платьи. ⁵⁾ живу.

Явное отношение разсматриваемаго образа к браку и в поль. свадебной п. Молодая, когда приступают к „очепинам“ (покрыванью) „widząc, że przynoszą świece, które kupiła do oczepin starsza druchna, a które wkrótce mają być zapalone“, поет:

Żegluję płynę,
Moja Basiu, ratuj mnie,
bo zginę.

Старшая дружка: Zapal świecę, albo dwie,

Молодая: Oj ratuj siebie, albo mnie.

Ст. др.: Jak że ja cie mam ratować,

Kiedy niemogę zgruntować

(Kolberg, Lud, VI, Krakowskie, 51).

Может быть и в самом дѣлѣ, как говорит издатель, при очепинах зажигают свѣчи, купленные для этого дружками, и может быть именно это ближайшим образом разумѣет пѣсня; но „zapal świecę“ находится в связи с подобною чертою в мр. пѣснях, неимѣющею отношенія к обряду очепин и неможет быть выведено из него:

Ой засвіти, мила, свічку, най перейду річку,

Ой засвіти, мила, обі, най перейду д' тобі

(Голов., II, 276, 358, 839, с чѣм ср. ib. 291:

Ой засвіти, місяченьку, хоть годину в нічку,

Най перейду, най перейду до дівчини річку.)

Ой засвіти, мати, свічку, постав по-над річку,

Най я перейду, най переплину до милої на всю нічку
(ib. III, 296; Метл., 40), гдѣ „мати“, кажется, позднѣйшим видоизмѣненіемъ, вм. „мила“.

„Ой засвіти, дівчинонько, восковую свічку,

„Нехай же я перебреду сюю бистру річку“.

— Ой рада-б' я, козаченьку и дві засвітити,

Боюсь тебе, молодого, в воді утопити.—

Втонув, втонув козаченько, лиш хусточка плавле...

(Чуб., V, 309).

Прибудь, прибудь, мій миленький, з україн далеких...

Засвічу я ясну свічку, да й пушу на річку,

Буде мойму миленькому видно на всю нічку.

Непоможе милий Боже и воскова свічка:
Розольється тихий Дунай быстренькая річка

(Метл., 39).

Вездѣ, кромѣ случая, гдѣ „мати“, милая свѣтит милому. Отношеніе этого образа к ожиданію свиданія, любви, может объяснить, как он без видимой связи и цѣли попал в таночную (весеннюю) пѣсню:

Поставлю я хижку там на виріжку ¹⁾.

Виступцем тихо йду,

А вода по каменю, а вода по білому

Ище й тихше.

Засвічу я свічку, піду через річку,

Виступцем и пр. (Метл., 294). |

То, что здѣсь та-же бредет, что и свѣтит, находит соотвѣтствіе в пѣснях у Метл., 26, 113. Вышеприведенная польская свад. п. смѣшала два мотива, первоначально не-связанные между собою, именно, туземный „спасеніе утопающей“ („*ratuj...*“) и другой, м. б. заимствованный, который в мр. „засвіти свічку... най перейду річку“, переходит в малопонятный намек, предполагающій рассказ о парѣ любящихся, раздѣленных глубокою водою. Печальная судьба этой пары стала содержанием множества пѣсень и рассказов распространенных от Индіи до Греціи (Геро и Леандр), Италіи (у Страпаролы), Прованса и Франціи, Германіи, Голландіи, Даніи, Швеціи. В Германіи пѣсня этого содержания, извѣстная народу до нынѣ, документально восходит к XIV в. (Osk. Schade, Volkslieder aus Thüringen, в Weimar. Jahrbuch für Deutsche Sprache etc., III, 1855, 269—75).

В Вестоальском вар.

Et wassen twe künigeskinner,

de hadden enanner so lef,

de konnen to nanner nich kummen

dat water was vil to bred.

¹⁾ Читай „на моріжку“. *Морі*, мурава; вр. *мурог*, *муруг*, род моху; бр. *мурог*, род мѣлкаго сѣна.

Она зажигает в окнѣ своей спальни *дѣв свѣчи*, чтобы милый мог переплыть к ней. Завистливая монахиня (по другому вар. — старая горничная) гасит свѣтъ, милый тонет, милая идет к морскому берегу, *просит рыбака закинуть сѣть и вытянуть милаго*, дарит ему за это свой золотой вѣнец и алмазный перстень, и обнявъ утопленника вмѣстѣ с ним бросается в волны (Umland Alte... Volkslieder I, N° 91; ср. ib. N 45—6). Мр. вышеупомянутая п. тоже представляет соединеніе черт „двѣ свѣчи“ и

„Ой нате-ж вам, рибалочки та по золотому;

Та витягнѣть козаченька и пр. (Чуб., V, 309; ср. Метл., 18; Голов., I, 228; III, 133). Тоже и в морав. Sušil. 187, N 185, ср. ib. 186. Вѣроятно от нѣмецкой пошла мадярская (Die zwei königskinder, Ungarische volksdichtungen, übers. v. Ludv. Aigner. Pest 1873, 159).

Мысль о сомнѣніях и колебаніях невѣсты перед трудным и опасным шагом ея жизни и о том, что возможное счастье в замужествѣ сопряжено с утратой радостей дѣвства, выражено свадебною пѣснью так:

Ой думай, Марусю, та недумай, —

Пливти тобі дві річєньки, третій Дунай.

За Дунаєм черешенька з' ягідками,

А все-ж тобі негуляти з дівоньками.

„Обламаю черешеньку, та не всю;

„Погуляю неділеньку хоть одну“.

(На заручинах. Чуб., IV, 73—4).

Раз мы знаем, что мысль о предстоящем замужествѣ — одна из основных в дѣвичьих пѣснях весенних, Петровочных, Купальских; нам будет понятно, что слѣдующая купальская говорит о различных отношеніях мачехи и родной матери к дочернему замужеству:

1 Ишли дівочки в ліє по ягідочки,

Коло Володимеря купала!

Играло сонечко на Йвана!

Та припало дівкам та Дунай пливсти,

- Та Дунай-море пливсти, три річеньки брести.
Та всі дівочки в плахтах шовківках,
5 Дівка Оленка ¹⁾ в плахті чернітці.
Та всі дівочки Дунай перепливли,
Дунай перепливли, річки перебрели,
Дівка Оленка в Дунаї втонула.
(В Дунаї втонула, кісонька (ч. плахта) зринула) ³⁾
Як прийшли слихи та до мачухи:
10 „Ой не жаль мені дівки Оленки,
„Ой та жаль мені плахти чернітки!“
ст. 12—14=1—3; ст. 15=4 ... чернітках,
15 Дівка Явдошка ²⁾ в плахті шовківці.
Як прийшли слихи та до матінки:
„Ой не жаль мені плахти шовківки,
„Ой та жаль мені дочки Явдошки!“
(Записано мною. Волч. у.).

Мачеха, „утопивши головоньку“ дочки „у чужую
стороньку“, жалѣет только того, что за нею отдано, а
мать—только дочки. С этим ср. бр. свадебн.:

З недзэлі на понедзелак
Васильку беда стала:
Прапала скрыня малявана,
Дачухна кахана.
„Я таю скрыню за дзень призабуду,
„Сваей дачушкі па век незабуду!“
(Этн. Сб., III, 265).

Мр. колыбельная:

Ой поломалася колисонька новая,
Ой забилася дітинка малая.
„Не так же ми жаль колисоньки нової,
„Ой як же ми жаль дітинки малої!
„Я колисоньку за день за два збудую,
„А дітиноньки за рік невігоду!“
(Гол., III, 460 и 457).

^{1) 2)} Оленка—сирота. Явдошка—материна дочь из двіиц
участвующих в игрѣ: „се сироті й рідної матері дочці при-
свівають“, прим. пѣвицы. ³⁾ Стих вставлен мною. Ср. Чуб.,
III, 195 и ниже приведенный вариант.

В подобной пѣснѣ могла быть рѣчь и не о ребенкѣ и колыбели, как здѣсь, а о дѣвицѣ и обрядных весенних и лѣтних релях (мр. колисках, т. е. качелях), которыя до нынѣ в обычаѣ у Руси и у Болгар, и как многія игры, имѣют отношеніе к браку ¹⁾.

¹⁾ В Болгаріи (Панагюриште), в Юрьев день молодец качает дѣвицу, за которую ухаживает, и на оборот. Присутствующія дѣвицы припѣвают им:

Людчице-ле полюлявка, ове, ове!
 Та кой бѣше на люлкѣ-тѣ? ове, ове!
 Ганчо бѣше на люлкѣ-тѣ.
 Та кой Ганчо залюлява,
 Залюлява, отлюлява?
 Петка Ганчо залюлява и пр.

(Чолаков, Бѣлг. нар. сб., 38).

В болг. п. о женидѣбѣ солнца (мужчины) (Миладин., 16—7; Верковић, Н. п. Макед. Буг., I, 5—8; Дринов в Періодич. спис. XI—XII, 153; Dozon, 13 сл. 17, см. выше стр. 86—7), по послѣдним двум вар. солнце влюбляется в Грозданку, нехочет свѣтитъ по прежнему, если Бог не позволит жениться на ней. По совѣту своей матери оно на Юрьев день опускает с неба на двор Грозданки золотыя качели (вар. „спуснѣ люлида... на крива *врба*“; ср. о вербѣ стр. 153—7). Малое и великое сбѣжалося туда „за здраве да се люѣ“. Когда мать раскачала на этих качелях Грозданку, темныя мглы покрыли их и Гр. была унесена на небо. Мать успѣла ей лишь посовѣтовать: „да *говѣиш*“ столько то времени. (Говѣніе в смыслѣ сохраненія стыдливости и уваженія к мужу и роду понимается как молчаніе. И теперь, по Дозону и др., „новодоведена“ молчит мѣсяц и болѣе). Гроздана сохраняет молчаніе слишком долго. Солнце принимает ее за нѣмую и собирается жениться на другой (Дена Деница в. „Дзвезда деница, бъргозборница“ — скороговорящая) и пр. Молчаніе молодой роднит эту пѣсню с пѣснями у Кар., Пјес. из Херц., 24; Kukuljević, Dela, IV, 154. См. также Сумцов, О свад. обр., 203.

В русс. пѣснях жених с качели хочет увидать невѣсту, невѣста—свекров двор:

Мр. весенняя (уличная):

Ой на дубку (в. у борку?), на дубку, колисочка на шнурку,
 Иващечко вихавсь, Иващечко вихавсь.

Литовская п.: „Что ты, милый князь (kunigeli) так долго спал? Когда ты спал, изрубили (твоих) воинов, разграбили припасы. Чего тебѣ, князь, больше жаль?“

Он (Как Владимир, „сребромъ и златомъ неймамъ налѣсти дружины“, под 996 г.) отвѣчает:

„Не так мнѣ жаль припасов, как мнѣ жаль воинов.

„Повихайте мене, братця, в гору високо, 2
„Нехай же я та побачу та далеко, 2
„Ой де моя дівчинонька та гуляе, 2
„Чохлатими рукавами та махае. 2
„Ой перестань, дівчинонько, чохлами махати, 2
„Ой годі-ж я перестану важенько здихати!“
„Ой поти я махатиму, поки подеру!
„Ой поти я здихатиму, поки тебе в'зьму!“

(Запис. мною, в Ромен. у. Ср. купальскую у Чуб., III, 221).
Вр. свадебная, величальная, на дѣвичникѣ (основн. разм. 5+3?):

Как у нас в бору на клену
Висит колыбель на шелку...
... Во той колыбели Алексѣй (жених) спит,
Спать неспит, только так лежит.
„Размахните меня братцы...
„... Прямо к Марьюшкѣ в горницу:
„Что моя Марьюшка дѣлает?
„Под окном сидит, чванится,
„Мною молодцом хвалится“.

(Шейн, Р. н. п., I, 450).

У ворот орѣшина	„Ступите поближе, 2
У ворот зеленая,	„Смахните повыше, 2
Ля али, али, али	„Чтоб видно было далече!“
Али ля, али, али!	В зеленом садочку
А на той орѣшинѣ	Татьяна гуляла, 2
Колыбель повѣшена.	Цвѣты сорывала, 2
Во той колыбели	Вѣночек свивала,
Качался боярскій сын 2	На голову вздѣвала,
Михаил Федорович.	Себя украшала.

„Вы братцы родные, (ib., 423—4).

Жених приказывает слугам:

„Качайте колыбель позыбчѣй,
„Чтоб увидеть ей (невѣстѣ) свекров двор
„И свекровушки терем... ib. 492.

Я припасы соберу (pilele supilsiu) в два, в три года, а воинов невоспитаю (невырощу) и в десять лѣт...“

... „Что ты, матушка, долго спала? Когда ты спала наѣхало гостей (= сватов), увезли дочь и ея приданое. Чего тебѣ, м., больше жаль?“ — Не так мнѣ жаль приданого, как мнѣ жаль дочери. Я приданое соберу в два, в три года, а дочери невырощу и в десять лѣт“ (Юшкевичъ, Лит. н. п., 10—11. Сб. статей читанных в Отд. Русс. яз. II).

Варианты вышеприведенной купальской вносят еще нѣкоторыя черты:

... Усі дівки перебрели,
Одна дівка потонула,
Дороги шати помочила,
Серебрані ключі упустила.

(Мачеха говорит:)

„Рибаки-ж мої. риболовнички!
„Неловить-же ви моїй падчерки,
„А вловіте міні дорогі шати,
„Перейміте міні срібрані ключі!“

(Метл., 311).

Устранив подчиняющій, позднѣ наслоившійся мотив („мачехѣ жаль шат и пр.), при котором ключи получают вещественное значеніе, за этим значеніем можно усмотрѣть символическое: ключи—сама дѣвица:

Ой брязнули срібні ключі (=) в морі потопаючи;
Заплакала (=) дівчинонька (та) та милого виглядаючи
(Костом. в Бес. 1872, V, 100).

За тѣм перевѣс получают первые элементы сравненія (брязг=плачь), соответствіе между ключами и дѣвицей теряется из виду:

Зазвонили срібні ключі по над море бьючи;

Ой заплакав Василенко від дівчини йдучи.

Пѣсня с этим началом в одном из вар. (Гол., I, 228) представляла, повидимому, сочетаніе образа „срібні ключі“ с другим мотивом, о котором выше (стр. 198).

Утопився Василечко (тілки хустка плавле).

Ходить дівка по бережку, білі руки ламле:

„Нежаль мені хустиночки, що я вишивала,

„А жаль мені Василечка, що я сподобала.

... Закидайте, рибалочки, трёма неводами,

Да витягнуть Василечка з чорними бровами и пр.

Возвращаясь к первообразному мотиву: дѣвица = ключи, утонуть (= выйти замуж) = упустить ключи в море. Такой символизм несколько немѣшает предположенію, что образ тонущей дѣвицы с ключами имѣет миеологическое основаніе (176—80). Подобное мнѣніе высказал уже Н. И. Костомаров (Ист. знач. и пр. Бес. 1872, V, 100), сблизив ключи рассматриваемой здѣсь купальской с тѣми, „которы-ми в веснянкѣ отпирается небо. Как бы ни трудно ити в правленіи дальше, до явленія природы, лежащаго в осно-этом навѣ миеа, необходимо так или иначе отнестись к тому направленію, которое принимает мысль упомянутаго учо-наго под вліяніем вариантов рассматриваемой пѣсни, в ко-их тонущая названа „Маринка“, „Моренка“:

... Прийшлось дівці Маринці перед вести

... на Дунай плисти ...

... Ой ненько, ненько, Моренка втонула ...

Моренка втонула, плахта зринула ...

Или:

Ой наша Моренка гуляла

З високого терему в воду скакала ...

Или:

Утонула Мареночка, утонула,

Та срібніі ключі упустила.

„Ой рибалки, рибалочки,

„Неловіть мені Мареночки,

„Уловить мені срібніі ключі (I. с. 100).

Н. И. Костомаров (I. с. 99) говорит: „В купальской пѣс-нѣ поется о Моренѣ или *Морянь*, которая была вѣроятно не что иное, как олицетворенная вода, море, — богиня вод и вмѣстѣ, как показывают чешскіе памятники, богиня

смерти, т. к. и в самом языкѣ названія смерти и моря, по видимому, сродны“ . . . „В нѣкоторых мѣстах дѣлают чучело, называемое Мареною, украшают его вѣнком из черноклена с разными полевыми цвѣтами, наряжают в дѣвичью одежду, а потом, раздѣвши бросают в воду. Это чучело означает морскую богиню и бросанье в воду было, вѣроятно, символом ея господства над водою. Но с забвеніем языческих вѣрованій обряд бросанья в воду женскаго изображенія *подал повод* к представленію об утонувшей дѣвицѣ, за которою однако осталось мифологическое имя Морены, нерѣдко замѣняемое христіанским именем Марины. Т. о. пѣсни касающіяся Морены в настоящее время есть пѣсни об утонувшей дѣвицѣ“.

Первая черта этого мнѣнія (Марена = богиня моря) основано на уравненіи *Маренá = моряна*, которое падает потому, что эта послѣдняя форма в мр. купальских пѣснях, сколько извѣстно, не встрѣчается и без других доказательств невытекает сама собою из поль. *Marzana*. Точно так из принимаемаго многими коренного сродства между *мру*, *мереть* и *море* еще неслѣдует, что Марена — богиня моря. Заключение в этом положеніи, что *Маренá* (чеш. мор. *Mařena*, поль. *Marzana*) = смерть, признавалось весьма многими, в том числѣ и мною. Оно основано частью на том, что чешско-морав. пѣсни на „Смертной недѣль“ отождествляют Марену и смерть (*Smrtolenko, smrtolo kam's klíče děla = Mařena, Mařena, kde's klúče roděla, Suš., 769, 771*), частью на сближеніи *Морена* с скр. *марайа-м*, ср. р. смерть.

Теперь, взявъ за исходную точку мр. величальныя пѣсни о тонущей дѣвицѣ и неотдѣляя их от купальских заключающих сходный образ, я склоняюсь к предположенію, что в основаніи этих идеализаций судьбы дѣвицы в предстоящем замужествѣ лежит мифологическій образ болѣе внушающій сочувствія, чѣм образ смерти. Быть может, смерть (поль. *móg*, Roger, P. 1. w Górnem Szląsku, 205) выносимая в началѣ весны и противопоставляемая вносному, встрѣчаемому лѣту, маю, есть мифологическая лич-

ность совсѣм отличная от той дѣвицы в вѣнкѣ, называемой в мр. Мареною, при топленьи которой на Купала, поют пѣсни о тонущей дѣвицѣ. Быть может, и в чеш.-морав. пѣснях лишь сближены и спутаны преданіем смерть и та небесная ключница, которую просят отворить небесныя ворота во время жатвы (Suš., 769). Трудно понять, как с такою просьбою можно обращаться на пр. не к зарѣ или солнцу, а к смерти. Считаю не неумѣстным вопрос: к которой из предполагаемых двух личностей относилось первоначально самое имя *Маренá* (sic, в Харьк. губ. См. Пассек, Оч. Росс., I, 96; я и сам слышал такую же форму: моя ст. О купаль. огнях, III вып. Вѣстн. Моск. Арх. Общ., 1—2. Христіанское имя Марина с таким удареніем мнѣ не встрѣчалось). Ибо слово это (предполагая, что оно не возникло из христ. имени Марины), буде бы относилось к свѣтовой мифической личности, могло бы быть сближено не с *мар-* мереть, а с *мар*, блестять, которое в греч. *μαρμαίρω*, русс. *мрѣять*, *марить*, *марево* (К ист. зв., I, 204).

Допустив, что в основаніи пѣсень о тонущей дѣвицѣ лежит мифическій, уже человѣкообразный образ, нужно думать, что в самом этом образѣ были черты, облегчавшія его примѣненіе к земной дѣвицѣ. Примѣры такого обратнаго перенесенія образа с неба на землю были уже приведены выше (61). Почему бы ни был приписан дѣвичій вѣнок солнцу и солнцевой дочери (в лотыш. п., ib. 64, 67), раз он приписан, его, уже с мифологическими чертами, легко вновь перенести на земную дѣвицу. Лотышская пѣсня (Бривз., N 99 = Спрогис, 312, 22) говорит:

„*Солнцева дочь* бредет через море, виден (уже) только вѣночек“. „Гоните лодку, божьи сыновья, спасайте душу *солнца!*“

Это почти точный противень вышеприведенных пѣсень о спасеніи тонущей дѣвицы суженым.

Вѣнок находится в тѣсной связи с самой дѣвицей, замѣняет ее. Что случится с вѣнком, то и с дѣвицей, так

что на Руси (Пасс., Оч. Росс., I, 108) и в Польшѣ на Купала дѣвицы бросают с себя в воду вѣнки и гадают по ним. Кому дает дѣвица свой вѣнок, тому и себя (Коляд. у Гол., IV, 89). Как выше, кто спасет тонущую, тот ей суженый, так и о пушенном на воду вѣнкѣ:

„Хто венки пуйме, тот мене возьме“ (Чуб., III, 115 и пр.). Т. о. с купальской пѣсней о тонущей аналогична купальская же, начинающаяся также, о вѣнках:

Пішли дівочки та по ягодки,

Коло води— моря

Ходили дівочки

Коло Мариночки,

Купала!

Гратеме сонечко,

На Йвана!

Уже дівочки поплели віночки,

Коло води моря и пр.

Віночки невъянуть, дівочки неплачуть,

Віночки стонули (вм. по-), дівочки сплакнули

(Пасс., Оч. Р., I, 97).

Такое же соответствіе между лотыш. п. а) и б):

- а) Я сидѣла на берегу рѣки, вижу — ѣдет вдовец. Вдовец подал мнѣ руку, я прыгнула в рѣку: пусть лучше несет меня поток, чѣм конь вдовца“, Бривземн., N 412.
- б) „Пася стадо на берегу потока, я бросила в него (свой) вѣнок. Пусть лучше унесут волны потока, чѣм негодный отецкій сын“ ib. N 469.

Превращенія утонувшей. Тогда же, т. е. когда несут топить марену (куклу) и черноклен [так я слышал; по другим, (Пасс., Оч. Р., I, 96; Терещ., V, 79—80; Маркев., Обычай, 10) черноклен называется Мареною, а кукла в женской одежѣ—купалом], поют и слѣдующую п.:

А. 1 Як пішла Ганна до броу по воду,
Ганно моя, панно моя,

Ягодо моя червоная!

Та стала Ганна на всхитки кладки,
Кладка схитнулась, Ганна втонула.

Ганнина мати громаду збірала,

5 Громаду збірала, усім заказала;

„Неберіте, люде, у броду води,

„Бо у броду вода то Ганнина врода.

„Неловіте, люде, у Дунаї риби,

„Бо в Дунаї риба то Ганнино тіло.

10 „Некосіте, люде, по луках трави,

„Бо по луках трава то Ганнина коса.

„Неламліте, люде, по лугах калини:

„По лугах калина, то Ганнина краса

(Записано мною от женщ. из Волч. у.).

Б. Пас., Оч. Р., I, 108—9:

Як пішла Ганна в Дунай по воду,

И ступила Ганна на хитку кладву

Б. 3 = А. 3.

4 Як потопала, тричі зринала.

Б. 5—6 = А. 4—5; Б. 7 = А. 6 ... у Дунаї

Б. 8 = А. 7 ... слёза.

9 „Неловіте, люди, у Дунаї шуки:

„В Дунаї шуки—Ганнини руки.

„Неловіте, люди, у Дунаї сомів:

„У Дунаї соми—Ганнини ноги.

Б. 13—14 = А. 12—3 Неламайте... по лугам.

15 „Нервіте, люди, по лугам терну:

„У лузі терен—Ганнини очі

Б. 17—8 = А. 10—11 ... по лугам.

Припѣвъ тот же, что в А. Стих 4 Б. заставляет ожидать продолженія:

Тричі зринала, усім наказала,

которое, если бы подтвердилось, показало бы, что ст. 4—5

А. = 5—6 — лишніе, что мать введена сюда под влияніем

другой п., в родѣ вышеприведенной стр. 198—9), в кото-

рой мать противоплагается мачехѣ. В сродных пѣснях

содержаніе стихов А 6 слѣд. влагается в уста самой дѣвицы.

Эти сродныя—а) Голов., II, 679; б) *ib.* 582; в) Купчанко (Зап. Ю.-з. отд. Геогр. Об., II) 373. Здѣсь дѣвица бросается в море, по видимому, спасая свое дѣвство от преслѣдованія братьев (с чѣм ср. лотыш. п. Бривз. N 345, выше стр. 70):

- а) Пішли два браті (і?) в поле орати,
Ганунька сестра їстоньки несла.
Ой здібало єї гей би два браті,
Гей би два браті, два нежонатих,
Дали Гануньці коня тримати,
А сами сіли сніданье зѣли...

Так это понято, по видимому и в польской п., впрочем другого размѣра и не заключающей в себѣ указаній на заимствованіе:

Oj posłała ja óterech bracisków
zielonej łącki kosić,
I kazali se najstarsyj siostrze
śniadanicko przynosić.
Najmłodsza siostra śniadanie niosła
pod zieloną olsynę—
Z koników zsiedli (братья?) śniadanie zjedli
oj nadobnyj dziewcynie.
I kazali jej koniki wodzić
po zielonyj olsynie;
Konie wodziła, w Dunaj skoczyła,
snoty nieutraciła.
Pływaj ze siostro, pływaj ze nasa,
plywaj, ruciany wieniec,
Płace cię ojciec, płace cię matka
i niejeden młodzieniec.

(Kolberg, Lud, I (Sandomierskie), 56).

В мр. вар. б и в „два“ в. „три козаченьки“ давшіе Ганнѣ держать коней, отличены от ея братьев, которым она несла ѣсть. Далѣе

- а) Взрїла Ганунька, що неправдонька

(б. А она взривши, що то не жарти . . .
в. Взріла Аница, що небилица)
Пустила коня (в. коні) в чистое поле,
Сама скочила в синєе море.
Ой як скакала, наповідала,
Щоби в тім морю води небрати,
На воді піна—щоб незбирати,
На траві роса—щоб не щибати ¹⁾,
В лісі береза—щоб нерубати,
В лузі калина—щоб не ламати,
В терну тернина—щоб незбирати,
На грушці груша—щоби нервати;
Бо в морю вода—Гандзина врода,
На воді піна—Гандзина міна ²⁾,
А в траві роса—Гандзіна коса,
В лісі береза—Гандзіне тіло,
В лузі калина—Гандзіне личко,
В терну тернина—Гандзіни очі,
На грушці груша—Гандзіна душа.

То, что Ганнѣ дали держать коней, может зависеть от того, что и ея мифическій первообразъ тоже держал коней. По лотыш. п. (о заходящем солнцѣ): „Солнце (*сауле*, женщина, дѣвица) плавит (купают) своих коней в морѣ; само сидит на горѣ, золотыя возжи (у него) в рукѣ“, Спрогис, 311 (15)=Бривземи., N 76. Лотыш. пѣсни много раз говорят о солнцевых конях (на пр. Бривз., N 43, 51, 73, 319, 388).

Замѣтим, что в купальской „Як пішла Ганна“. . . розмір 5+5 переходит в 6+6, при чем это колебаніе ненарушает правильности стиха. Тоже и в вар. в) только что приведенной пѣсни. Т. о. эти пѣсни средны со слѣдующею болгарскою не только по содержанию, но и по внѣшней формѣ.

Болг. п. рассказывает: с вечера мать сговорила Ян-

¹⁾ Так на основ. Годов. Ц, 582, т. е. нещипать, вм. нещипати. ²⁾ *міна* — зміна? платье . . .

ку, а утром стала ее проклинять: „дай, Господь, чтобы ты вышла замуж и

„Дом да сбереш, Янке, като тъпан пепел ¹⁾,
„Рожба да си родиш, кога върба цъвни,
„Рожба да завържиш ²⁾, сладак живот да имаш,
„Кога риба пѣе, кога Дунав дума!“

Янка свила себѣ вѣнок из „здравца“ и пошла на Дунай по воду. Три дня, три ночи ждала она, непроговорит ли Дунай и незапоет ли рыба, и наконец спросила у Ильчо, гнавшаго лодью с низу, неслучалось ли ему слышать этого. Тот усмѣхнулся и говорит: „поберемся“ (двама да се земем). Янка плачет и неотвѣчает.

Ильчо си поминж, Янка в Дунав скочи
Янка си потънж, вѣнец-ат ѿ плувнж.
Янка му говори: „много здраве, вѣнче
„(Много здраве, вѣнче) на мајка ми носи!
„Да неиде, вѣнче, на Дунав за вода;
„Ште нагребе, вѣнче, Янкини-те сълзи.
„Много здраве носи на девет мой братя,
„Сѣно да некосѣт край Дунав в ливали,
„Че штѣт да покосѣт Янкина-та коса.
„Много здраве, вѣнче, на мой мили тетя,
„Да неоре тетѣ край Дунав в нивя-та,
„Че ште да изоре Янкини-те кости“.

(Дозон, Бѣлг. н. п., 95—6).

„Вѣнец-ат ѿ плувнж“, находящее соотвѣтствіе в мр. и лотышской п., звучало бы здѣсь в мр.

Ганна втонула, вѣночек изплив ³⁾.

То, что Янка вьет вѣнок из раст. здравца, находится в связи с порученіем, которое она ему дает: „много здраве носи на . . .“ Об этом горном растеніи замѣчено в Слов.

1) Сколько пыли удержится на бубнѣ.

2) О плодовой завязи.

3) Ср. лотыш. п.: „Потонула ясеневая лодья, потонуло сто молодых дѣвиц; волна выбросила сто бисерных вѣночков“, Спрогис, 162.

Караджича, что монахи, приходя в село приносят его в гостинец (как поздравленіе и привѣтствіе) хозяевам и хозяйкам.—Порученіе плывущему вѣнку ср. с мр.

... Ой зірву я з рожі квітку, та пушу на воду:
„Пливи, пливи, з рожі квітку, та до мого роду“.
... Вийшла мати води брати, на бережку стала:
„Чогось сая з рожі квітка на воді зівъяла!
„Либонь же ти, моя доню, сім неділь лежала“.
— Нележала, моя нене, ні дня, ні години,
Та зсушили извъялили все чужії ниви.
В серб. п. дѣвица

три венца оплела.

Један венац сам себи пустила,
Другога сам братцу даровала,
А трећега на Дунај метала:
„Плавај, мили мој венчиц зелени,
„Тер приплавај пред Јурјеве дворе
„И опитај Јурјеву мајчицу:
„Ако сте ви Јурја оженили? ...

(Mikulić, Nar. pripov. i p. iz Hrv. primor., 165).

Возможно, что болг. *Янка*, принимаемое за производное от муж. *Янко*, есть собств. Анна: приставочное *й* в началѣ в болг. нерѣдкость („юрвай“, Милад. 382 и т. п.). Уменьшительное от Анна в ст.-русс. есть *Янъка* (Лавр. л.², 201—2). Впрочем сходство имен в мр. и болг. п. может быть случайно.

В. Пассек (Оч. Р., I, 115) говорит: „Порою мнѣ приходило на мысль: нѣтъ ли между этой Ганной, ея близостью к Дунаю, ея несчастной долей с одной стороны и царевною Анной, женою Владиміра, с другой—чего либо общаго? По лѣтописи, царевнѣ Аннѣ было нелегче, чѣм Ганнѣ в пѣснѣ: она с плачем поѣхала за море“.

Я с своей стороны думаю: так как извѣстно, что имена присутствующих на игрѣ вплетаются в пѣсню, примѣняемую к ним (см. выше: Оленка, Явдошка), и затѣм могут в ней оставаться, как выраженія неопредѣленнаго лица; то для множества никому неизвѣстных Ганн, вѣроят-

ность оставить слѣд своего имени в этой пѣснѣ неизмѣримо больше, чѣм для царевны Анны. Календарных причин прочности имени Ганны в купаль. пѣснѣ невидно.

В приведенном вариантѣ болгарской пѣсни материнская клятва весьма слабо связана с тѣм, что дѣвица тонет и пр. Сравненіе же с пѣснями частью того же размѣра 6+6, частью близкаго (5+5), частью совсѣм отличнаго (4+6) (на пр. Миладин., 259, 363; Безе., Болг. п., I, N 44, гдѣ почему-то из Янки сдѣлана лодочница; Милад., 262), дѣлает еще болѣе вѣроятным, что клятва материнская, которая должна прекратиться лишь тогда, когда заплет рыба и т. п., есть совсѣм особый, различно разрабатываемый мотив, лишь в одном вариантѣ внѣшним образом приставленный к мотиву: из потонувшей—трава и пр. Однако материнская клятва может быть причиною того, что дѣвица, по выраж. мр. п. „утопила головоньку у чужую сторононьку“. Ср. ниже проклятiе сыну и выше стр. 71.

Тождество размѣра нижеприводимой хорв. п. (6+6) дает возможность предположить, что за ея неясностью и благочестивыми католическими вставками (вообще частыми в пѣснях сербо-хорв. католиков, на пр. Plohl-Herdvigov, Нгв. п. р., 66: Марія вм. дѣвица, Исус вм. милый) скрывается болѣе первообразный мотив, сходный с вышеприведенным: из вѣнков дѣвицы — пшеница и вино. Дѣвица просит мать свить ей вѣнок. Та отказывается:

Нем'рем га навити проз те злате нити (?);

Нај ти га навине Јожео и Марија.

Дивојчица млада навила првога,

Хитила га таки на те житне поле,

Гдје ми расте крухек, Језушево тјело,

С којега се служе те свете мешице:

Који буду јели, звеличени боду.

Дивојчица млада навила другога,

Хитила га таки на те винске горе,

Гдје ми расте винце, Језушева крвца,

С којега се служе те свете мешице:

Који боду пили, звеличени боду

(Ploh1-Herdv., ib., 65).

— Сравненіе пѣсни о Ганнѣ и пр. с лотышскими и нижеприводимою мр., мнѣ кажется, полезно как по отношенію к примѣненію образа к нестарѣющим бытовым явленіям, каковы любовь, брак, примѣненію объясняющему живучесть образа; так и по отношенію к вопросу о древних основаніях образа.

Каково должно было быть примѣненіе, на это я старался отвѣтить, поставив эту, саму по себѣ темную пѣсню, в ряд с другими, заключающими сходный образ и болѣе менѣе явственно идеализующими судьбу дѣвицы—невѣсты. Нѣкоторое подтвержденіе для этого можно вывести из семейства лотыш. пѣсень, одна из коих была уже приведена выше по другому поводу (стр. 70—1). Другія см. у Спрог., 27—30. Два варианта говорят о выданной за муж, послѣ долгой разлуки навѣщающей родительскій дом. Старая мать встрѣчает ее, утирая слезы: „Мое милое дитя (собств. взлелѣянное, выношенное на руках)! Как далеко ты на чужинѣ! Это девятое лѣто, а ты в первый раз пріѣхала навѣстити!“ В третьей пѣснѣ тѣми же чертами изображается посѣщеніе тетки. „Вошла отцовская сестра, как солнышко, в избу... Тут всѣ мои дѣтки, только нѣтъ младшей (племянницы). — Меньшая (сестра, отвѣчают племянники) пошла гулять на берег рѣки... рвать цвѣты черемхи. Когда она рвала, упало (в воду) золотое колечко; доставая колечко (ср. выше стр. 69, 70, 73), уронила она покрывало; доставая покрывало, падает сама в рѣчку. Неснула (незадержала, неоставила у себя) рѣчка, вынесла в море; несло море, выбросило на берег. Там выросла густая липа о девяти вѣтвях. Из девятой вѣтви ея братья сдѣлали гусли. Говорят братья играя: печально звучат эти гусли; так плачет наша младшая сестра, ходя по чужой землѣ“. Как в извѣстном сказочном семействѣ (Ае., Ск., VIII, 313) дудка из калины, выросшей на гробѣ убитого, в руках братьев или сестер поет про его судьбу; так здѣсь гусли, дунца липы—дѣвицы, говорят, что она выдана

в чужи люди. Что „душа“ употреблено мною не произвольно, видно из слѣд. лот. п. Умершаго с горя отвергнутаго жениха скоронили в розовом садочкѣ. Там выросла густая липа о девяти вѣтвях. Что воскресенья ходят туда дѣвицы; свивши вѣночки, идут в церковь Маріи. Марія спрашивает, плача: „гдѣ, дѣвица, взяла такой (вѣночек)?— В Ригѣ купила, деньги дала.— В Нѣмеччинѣ сковала. — „Что лжете, дѣвицы? *Это душа молодца*“ (Бривз., N 382; ср. ib. 381). Растенія выросшія на гробѣ несчастныхъ любовниковъ — широко распространенный странствующій мотив. В настоящемъ случаѣ примѣненіе к молодцу и причина его смерти могут разсматриваться, какъ относительно позднѣйшія наслоенія, несущественныя по отношенію к основному образу (тонет дѣвица), который находим и в слѣдующемъ вар.: „Побѣжала (я) сиротина с плачемъ по берегу рѣки, срывая липовыя цвѣты. Доставая цвѣты, упала сама в рѣку“. Рѣчка (какъ выше) выноситъ ее в озеро, озеро в Двину, Двина в море, море выбрасываетъ на комъ пѣны. „В ногахъ моихъ выросла густая липа. Божьи сыновья (*diva dali*) проѣзжая мимо, сломали верхушку, заткнули за шапки, поѣхали в церковь Маріи. Марія сказала: это не липовыя цвѣты, это дорогая (милая) душенька утонувшей в морѣ *во млнстое утро*“ (*Magazin der Lettisch-literärisch. geselsch. XIV B. 2 (1869), 164*). Имѣет ли послѣдняя черта мифологическое основаніе, сказать трудно. Тамъ же (165), какъ *колядка* с припѣвомъ *koladu, koladu!*, — вариант, по началу примыкающій к нѣкоторымъ редакціямъ сказки о калиновой дудкѣ (сестра из зависти убиваетъ сестру, на гробѣ которой вырастаетъ калина) и о Рись—мати [Рудч., II, N 18: одна сестра топитъ другую, обладательницу золотой яблони и, какъ служанка (= туманная служанка солнца, Спрог. 312, 25) другихъ вар., выдаетъ себя за ту, которую утопила]: „нас было три сестры; меня третью взненавидѣли, вбросили меня в рѣчку“ и пр., какъ выше.

Мр. „*постова́*“, т. е. веснянка:

У дощовую негоду

Пішла невіхна по воду,

- Кинула відерця на воду, 2.
А коромисел на море:
- 5 „Станьте, відерця, каменем,
„А коромисел явором!“
Іхали купці Харьківці,
Стали явора рубати,
Тонки гуслоньки тесати,
- 10 На сине море пускати:
„Пливіте, гуслоньки, пливіте,
„Та жалібненько гудіте,
„Так як невіхна в свекорка:
„З ночі до ночі в роботі,
- 15 „К білому світу в клопоті“.
Ст. 16 = 1.
Пішла дівчина по воду.
18—26 = 3—11
- 27 „Та веселенько гудіте,
„Так як дівчина в батенька;
„З ночі до ночі в таночку,
„К білому світу в віночку“.

(Записано в 1863 г. В. С. Гнилосыровым от женщ. из Волч. у.).

„Густи“ о гусях в мр. архаично. Сравнение с вышеупомянутыми лотышскими и слѣдующею вр. дает возможность предположить, что „у дощовую негоду“ (в лот. „в туманное утро“) тонет и превращается в дерево первоначально не коромысло, а сама дѣвица. Это образ участи невѣсты. Вторая половина мр. п. могла развиваться из первой под влияніем обычнаго в веснянках противополoженія доли замужней и дѣвицы. Вм. „невіхна“ в ст. 2 могло первоначально стоять „дівчина“.

Под влияніем варианта вышеприведенной мр. веснянки возникла средняя часть вр. п. (См. Оскольск. у.), сохраняющая еще слѣды первоначальнаго размѣра 5 + 3 („Возьму, млада“, т. е. возьму м'лада и пр.).

Ой молодость, молодость,
Да дѣвичья ты красота!

На чем тебя вспомянуть,
Вспомянуть тебя воздохнуть?
Вспомяну свою молодость
Тоскою—кручиною,
Печалью великою.
Да не я спи́ла—съ́ла,

9 Иль хóроше сходила . . . ¹⁾

10 Возьму, млада ведерцы,
Пойду, млада, по воду,
Пущу вёдры под гору,
Сама взойду на́ гору:
„Станьте, вёдры, пеньями,
„А я, млада, яблонью,
„Яблонью кудрявою!“
Ъхали бояре из Москвы,
Рубили яблонь под-корень,
Кололи доски тонкія,
20 Дѣлали гусли звонкія.

21 Да кому в гусли поиграть?
Да кому под них поплясать?
Играть будет Петру—судырь,
Петру ли свѣт Степанычу;
Плясать будет то Марьѣ свѣт,
Да Марьѣ свѣт Ивановѣ.
Ой Петр—от свѣт, позвончѣй,
А Марья—свѣт поплавчѣй!

Запѣвъ (ст. 1—9) есть позднѣйшая приставка, связанная со слѣдующими ст. 10—20 (=мр. веснянкѣ) лишь тѣм, что пѣвица, замужняя, вспомнивши молодость, вспоминает и пѣсню изображающую дѣвичью судьбу. Г. Кохановская (Остатки бояр. пѣсень, Р. Б. 1861, II, 128), незамѣчая

¹⁾ Это прямо мр.:

Та ні я спи́ла—съ́ла
Ни хóроше сходила.

указанных выше разчленений этой пѣсни, понимает *post hoc* как *propter hoc*: „с тоски с печали о безрадостной молодости молодая молодуха стала яблонью кудрявою“. Если, как вѣроятно, пѣвица примѣняла превращеніе к себѣ, то оно в символическом смыслѣ выхода замуж совершилось за долго до воспоминаній о молодости.

Окончаніе пѣсни (ст. 21), приставленное к ней независимо от запѣва, дѣлает из нея величанье, вѣроятно, мужа и жены, присутствующих на „бесѣдѣ“. Символизм спутан: играть на гуслях=любить такую-то (см. выше 12), но она же является и пляшущей. Из сочетанія готовых поэтических мотивов выходят иногда цѣльные художественныя произведенія высокаго достоинства, но выходят и болѣе-менѣе безсвязныя сцѣпленія. Я не могу вм. с г. Кохановскою (1. с.) думать, что эта пѣсня „замѣчательна по изумительной силѣ народнаго духа“ потому дѣ что она „принадлежит к тѣм пѣсням, гдѣ слова плачут, а пѣсня весело поет и пляшет“.

Превращеніе вѣдер в камень и коромысла (= самой дѣвицы) в явор могло быть *mutatis mutandis* перенесено на молодца в слѣдующей колядкѣ, которой первая половина (1—25: мать проклинает сына, 3 сестры его провожают из дому, младшая спрашивает:

„Коли-же братейку, гостейком будеш?“

— Як білий каменец на верха сплине и пр.)

составляет особый, извѣстный в нѣсколькихъ вариантах пѣсенный мотив:

... Навернув конѣм от схода сонця

Та й поїхав си у темний лісок.

Вийхав овін в чистое поле,

Став му коничок білим камінцѣм,

Він молодежкїй зеленим явором.

Ой стала мати за сином плакати

И пішла она за ним глядати.

Вийшла она си в чистое поле,

В чистое поле, в болонічейко,

Та и став єї дожджик кропити,

Та стала она на білий каминь,
На білий каминь, під зелен явір,
Ей стали єї мушки кусати,
Стала она си галузки ламати,
Прорік яворец до неї словце:
„Ей мати моя, мати проклята!
„Недала єс мі в селі кметати,
„Ище мі недаш в полю стояти!
„Білий камінец—сивий коничок,
„Зелене листья—мое одінья,
„Дрібні прутики—мої пальчики“ . . .

(Голов., II, 55).

Считаю вѣроятным, что в основаніи образа тону-щей дѣвицы, из которой вырастает липа или явор, ле-жит солнечный миѳ. Выше (стр. 71), по поводу одного из вар. разсматриваемых здѣсь пѣсень, приведено доволь-но ясное свидѣтельство лот. п.: „Густая липа выросла на концѣ пути солнца“ и пр. Если, как можно думать, раз-сматриваемый пѣсенный мотив вмѣстѣ с вышеупомянуты-ми сказками, принадлежит к одному семейству с древне-египетской сказкой о Батау и Анепу (разсмотрѣнной Ман-гартом в *Lett. Sonnenmyth. Z. f. Ethnolog.*, VII, 235, 327); то можно ожидать, что и в пѣснѣ окажутся слѣды полного круга превращеній солнечной дѣвы, т. е. в дере-во и потом обратно, сходно с упомянутыми сказками. Со-гласно этим можно разсматривать слѣдующую лот. пѣсню, какъ продолженіе исторіи утонувшей дѣвицы:

„Куда ты летиш, сокол (ч. коршун, ястреб), надѣв-ши восковыя рукавицы?“ — Лечу навѣдаться к липѣ, ве-лика ли она выросла ¹⁾. — Густа, высока я выросла, вѣ-

¹⁾ С этим началом параллельны начала двух других пѣ-сень: а) „Куда ты поѣдеш, братец, надѣвши бѣлыя рукави-цы? — Поѣду навѣститъ сестру; слышу, обижают ее чужанин (муж)“, *Magaz.* I. с. 174, *Спрог.* 241—2; б) „Куда поѣдеш, братец, обувши бѣлыя ноги? — Ты сестрица неспрашивай. По-дай мнѣ мечъ, поѣду в золотой лѣс. — „Привези мнѣ золотую

тви опустила в Двину. Я сломя верхушку, брошу в морскую глубину. Найдут моряки-рыболовы, возьмут меня в лодку, повеют шелковым пологом, отнесут в церковь Маріи, положат в золотую колыбель. Положив в колыбель, зовут ангеловъ укачивать. Укачивали два божьи сына, укачивая, укаживая (ождая?) выкачали красную дѣвицу“. За тѣм слѣдуют стихи непонятные мнѣ, а по видимому и и издателю, которому принадлежат вопросительные знаки:

Paziešt (?) sowu mamuleniū.

„Kur tu bieі miła motie?“

„Szym godym po jureniu lidineju

Por pałaku wanadzianiu“. (?)

Предпоследній стих испорчен вставкою „szym godym“ [„Этими годами (этим временем?) я носилась по морямъ сивым соколом (в. сѣрым ястребом)“?], *Magaz. d. Lett. Ges.* 1. с., 168—9. Вариант у у Бривз. N 123 начинается съ „Я сломила вѣточку“ и кончается такъ: „Качает, лепѣет ее Марія, и выросла красная дѣвица съ золотыми волосами и бѣлорумяным лицом“.

Эпизод Калевалы о прекрасной Айно представляет нѣсколько точек соприкосновенія со славянскими пѣснями. Так Айно вяжет три (банные) вѣника (= вѣнки слав. п.) для отца, матери и брата, но не для стараго Вейнемейне-на, за котораго нехочет идти за-муж. Она говорит, что лучше ей утонуть в морѣ чѣм выйти за старика ¹⁾. Когда

вѣтку“. Из этой золотой вѣтки свила я себѣ вѣночек, вошла в церковь, господа спрашивают: „Гдѣ ты взяла? Кто тебѣ дал? — В Ригѣ купила, деньги дада, в Нѣмеччинѣ сковали“ (*Magaz. ib.* 169).

¹⁾ Ср. на пр. вр.:

На дно моря пойду, за стараго нейду;

ручки недам!

Незамай мое тѣло вода размывает,

Незамай мое бѣло рыба разѣдает,

она утонула, мать плачет по ней в три ручья, три потока, на каждом три водопада, в каждом водопадѣ по три скалы, на каждой скалѣ по зеленому холму, на каждом холму по три зеленыя березы и на каждой березѣ по три кукушки, при чем однако всѣхъ кукушекъ только 3: одна три мѣсяца кукуетъ (по?) дѣвицѣ, другая 6 мѣсяцев осиротѣлому жениху, третья — всю жизнь — бѣдной матери. — Это измѣненіе мотива извѣстнаго всѣм славянским племенам, литовцам и латышам скорѣе пришло с юга на сѣвер, чѣм на оборот.

Среди такой обстановки находится слѣдующій мотив.

Когда мать Айно была еще в дѣвках, дѣва солнца дала ей золотые дары (пояса и пр.), дѣва мѣсяца серебряные. Дѣвица от радости два дня неснимала их с себя, на третій спрятала их в сундук, гдѣ они лежали до возраста ея дочери. Айно надѣвает это *солнечное и мѣсячное платье* и в горѣ от предстоящаго замужества, приходит к берегу моря. Утром *при восходѣ солнца* она увидала вдали — 3 дѣвицы купаются. Она сняла платье и поплыла к ним, по пути сѣла отдохнуть на камень, камень погрузился на дно и Айно утонула. Утопая, она говорила: „пусть никогда мой отец не закидывает сѣтей в этих водах, мать не берет отсюда воды для дома, брат не поит здѣсь коня, сестра не умывает своего лица“, п. ч. „эти воды смѣшаются с моею кровью и рыбы здѣсь будут питаться моим тѣлом“ (Кал. перев. Гранстрема, 25).

Солнечное и мѣсячное платье утонувшей приводят на память слѣдующую словацкую пѣсню, которая по размѣру $2(6+6)$ отчасти или вполнѣ сходна с вышеприведенными мр., болг., хорв. (стр. 206, 210, 212), а по общему характеру подходит к другим пѣсням того же раз-

Незамай мою косу волна разбивает,
Незамай мою русу трава первивает,

(Коханов., Нѣск. р. п., 94—5).

мѣра и разряда (см. мой Разб. пѣсень Голов., 47 слѣд.).

Naša pani kňahne po palote tiahne,
Pieseňku si spieva, slzami zalieva:
„Bože môj, Bože môj, čo som urobila,
„Za teba, suhý býl, ružu som pustila.
„Keby bola išla za Dunaj za králá,
„Za Dunaj za králá, za Nemca cisara,
„Bola by videla jak to more ihrá,
„Jak to more ihrá, jak ten Dunaj splýva“.

Конюх подделушивает эти сожалѣнія и доносит ея мужу, который приказывает:

„Pani moja, pani, obliekaj si šaty
„Čo sa budú rovnat' slnku i mesiaci.
„Pojdeme sa dívat' jak to more ihrá,
„Jak to more ihrá, jak ten Dunaj splýva“

и заставляет ее трижды переплыть Дунай:

„Mojou kňahňou budeš, keď tretí raz prejdeš.

За третьим разом она тонет. Он:

„Rybári, rybári, lapajte mi rybu,
„Lapajte mi rybu, môjmu srcu líbu.

За первым разом вытянул он ея вѣнец, за другим „губок“ за третьим саму (Sb. Matice slov., I, 41).

В моравской п. весняночнаго размѣра Дунай должен переплыть жених:

Tam z tej strany Dunaju
Tam se chlapani schádzajú
Sobě hadky dávajú:
„Kdo ten Dunaj přeplyne,
„Ten to děvče dostane“

(Suš., Mor. n. p., 189).

Тот же мотив без всякой вѣроятности заимствованія с одной или другой стороны, в колядкѣ (запис. в Вилен. губ., сообщенной мнѣ студ. Садовским):

Посеред двора широкаго,
Там плывецъ Дунай цихусянькі,
Там стоїць явор зелянюсенькі.

„Хто геты Дунай пираплывець,

„Хто геты явор пирасячець?

Адазався малады N

„Я геты Дунай пираплыву,

„Я геты явор пирасяку.

С этим ср. купальскую (Шейн, Бр. п., 164):

У короля сирад двора

Божа ж мой!

Тынок высок, Дунай глубок.

„Хто геты тынок пираскочиць,

„Хто геты Дунай пираплывець,

„Каралевночку за сябе возьмець.

Исполняет эти задачи не N, а N (величаемый).

Преображение убитой. К другой группѣ, отличной от пѣсень о Ганнѣ по размѣру (основной разм. 4+4), принадлежит купальская у Чуб., III, 213, А:

Торох, торох (в. порох 2.) [да] по дорозі,

Голос, голос [да] по дуброві...

... [Ой] то брат сестру зарубать хоче,

[А] сестра (в) брата [да] просилася:

„Ой братіку, муй голубчику!

„Нерубай [ти] мене й у субуйтоньку,

(Зарубай мене й у неділеньку)

Й у неділеньку [рано] пораненьку,

Посічи [тѣ] мене [да] на друйбен мак

[Да] посій [ти] мене й у трох городочках,

Й у трох городочках [да] на трох грядочках,

[А] й уродиться да трой зілечко...

[Шо] любисто(чо)к [за] для любощей,

[А] барвіночок [за] для дівочок,

[А] василечок [за] для пахощей.

... [И] до церкви йдуть [и] васильки несуть

... [И] мене спомянуть, [и] тебе прокленуть.

Послѣ 15-го ст. въ этом вар. пропуск, дополняемый дру-

гими вариантами: Б (Чуб. ib.) и В (Черн. губ. Вѣд. 1855, № 21, мѣстечко Юриновка Новгород-сѣвер. у.):

Порах, порах па дарогах,
Иване, Иванесеньку!

Сестрин галасок па дубровах:

Сестра в брата просилася:

„Братко-ж ты мой да й Иваначку!

„Негуби мене да й у барочку,

„Приведи мене да й да дамочку,

„Загуби мене в неделячку,

„Як измыю да й галованьку,

„Да й заплету русу косаньку.

„Загуби мене в-край дарозі (v.)

„Абсей мене гваздычками

„Абсады мене василѣчками,

„Девачки йдуть, гваздычки рвуть

И мене зпаминуть:

„Тут спить—лежить Иванава сестра!“

„Парабочки йдуть, стрелачки рвуть

И мене зпаминуть:

„Тут спить—лежить Иванава сестра

Да й Анюшачка!“

(Маладички йдуть) василѣчки рвуть

И мене зпаминуть . . .

Иване, Иванесеньку.

Пѣсня эта извѣстна и как русальная (Чуб. III, 191), стало быть вовсе не исключительно приурочена к Купалу. Весьма вѣроятно, что она, как и пѣсни о тонущей дѣвицѣ, примѣнялась к выходу замуж. Превращеніе в цвѣты можно сблизить со свадебным мотивом: невѣста сѣет свою красоту, долю (Гол. IV, 216, 235—6; 212), которая вырастает цвѣтами, достается другим дѣвицам (ср. мое соч. Сл. о П. Иг., 57—9); оставляет свои цвѣты на память матери, сестрѣ—дѣвицѣ (Чуб., IV, 258, 405), как оставляет она свой дѣвичій вѣнок (Чуб., IV, 178; ср. Гол., I, 178), свой портрет (Гол., IV, 217).

Польскій вар. (Kozłowski, Lud etc., 41—2) мотивирует убійство тѣм, что сестра непослушалась брата, уѣхавшаго на войну, потеряла вѣнок, привела дитя. В этом, но не въ слѣдующих стихахъ пѣсня самостоятельна по отноше- нію к мр.:

Porumbciez me w drobny masek,
Zasijciez me w ogródeczek,
(Za)sijcie me we świtanie,
Jok nojrońsy ptasek wstanie;
Wyrośnie ze mnie troje ziela...
Rutka, lelijo i sołwija;
Bendo tamuj panny pytać
O grzeczny Kasi bendo spiwać.

Нѣкоторые русс. вар. (Чуб. III, 191; 213—4, Б; Безс., Бр. п., 43; ср. и Шейн, Бр. п., 156) рационализуют превра- щение:

... поховай мене,

Обсади мене трома зільлями.—

Потеря перстня дѣвицей (мотив, о котором будет рѣчь и ниже) переносится в хорв. пѣснѣ на св. Юрѣя, как можно думать, лишь на том основаніи, что пѣсни, в коих встрѣчается этот образ, совпали по времени с днем св. Георгія:

Свети Јура крес наложил
На Јурјеву на вечерју,
Димо пошел, перстен згубил.
„Иди, луба найди га...“

(Kukuljević, Dela, IV, 249).

Подобным образом смерть и превращение в растенія в слѣд. купальской п. приписаны Ивану:

Йване Йвашеньку,
Та непереходь та дороженьки,
Купала на Йвана!
Купався Йван та в воду упав,
Купала на Йвана!

Як перейлеш, виноват будеш,
Виноват будеш, й коника збудеш.

Як поймаем, порубаєм
На дрібен мак, на капусточку,
Та посієм в трѣх городочках...
... Та виросте з тебе три зілини...

(Метл., 310; В. Пасек, Оч. Росс., I, 96:

... Посічу тебе на капустоньку
Та посію тебе у трѣх городцях.
Та вроди, Боже, трое зіллячок...).

Мотив убійства — переход через дорогу — может быть первообразен и имѣть мѣстическія основанія.

Черты „в воду упав“, „коника збудеш“ в самой этой пѣснѣ неимѣющія значенія, намекают на существованіе другой, сродной, с коей они тѣснѣе связаны, в родѣ на пр. слѣд. купальской же того же размѣра (5+5):

Иване, Ивашеньку!

Та неграй конем да по над морем,

Иване, Ивашеньку!

Да Дунай-море да й урічливе,
Урочу ¹⁾ я тебе и коня твого
Коня вороного, тебе молодого ²⁾,
Збру(о?)ю твою да козацькую,
Красоту твою молодецькую.
Збру(о?)ю твою на возах везуть,
Красоту твою на руках несуть,
В збру(о)ю твою убіраються,
украшаються...

У Чубинскаго, III, 221—2 непосредственно за сим идет пѣсня того же размѣра на тему: „вдову легко брати а важко жити“, а дѣвицу на оборот, извѣстная, как самостоятельная веснянка (Чуб., III, 114—5). Причина сшивки этих двух пѣсень, кромѣ единства размѣра, может быть та, что и первая, несмотря на реалистическія черты взя-

¹⁾ Кто говорит? море?

²⁾ Можно бы ожидать „коня вороньця й тебе молодця“.

тыя из козацких пѣсень, примѣнялись к сватанью и браку: Возможность такого пониманія дана была стихом:

„Та неграй конем та понад морем“, ибо „ходить коло води“=любить, ухаживать:

Ой неходи коло води, бо з берега втонеш;

Ой нелюби багатої, убогую візьмеш

(Чуб., V, 38; ср. Гол., IV, 473).

Ой неходи по-над воду, бо в полонку впадеш;

Ой нелюби чужих жінок, бо кайдан неввійдеш

и пр. (ib. IV, 517).

Ой неходи коло води білими ногами,

Неуривай серця мого чорними бровами.

Ой неходи коло води, нехай тя забуду;

Нехай тебе инший любить, я тебе небуду

(Гол., II, 271).

Ср. ib. 753, 91, а по первому стиху ср. слѣд.:

Ой неходи коло води, жовтоногий кібче:

Єсть у мене кращий тебе, доріженьку втопче.

Ой неходи коло води, жовтими ногами:

Єсть у мене кращий тебе з чорними бровами

(От черноморца).

Совершенно явственно тоже значеніе (=ухаживать, любить) у Гол., II, 403—4 (NN 739—742 должны быть соединены в одну пѣсню). Отсюда понятно слѣдующее:

Куди хожу, туди хожу, а все по-над воду

(т. е. чтобы ни дѣлала, а все—мысль о нем; а между тѣм)

Гей неприяде мій миленький на мою незгоду

(Гол., II, 407).

Ходит милий над водою, сітков рыбу ловит;

(а между тѣм)

„Щось до мене, пане брате, дівчинонька неговорит

(Гол., III, 136).

Ти на тім боці, я на сім боці,

Обое над водою;

Несуди-ж ти мене, серденько мое,

Стоячи з другою (Чуб. III, 175),

т. е. хотя мы в разлукѣ, но любим друг друга, поэтому...

Отношеніе образа „быть у воды“ к началу пѣсни „... Вівчарь вівці ганяє“ см. в моем Разб. пѣсень Головацкаго 20.

По отношенію к значенію „коло води“ образ дѣйствующаго безразличен. Ср. выше „жовтоногий кобець“ и ниже лебедь, голубь: Чуб., V, 224; Гол., III, 386—7, 780.

Упасть с коня в воду = жениться, Голов., III, 819; IV, 445.

Превращеніе сгорѣвшей (сгорѣшаго).

Б. м. не случайно, а в силу принадлежности к одному и тому же разряду и в силу связаннаго с этим древняго сродства образов, выше разсмотрѣнныя пѣсни о тонущей дѣвицѣ и по размѣру сходны с пѣснями о горящей липѣ — дѣвицѣ. Ср. русс., серб., болг. п. о тонущей, на пр. серб.

Бјелила Маре дарове (стр. 71—4, 194)

и морав., хорв., поль., русс. о горящей, на пр. поль.

Pod bogem sośnia stojała

A pod niim panna gorzała

(стр. 180 сл.).

Пѣсни о превращеніях утонувшей (убитой, убитаго) отличны по размѣру (6+6 и 4+4). Этим ослабляется ожиданіе подобнаго случая, именно пѣсень о превращеніях сгорѣвшей (сгорѣшаго). Тѣм не менѣе вѣроятно, что этот мотив, как самостоятельный или главный, существовал, облеченный в размѣр 5+3, ибо в качествѣ второстепеннаго, он вошел в нѣкоторые вар. пѣсни о дѣвицѣ утопившей свое дитя и за то казненной. В одних вар. палач ей рубит голову (Suš., Мор. п. р., 158) или бросает в рѣку (Suš., ib. 157; Kolb., P. 1. pol., 155 сл.). Последнее дает повод внести сюда вышеразсмотрѣнный мотив: дѣвица тонет, отец и мать ее неспасают (Kolb., ib., 166—7). В других вар. — сожженіе:

... I zaralcie ją (Kasię) na polu

I nagóbcie z niej poriołu и пр. (Kolb. ib. 153).

Или она сама говорит когда ее сожигали:

Naróbcie ze mnie poriołu
I rozsiejcie mnie po polu.
Wyrośnie ze mnie róży kwiat
Będzie mnie płakać cały świat и пр.

(ib. 154, 161).

К малорусской купальской (см. выше стр. 352):

Посій мене в трѣх городках,
Уродиться тройзіллячко:
Любисточок для любощей,
Барвіночок для дівочок,
Василечок для похощей

примыкает болгарская хороводная (от хоро), в которой сожженіе является уже сознательно-иносказательным поэтическим образом:

Море велико, море кадуно!

Изгоре ме, опали ме,
Учини ме сухо дрво,
Сухо дрво яворово.
Земи телка ¹⁾, осечи ме,
Та ме стакни (в) силен вогень,
Яз ке стана прах и пепел.
Та ме збери в тенки скути,
Та ме фрли в градина-та,
Градина-та базилок-о.
Яз ке никна жълто цвеће,
Да ме береш мале китке.

Сходно с этим в вар. Милад. 376—7:

Да го сеиш (пепел) во градина
Да израстит рамн босилок,
(Рамн) босилок киска цвеке,
Да го берат девойки-те
Да го посѣт в пазу'и-те ²⁾

¹⁾ Съкира.

²⁾ Вар. у Верковича, Н. п. Макед. Буг., 53—4 к приведенным выше стихам 1—12 присоединяет другой мотив. Обо-

Болѣ длинный ряд превращеній в слѣд.:

Ако умрам, да нежаляш,
Да не жальяш, да неплачиш,

ротившійся в цвѣток просит:

Ми недавай на моми-те,
Че моми-те лудо носат:
Ден ваздаден на глава-та,
Вечер ке си дома дойдат,
Ке ме свалет от глава-та,
Ке ме фрлет ¹⁾ сред кашта-та,
С'утром рано ке да станат,
Ке да сметат рамна кашта,
Ке ме фрлет на буниште ²⁾.
Да ме дадеш на момчета,
Че момчета мудро носат:
Ден вазда ден на глава-та
Вечер ке си дома дойдат,
Ке ме кладот студна йода,
Ке ме земат от вода-та
Ке наредe на глава-та.

Этот мотив, как самостоятельный, в серб. п. того же размѣра:

... Невен цвијет проговара...

... Јунацим' ме недавајте,

Јунаци ме ружно носе:

Об дан носе за саруком

А у вече веће баче,

А ја јадан веће вехнем.

Ћевојкам ме раздјелите:

Ћевојке ме добро носе:

Об дан носе за јашмаком,

А у вече у водицу,

А у јутру у недарца

Тад невехнем, него чезнем.

(Кар., Пјес. из Херц., 252. Другая сходная п. „Смиль се ту-
жи“ id. Пјес., I, 382). Болѣ далека и отлична по разм. 5+3
мр. веснянка (Чуб., III, 68; Гол., IV, 166: Роман зилля копае)
и бр. того же размѣра купальская (Шейн, Бр. п., 151):

(Ой) у гародзе над тынком
Дваранин зелья копаць.

¹⁾ Бросат средь избы. ²⁾ Сметник.

Да ме зе'ниш во скуте'и,
Да м' однесиш на гемія,
Да ме фрлиш по море-то.
Ке се сторам морска риба,
Ке ме фатет влакари-те,
Влакари-те, рибари-те,
Ке м' иста'ет на ноф назар.
Ти д'излезеш да ме купиш,
Да ме вариш, да ме печиш,
Ке се сторам праф и пепел.
Да ме збериш в ал шамія,
Та да појдиш во градина,
Тамо да ме испосеиш,
Ке излезам рами босилок,
Що го носет девојки-те
Девојки-те в пазу'и-те;
Ке излезам бяло цвеке
Що го носет юнаци-те
Юнаци-те пот фесо'и

Милад. 458 (ср. тоже ib. 378—9 (N 296), 387 (N 318)).

IV.

Веснянки (Петровочныя, Купальскія) розміра 5 + 4.

Розмір $^2(5 + 4)$, представляючий можливість растяженія второго метра до 5-и слогов, на пр. „Ой весна, весна | (та) весняночка“, столь же характеристичен для весенних и лѣтних дѣвичьих пѣсень, как розмір $^2(5 + 5)$ с припѣвом — для колядок. Ср. на пр.

— „Ой весна, весна да весняночка“,
веснян., Чуб. III, 113.

— „[Ой] на морі утка купалася“,
весн., Чуб. III, 134—5; Шейн, Бр. п. 121—2, купаль-
ская ів. 155 и весн. Чуб. III, 146.

В мр., бр. вариантах утка

На бережечку *сушилася*;

Дівка (Оленка) *журилася* . . . ,

т. е. переходъ мысли, как в словѣ *сухота*, печаль. В Ст. Осколь. у. пѣсня с таким же началом — свадебная, основанная на другом сближеніи, извѣстном и в мр. свадебных (Чуб. IV, 181, 354): утка боится холодной воды (лютаго мороза), дѣвица — лютаго свекра („На морѣ утушка купалася“, Кохановская, Остатки бояр. пѣс. 94, Р. Бес., 1861, II).

— В предыдущую веснянку вводится ст. „Чи було літо, чи не було“, неумѣстный в веснянкѣ, собственно принадлежащій слѣдующей Петровочной.

Та Петрівочка минається!

А чи було літо, чи не було,

Чомусь воно мені недовучило;

Що я молода[я] негуляла,
Що я челядоньки невидала.
Мене моя мати непускала,
Та й у комірочку зачиняла,
Золотим замочком замикала,
[А] замикаючи [при]говор[юва](и)ла:
„Оттут сиди, доню, в комірощі,
„Поки розійдуться вечерниці!“
А я [в] комірочку підкопала[ся]
Пішла на улицю, [на](по)гуляла[ся].
Иду из улиці нагулявшися,
Сидять вороженьки повисипавшися

(Волч. у.; ср. Метл. 328: Чуб. III, 132, 146).

— Весн. „Та дубрівная (та) зозуленько“ Метл. 305; Чуб. III, 144—5 (А. Ст. 1—9, Б.); Голов. II, 680. Это жалоба невестки, или дѣвицы, которая представляет себя уже невесткой.

Сходны по началу, но другого весняночного розміра 5+3+3, пѣсни у Голов. II, 179, 183.

— Весн. „(Ой) у горѣді у холоді“, Чуб. III, 155 (как мать будет горевать, выдавши дочь за-муж).

— Весн. „Ой горе, горе, сухой дубе“ (см. выше 139; и слѣдующій вар.:

Ой сухой дубе, гориш дуже,
Паше поломья через воду, 2
Ой через воду, на слободу, 2
Де Катерина биль білила, 2
5 А биль білила, шиття шила, 2
Й та к тому шиттю говорила: 2
„Ой шиття мое блесеньке! 2
„Ой як я піду за милого, 2
„То виперу тебе в Дунаечку, 2
10 „Висушу тебе на сонечку, 2
„Скачаю тебе на столичку, 2
„Сховаю тебе у скринечку“. 2
Ст. 13—18=1—6
19 „Ой шиття мое тонке біле! 2

„Ой як я піду за нелюба, 2
„То виперу тебе в калюжищі, 2
„А висушу тебе у димищі, 2
„Та скачаю тебе на землищі,
„Сховаю тебе у бодніщі“.

(Волч. у.) „Біль білила“ см. также Шейн, Бр. п. 132.

— Петровочная „Малая нічка Петрівочка“ (см. выше 140) и купальская „Малая ночка купалночка“ (ib. ср. Шейн, Бр. п., 157).

— Весн. „Летіли гуси зизаючи“ (величанье своего села и насмѣшки надъ чужимъ), Чуб. III, 161—2.

— *Петровочная:*

Ой під вербою зеленою
Там стоять коні на припоні 2
И посідлані й понуздані, 2
Ой тільки сісти, поїхати 2
Та й у Рубіжню дівок сватать. 2
Та й у Рубіжні дівки багаті:
Шиють рушнички з крамнички,
Торочять торочки з чорного шовку

(Волч. у.), 2-я половина (Там, (т. е. в другом селѣ N), усе дівки убогі) опущена. Ср. Чуб. III, 114—5.

— *Купальская:*

Та купалочка з купала йшла
Та кропом очі завішала,
А в зуби ріпи натикала.
А їй же люде дивуютьця.
„Та недивуйтеся, дивні люде!
„Я бачила (диво) ще дивнійше;
„Що рак-неборак цівки суче,
„Муха-горюха діжу місить,
„А комарь пищить, водицу тащить:
„Ой як би мені не перелази,
„Тоб привіс [водиці] (и) ще [й] чотири рази.

Волч. у.

Ср. три хорошіе вар. у Шейна, Бр. п. 148—9, испорчен-
ный у Чуб. III, 200—1 (Из Б. р. н. Терещ.)=Безс. Бр.

п. 54, с ошибочными объясненіями того, что значит „рак на буйрак“ (т. е. неборак) и цівки*.

— Весн. „Ой під вербою [да] неметено“, Чуб. III, 126, Купаль. ів. 210.

— См. также купаль. у Чуб. III, 211, 212, 213—4, 219, 220.

До чего исключительно этот размѣр принадлежит весенним и лѣтним пѣсням, видно и из того, до какой степени он необычен в пѣснях другого содержанія, неприуроченных к веснѣ и лѣту. В V-м т. Сб. Чуб., заключающем в себѣ образцы почти всѣхъ употребит. размѣров, всего 1884 N пѣсень. В этом числѣ пѣсень размѣра 5+4 около десятка, при том почти исключительно таких, которыя или суть веснянки, петровочныя и пр. или ведутъ отъ нихъ свое начало.

Т. о. пѣсня „Ой ти дѣбровная зозуленька“, Чуб. V, 688—9 есть прямо петровочная, а сходная съ нею по началу п. Чуб. ів. 360 (706), находящаяся и во внутренней связи с предыдущею, имѣет размѣр 5+4 только в первых двух стихах, чѣмъ быть может указывает на свое происхожденіе, а затѣмъ переходит в 4+4.

Можно попытаться возстановить первообраз этой пѣсни, напоминающей *Theilung der Erde* Шиллера и вр. стих у Безе. Кал. I, 1—7) или таким образом:

Боровая зозуленько!
Чому рано некувала,
Чому правди неказала?
Чому рано незбудила?
Чужі дівки рано встали,
Щастя—долю розобрали;
Я молода спізналася,
Лиха доля зустрілася и пр.

или в размѣрѣ 5+4.

П. „Ой ти утка сіра луговая“ есть прямо великорусс. плясовая, т. е. всетаки веснянка (Сах. Ск. Р. н. I, 3, 87; Шейн, Вр. п., 218), весьма распространенная до Харьк. г.

включительно, своим размѣром и характером доказывающая, что разсматриваемый разряд пѣсень не принадлежит исключительной малорусской пѣсенности:

Ой ты утушка луговая!
Люли, люли луговая!
Ты (и)гдѣ спала—ночевала?
Ночевала я в лужочкѣ,
Под ракитовым под кусточком,
Под калиновым под листочком.

—
Уж как шли прошли скоморохи,
(=Тут ишли—прошли три вдальѣ,
Три молодчика молодые)
Они сръзали по пруточку,
Они сдѣлали по гудочку.
„() , вы, гудки, негудите,
„Мово батюшку несбудите!
„Мой-ет батюшка спит с похмѣлья,
„Со великого перепюю;
„Моя матушка за рѣкою
„() Варит пиво (молодое?)
„() Курит вино зеленое,
„() поит зятя молодого
„Своего гостя дорогого“.

Значит, как говорит дѣвица в другой мрусс. лѣтней,
„Я одврадуся, нагуляюся“.

Извѣстная п. „Та орав мужик край дороги“, Чуб. V, 1177, заключает в себѣ весняночную черту:

(v.) А там дівка Катерина
(Та вона) в Суді ноги мила...

с чѣм ср. выше 139 и 144.

— П. у Чуб. V, 722 есть веснянка того же характера, как выше стр. 144.

— Б. м. под вліяніем таких веснянок, как выше 140, гдѣ „... Катерина с тонкою біллю говорила“ к этому же размѣру склоняется один из вар. п. о дѣтоубійствѣ (Чуб. V, 363), пѣсни, коей болѣе исправные вар. имѣют другіе

размѣры: 6 + 4 (Укр. п. вид. Баллін. 67) и другой, въ п. тоже записанной мною, 4 + 4 ¹⁾.

Столь же рѣдко встрѣчается размѣръ 5 + 4 между свадебными (на пр. Чуб. IV, 171). ²⁾.

За исключеніемъ упомянутых, остается еще два семейства пѣсень размѣра 5 + 4, заключающія в себѣ образы, которые я а ргіогі назову *верба над водою* и *ремез*. Эти образы, различные по происхожденію, сближены между собою и, по видимому, не без взаимнаго вліянія, прошли весьма сходные пути развитія. Формальное их сходство состоит в том, что оба семейства в концѣ развитія дают поэтическія формы, принадлежащія к наиболѣе сложным и совершенным, представляющія особаго рода сочетаніе символизма (иносказательности в тѣсном смыслѣ, когда

¹⁾ Последняя замѣчательна по мотиву второго, ожидаемаго убійства, встрѣчающемуся и в дѣйствительности:

Катерина

(Вона) сина породила,
В колодязі затопила,
З буйним вітром говорила:
„Повій вітре буйнесенький,
„Та нажени чорну хмару,
„Спусти з неба дрібен дощик,
„Позаливая всі слідочки,
„Щоб туди люде неходили
„З колодязя води брати,
„Щоб дитяти незиськали
„Та батьосці неказали:
„Мій батенько мене любить,
То він мене з світа зубить!

²⁾ Не чаще встрѣчается в V т. Чуб. и другой весеняч-ный размѣръ 5 + 3 (на пр. 321). Пѣсня ів. 795 есть весенячка = приведенной выше, стр. 144. В свадебных этот размѣръ обы-чен, но нѣкоторыя из этих свадебных суть весенячки, на пр. Чуб. IV, 80 (46), 249 (603), 322 (845).

сравниваемые величины принадлежат к различным порядкам) и реалистической типичности.

Можно различать три способа пользования поэтическими образами:

А. Когда словесное выражение находит только образ, а применение его держится лишь в мысли;

Б. Параллелизм, когда выражается сначала образ, потом применение, при том как равносильные части цѣлаго;

В. Когда применение подчиняется образу или на оборот.

Первый случай такого подчинения (В.), сравнительно мало известный, состоит в том, что применение представляется сравнением, объясняющим символическій образ:

... Там тобі, дубе, горе буде,
Як тій невістці у свекрухи.

Или:

Соловьеві діти погоріди ...
... Ой як козаченьку без дружини,
То так соловейку без дитини

Чуб. V 850.

Второй случай, подчинение символическаго образа объясняемому, представляет нѣсколько видоизмѣненій: сравнение в тѣсном смыслѣ при инверсіи (на пр. N мається, як горох при дорозі), припѣвъ, запѣвъ. Запѣву народной пѣсни в лично-поэтических произведеніях соотвѣтствуют такія формы, как на пр. вступленіе „Мѣднаго всадника“, пролог „Руслана и Людмилы“ Пушкина. Известно, что этот пролог написан лѣтъ через 8 послѣ самой поэмы. В народной поэзіи скорѣе наоборот: подобный акт творчества состоит в соединеніи двух или болѣе пѣсень, первоначально самостоятельных, из коих та, которая становясь запѣвом расширяет сцену дѣйствія или углубляет его смысл, может быть древнѣе той, к которой присоединяется.

Что до сходства значенія рассматриваемых здѣсь образов, их т. ск. лексической синонимичности, то оно, если не ошибаюсь, было замѣчено уже давно. Именно, мнѣ

кажется, что Г. С. Сковорода. († 1794) соединил в одно два свои, различные по языку стихотворения, на основании сходства значения народно-поэтических образов, внушивших ему эти стихотворения. Впрочем Сковорода, для выражения основного правила своей жизни (см. эпиграф), равномерно переименовал оба образа: вм. „невий гнізда на ледоньку“ — „неклады гнізда *высока*“; вм. „нестій вербо над водою“ и „явір над водою“, поставил „явор над горою“ и „верба над водою“ в том смыслѣ, как дуб и трость в баснѣ.

„Господь гордым противится, смиренным дает благодать“.

Ой ты птичка желтобока!

Неклады гнізда висока;
Клады на зеленой травкѣ,
На молоденькой муравкѣ.

Вот ястреб над головою
Висит, хочет ухватить;
Вашею живет он кровью:
Вот-вот ногти он острит!

Стоит явор над горою,

Все кивает головою.

Буйны вѣтры повѣвають,
Руки явору ламают;
А вербочки шумят низко,
Волокут мене до сна;

Тут течет поточок близко,
Видно волю аж до дна.

На чтож м(е)нѣ замышляти?

Что в селѣ родила мати? (sic)

Нехай у тѣх мозок рвется,

Кто высоко в гору дмется;

А я буду себѣ тихо

Коротати милый вѣк.

Так минет мене все лихо,

Щаслив буду человек.

(„Сад божественных пѣсней, прозябшій изъ зерен священнаго

писанія*. Ркп. Библ. X, У.).

Зерна народной пѣсни, переродившіяся у старца Вар-Саввы, в свою очередь переродились в стихотвореніи В. В. Капниста († 1824), автора оды на рабство, который, по видимому, не слѣдовал примѣру Сквороды и нелегко мирился со своим „низким предѣлом“:

Кверху жаворонок вьется,
Над горой летит сокол,
Выше облаков несется
К солнцу дерзостный орел;
Но летает над землею
С мягкой травки на цвѣток
Нѣжной пылью золотою
Отягчѣнный мотылек.

Так и мнѣ судьбою вѣчно
Низкій положон предѣл:
В урнѣ роковой, конечно,
Жребій мой отяжелѣл.
Случай как ни потрясает
Урну, всё успѣха нѣтъ;
Как жезлом в ней ни мѣшает,
Жребій мой на дно падет.

Так и быть! Пусть на вершинѣ
Дубы гордые стоят;
Вѣтры буйные в долину
Низким лозам не вредят.
Если жь рок и тут озлится,
Что осталось?— Терпѣть!
Болѣ щастливый боится,
Чѣм несчастный умереть.

1. „Ой нестій, вѣрбо, над водою“.

Веснянка и купальская:

Ой нестій, вѣрбо, над водою,
Непускай гилья по Дунаю:
Ой Дунай—море розливае,
И день, и нич прибувае,
(Та) в верби корень пидмивае,
(И)з верху вершок усихае:
[Ой] стань (собі), вѣрбо, на риночку,
У хрещатому барвіночку,
У запашному василечку.

(Маркв. Обычаи и пр. 12, Чуб. III, 205).

То, что это есть пѣсня весенняя и лѣтняя, а вмѣстѣ и традиціональное значеніе отдѣльных черт образа (верба—дѣвица, см. выше 156—60; разлив—горе, выход замуж, мое соч. Сл. о П. Иг. 73 сл.; барвинок, василек—символ дѣвства) показывает, что пѣсня противопоставляет счастье дѣвицы участи замужней. Слѣдующая веснянка в вышеупомянутой формѣ уподобленія символа объясняемому, неоставляет мѣста сомнѣнію:

(Ой) нестій дубе при дорозі:
Там тобі, дубе, горе буде,
Як тій невістці у свекрухи:
З ночі до ночі на роботі,
Прийде до дому—у скорботі.

Стань собі, дубе, у садочку,
У хрещатому барвіночку,
У запашному василечку:
Там тобі, дубе, добре буде,
Як тій донечці у матінки:
З ночі до ночі у таночку,
Прийде до дому у віночку

(Метл. 301; ср. купаль. Чуб. III, 207).

Б. м. сходное значеніе имѣет лотыш. п.: „низковѣтвистый дуб, зачѣм ты ростешь в долині? Над тобою летают пчолы, мимо тебя ѣздят бортники и еще дѣвицы ло-

мают (твои) вѣтви, стоя на пригоркѣ“. (Бривземн. в Сб. Дашк. N 216).

К этому же семейству веснянок должна быть отнесена безыменная п. у Чуб. V, 489—90 (А, Б).

Ой нестій, явор, над водою:

Да вода корень підмиває,

Да вітер гілле (об)ламає ¹⁾;

Да нейди, дівко за старого и пр.

Подобный вар. мог быть извѣстен Сковородѣ („вѣтры.. руки явору ломают“).

Отсюда идет образ, иначе примѣненный в общеизвѣстной п. другого, менѣе первообразнаго размѣра $2(4 + 4 + 6)$:

Стоїть явір над водою,

в воду похилився;

На козака пригодонька,

козак зажурився...

(Ср. Чуб. V, 319, 421).

Б. м. от веснянки „Ой нестій вербо“, под впливіем пѣсень о любви, разлукѣ через ворогов и т. п., размѣра 5+7 (ср. Голов. I, 105—6; Чуб. V, 372; ib. 157; „Чи замїж іти, чи дівкою гуляти“, Гол. I, 270; Этн. сб. III, 94—5) идет „лѣтняя п.“:

Ой стоїт, стоїт вербонька над водою.

„Зимная вода криница пуд тобою:

„Ні єє піці, ані єсці варьці

„Ой оно туюлько козаченької чарьці“.

„Ой очарыла, дзевонько, очарыла:

Сјеї вечерані, вечеронька немїла!“

—Бодай ты незнаї, як конїка седлаці,

Як я незнаю, чым тебе чаровані.

Ой очарыла ліхімі чароньками:

Бїлым ліченьком, чорненькімі очамі.

(Заблудовье, Этн. сб. III, 94).

¹⁾ „(Об)ламає“. Для размѣра я прибавил предлог. Существованіе таких архаических форм настоящ. вр. (не „обламує“) для меня вѣроятно.

Дальнѣйшее видоизмѣненіе образа в слѣд. п., гдѣ „чари“
=отрута:

Ой нестуй, нестуй, вербонько над водою,
Каламутная водиця пуд тобою:
Ні її пити, [ні з її] (ані їсти) варити,
Ой ино єю вороженькув труїти...

(Чуб. V, 132).

Ср. также Шейн Бр. п., 134 (195).

То что в весн. „Ой нестій вербо“ высказано, как со-
вѣт („Стань собі, вербо, на риночку) в слѣдующей весн.
изображено, как дѣйствительность:

Ой під вербою неметено,
Під зеленою непрометено.
Та устань, Галочко, ранесенько,
Обмети вербу чистесенько:
Ой там N (Ивасѣ) з крамом стане,
З хорошим крамом, обідцями;
Усім дівочкам розпродає,
Дівці Галочці даром дає. (Метл. 302).

Представленіе символа (верба = дѣвица) обстановкою
ср. с подобными случаями, упомянутыми выше (стр. 160—
1, 179—80; Разбор Пѣсень Головацк., 67—9). Относи-
тельно *мест* см. выше стр. 51. Т. о., при матеріализа-
ціи символа, совѣт „обмести вербу“ значит тоже, что при
параллелизмѣ (верба=дѣвица) — „час тобі, вербице роз-
виться“ (веснянка, Чуб. III, 194, 214).

По размѣру, к одному типу с веснянкою „Ой нестій
вербо“ принадлежит польская:

Czego, kalino, w dole stoisz?
Czy się na górze suszy boisz?
(v. Czy ty się letniej...)
—Żebym się suszy niebożała,
W tém dole bym ja niestojąła.—

A ty, kalino, rozwijaj się;
A ty, dziewczyno, rozmyślaj się!
—A jużem (ja) się rozmyśliła,
Ojca i matki odstąpiła.
(Przytulę-ć ja się do Jasieczka:
To mój ojczulek i mateczka).

(Kolb., P. 1. P., 210, 214).

Ближайшая по качеству символа мр. п.

Червона калино, чого почорніла?

Чи суши боїся, чи дощу бажаеш?

б. м. предполагает сходную с польскою пѣсню весняночнаго розміра, примѣрно такую:

Чому калино стоїш в лузі...

... А ти, калино, розвивайся;

А ти, дівчино, розмишляйся.

„Калина в лузі“ = „дівчина в батька“; относительно розмишляйся“ ср. свадеб.:

Нестій, вербино, розкидайся,

Несиди, Марусю, розмишляйся,

Чим свою свекруху називать будеш?

(Метл., 160).

Последніе 4 стиха польской пѣсни, указывающіе на совершившійся выход из дѣвства, служат точкой прикрѣпленія к весняночному мотиву других, невесняночных: о потерѣ вѣнка и прижитом ребенкѣ (Kolb., ib. 214), о братѣ, который, приѣхавши с войны, рубит голову сестрѣ, в дѣвках прижившей дитя (ib. N 18, a, c, e). Этот последний мотив взят из самостоятельной пѣсни, другого розміра (4 + 4) и напѣва (ib. N 18, g). Другой примѣр подобного уподобленія невесняночнаго мотива и розміра весняночному представляет пѣсня:

W dole kalina stojała,

Drobne jagódki rodzała.

Ptaszkowie na niej siadali,

Drobne jagódki zjadali.

Panowie do nich strzelali

Kiej do wdowuli jechali.

(Kolb., ib. N 20, a, b).

До сих пор это—весняночно-свадебный мотив (rapowie = swatowie), который за тѣм становится запѣвом мотива „брат покупает у шинкарки сестру“, как самостоятельная п. имѣвшего размѣр 4+3:

Hej we Lbowie, we Lbowie

Zjeżdżają się rapowie

(ib. N 20, c—g; Ср. N 20, a, b и h)=

У Києві на ринку

Пють чумаки горілку (Ант. и Др. I, 283).

Для опредѣленія степени сродства малорусской и польской п. типа „czego kalino“ (разм. 5+4) со слѣдующей словацкой, размѣра 4+4, слѣдовало бы знать напѣв этой послѣдней. Если бы в числѣ их оказались однородные е напѣвами польской п. (Kolb. ib. 207, сл. N 18 и слѣд.); то можно было бы сказать, что размѣр 4+4 в этой слов. п. производный, возникшій из 5+4:

Ty kalino, čo nerodiš,

Čo na prostried mori stojíš?

—Už som i ja zarodila

Červenyma kalinama;

Spodky vtački obzobali,

Vršky dievku oblámaly,

Chlapcom piera posielaly.—

A ja smutná nemám komu;

Poručeno Panu Bohu!

(Sb. Mat. Slov. sv. II, 46).

Море в подобной связи упоминается и в мр. веснянкѣ:

Ой верба, верба, вербіста,

Чого на море навісла? (Zieňk. 136).

В приведенной ниже пѣснѣ „Ой кудрѣ“, по запѣву примыкающей к веснянкѣ „Ой нестїй вербо“, есть черты („хтож тобі вербі кудрі ізвис“ и пр.), взятая из другого, слѣдующаго семейства пѣсень:

А. Коллдка, величанье дѣвиць, сводный вар. на основанїи вар.: Свидницкій, Великд. у Подол. Осн. 1861, Дек. 65; Чуб. III, 299, 474.

Ой хвалилася біла береза, Гой дай Боже!

Перед дубами (в. лісами) своїми витами:

—Хвались—не хвались, не ти кохала:

Кохали тобі вітри буйніи,

Вітри буйніи, дощи дрібніи.

Ой хвалилася кгречная панна

Перед дівками (в. дружками) своїми косами.

—Хвались—нехвались, не ти кохала:

Кохала тобі ненька старенька

Ясного сонця против віконця,

Ясної днини против кватири.

Від сего слова бувай здорова,

Не сама собою, з отцем маткою и пр.

Ст. 9—11 находятъ соотвѣтствїе в веснянкѣ:

Ой ти селез[е]ню—коси частї!

Хто ж тобі коси ці завивав?

—(Ой) завивала-ж мені утїнка

Темної ночі на ставку,

Ясного сонця на плавку.—

Ой ти молѳдче (в. N) кучерявий!

Хтож тобі кучері ці завивав?

—(Ой) завивалаж мені матїнка

Темної ночі при свїч(ецц)ї,

Ясного сонця біля віконця,

(К ист. зв., II, 17; ср. Сах. Ск. Р. н., 3, 215 (6)).

Б. Веснянка, сводный вар. на основанїи Чуб. III, 158 и 145; размѣр 5+4 с возможностью растяженїя до 5+5 (даже 5+6).

Ой хвалилася [да] березонька:

„[Що] на мені кора [да] біленькая,

[Що] на мені листе [да] широкее,
[Що] на мені гілле [да] високее“.
Ой одозветься зелений дубо[чо]к:
„Ой нехвалися [да] березонько:
Не ти сю кору [да] вибілила,
Не ти се[е] листе [да] широчила
Не ти се[е] гілле [да] височила:
[Ви]білило кору [да] ясне сонце],
Широчив листе [да] буйний вітер,
Височив гілле [да] дрібен дощик“.

Ой хвалилася [молода дівчина] (дівчинонька):
„Що в мене коса [да] до пояса,
„Йу мене личко [да] білесеньке(е),
„Йу мене брівки [да] чорненькі!“
Ой озоветься [да молодой козак] (козаченько):
„Ой нехвалися [молода дівчино] (дівчинонько):
Не ти се[е] личко [да] вибілила,
Не ти сі брівки [да] вичернила;
Вибілило личко умиваннечко,
Вичернило брівки (малюваннячко)“¹⁾.

В. Свадебная, разм. 5 + 5 + 7, Чуб. IV, 350.

Послѣ того, как образ кудряваго дерева с подмытыми водою корнями опредѣлился в пѣснях, подобных вышеприведенным, он переходит из самостоятельнаго (А) или параллельнаго (Б) в запѣв (В) пѣсни о горькой долѣ быть за пьяницей, пѣсни возникшей независимо от этого запѣва и извѣстной без него, как веснянка (Чуб. III, 147) или „бесѣдная“ (Шейн, Бр. п., 249). Т. о. возникает слѣдующее художественное произведение:

Сводный вар., на основаніи веснянки (Чуб. III, 117, N 8, Дорогичин, Кобрин. у.) и безыменной (Чуб. V, 586—9).

¹⁾ вм. „мулярнички“ Ч. III, 145.

Ой кудро, кудро кудрявая,
Ой ти вербице зелена!
Хто-ж тобі, кудро, кудрі ізвив,
Хто-ж тобі, вербо, корні підмив?
— Ой звили мені темні луги,
Темні луги, круті береги;
Звила кудрята темна нічка,
Обмила корні бистра річка,
Обмила корні бистра вода . . .

Ой я молода, як ягода,
Непійду заміж за год, за два,
Та пійду заміж аж п'ятого . . .
За п'яниченьку проклятого.
Ой кажуть люде, що він неп'є,
Аж що вечора з корчми іде.
Та пропив коня вороного,
Іде до дому по другого,
А я молода против ёго
Несу рублика золотого,
Викуплять коня вороного.

„Ой як викупиш, люблю тебе,
„Як невикупиш, уб'ю тебе!“

Ой не раз, не два викупляла,—
Мені молодій одна шана:
З хати віконцем утікала,
В вишневім саду ночувала,
Із соловейком розмовляла:
Соловечко як тѣх, так тѣх,
А я молода як ох, так ох!
А зозуленька куку! куку!
За що ж я терплю таку муку?

Как веснянка, это — предчувствіе; как неприуроченная ко времени, это — сознание наступившей доли. Такая молодая и прекрасная и такая несчастная! Завила кудри дѣвичья воля (луг—берег = батько—мати), подмыла корни горькая доля. Доля настигла, как ни откладывалось замужество, сколько ни тратилось замужем любви, смиренія, преду-

предительности. И за что? Характеристичный для мр. пѣсни вопрос без отвѣта, с которым еще встрѣтимся ниже.

Из других вар. упомяну Чуб., V, 489, 3:

Сосенко моя кудрявая...

... На тоби кора дубовая,

На тоби листьа березовое...

Это явное искаженіе вм.

На тоби кора золотая,

На тоби листьа джунджовое (=перловое),

что указывает на связь с фантастическим деревом, играющим важную роль в колядках.

На существованіе вар. с запѣвами о березѣ, указывают пѣсни, в коих эти запѣвы сжаты в один стих, стали намеком, неясным внѣ пѣсенной традиціи:

Бяроза, бяроза кудрявастая!

Дасталась мужу наравистому...

(Шейн, Бр. п., 246);

Бѣлая бярозынька водой замуціла,

Нящасная мая доля замуж пакруціла

(ib. 247).

Ср. Ой ель мая зелѣная!

Свекроўка мая шалѣная

Загадала мне работку рабць... (ib.).

В болѣе первообразной и ясной формѣ параллелизма этот образ (береза) встрѣтился только в пѣснѣ других размѣров: 4+4 (который мы видѣли и выше в словац. п. „Ту kalina, čo perodís) и 4+6):

Зелѣная берозенька!

Чему, бела, не зелѣна?

—(А) як же мне зелѣной быць

При дарозе стоячи?

Да што дзень купцы едучь,

На кореньях агне кладучь,

Через гальѣ лымы ідучь...

... Красная дзеванька!

Чему смутна невесела?

—(А) як (же) мне веселой быці!

Што дзень (то) госцейкі,
Што суботы то свацейкі
Што педзелі маршалачки
Зелёное віно возець,
Мене маладое просець . . .

(Вил. г. Этн. сб., III, 205—6).

По разміру, образу и его примѣненію, впрочем словесно невыраженному, к этой п. примыкает латышская (Сб. Дашк. 59, N 236):

„Береза, береза, березонька! Кто тебя так опечалил? Холодный ли сѣверный вѣтер? Или жестокія руки мороза оцѣпили твои листья? Или гнѣвный поток воды отполоскал от корней опоры матери — земли?“ — Не от мороза я застыла, и не вода меня одолѣла. Пришли, одолѣли „сумпурни“, погнули — поломали мои вѣтви, притоптали — повырвали зеленую траву в березникѣ! Печально, печально каждое утро всходит красное солнце“.

„Трава“ и пр. в этой пѣснѣ находит соотвѣтствіе в мр. веснянкѣ разсматриваемаго здѣсь разміра 5 + 4, в коей послѣ двух начальных стихов разміра 4 + 4 (= 4 + 3):

Ой схилився сухой дуб
На зелену дубрівоньку

слѣдует:

„[Ой] зелена ж моя дубрівонько!
Ой рано ж тебе спустошено,
На сіно траву покошено;
Тільки zostалося тройзілле(чко):
(Що) перве зілле барвіночок,
(А) друге зілле василечок,
А трете зілле любисточок.

(Чуб. III, 157).

Как в мр. и вр. пѣснях сваты представляются вражеским войском, Литвою, родня жениха — Татарами (см. выше 179), так сватам — купцам вышеприведенной бр. пѣсни соотвѣтствуют в латышской *sumpurni*. *Sumpurnis*, *sumpuris*, по Ульману (Lett. Wb.), *hundschnauze*, песиголовец, людоед; но может быть это объясненіе основано на случайном

сходствѣ с лот. *zuns* собака и *rigns* рыло, морда.

Сюда примыкают мр. пѣсни, в коих в той же роли по отношенію к дубровѣ или березѣ, как купцы и Сумпурни, являются Татары, гусары, рекруты (Ант. и Драг., Ист. п., I, 77—9, 84; Zieńkiew., P. l. Pińsk., 398 сл.). Отношеніе этих пѣсень к тому или другому татарскому набѣгу, „к какому нибудь дѣйствительно случившемуся... плѣненію Татарами дочери какого нибудь волынскаго вельможи, который имѣл настолько власти, чтобы гнаться за Татарами“ (Ант. и Др., I. с. 84), на мой взгляд, возможно как позднѣйшее наслоеніе (в родѣ замѣны Татар или им подобных рекрутами), как примѣненіе образа, имѣвшаго прежде другое значеніе: как береза, так и полонянка—невѣста.

Одна из упомянутых пѣсень о березѣ и татарах, именно Wasł. z Ol. 443=Гол. I, 101=Ант. и Др. I, 77, представляет трудность, которая nebude устранена до появленія лучших вариантов.

Береза говорит:

„Підо мною Татари стояли...“

... Самборівці шапочки зносили

Та й гультая живцем на паль вбили.

Ант. и Др. I, 77: „вѣроятно тут есть намек, что Самборовцы побили гультаевъ — татар во время ночного роздыха и сносили их шапки, т. е. попользовались их добычею“. А м. б. „Самбуриці“ по отношенію к березѣ, были первоначально в той же роли, что и Татары и „Сумпурни“ лотышской пѣсни?

II. *Ой ти ремезе, ремезоньку* и т. п.

1. *Ремез.*

Слѣдующая пѣсня поется как щедровка, но. судя по основному размѣру 3+4, отличному от господствующаго, почти исключительнаго размѣра щедровок (4+4) и колядок (5+5), и потому, что варианты ея встрѣчаются как веснянки, возникла из веснянки.

Ой [ти] ремезе, ремезоньку,
Щедрий вечер!

(Та) невий гнізда на ледоньку,
Бо ся лед[онько] буде розбивати,
Твое гніздонько [буде] потапати;
5=1

6 Вий си гніздонько на явор[онь]ку:
[Як ся яворонько] (явір ся) буде розвивати,
Твое гніздонько [буде] прикривати.

9 Ой (ти) Василю, Василеньку!
Нестав світлоньки у тещенька (тестенька?),
Бо ся тещенько буде (йме?) гнівати,
Твою світлоньку [буде] розкидати.
13=9

14 Став си світлоньку у батенька:
Хоть ся батенько буде (йме) гнівати,
Твою світлоньку [буде] прикривати.

(Золоч. окр. Гол. IV, 38—9).

Отец противопоставляется тестю, как выше в веснянкѣ „Ой нестій дубе“ мать — свекрови. Пѣсня говорит, каково быть „в приймах“ у тестя“, что может случиться с бѣдняком и сиротой, и каково—у роднаго отца. Вариант этой щедровки—на тему „милая лучше роду племени“:

Ой [ти] ремезе, ремезоньку!
(Та) невий гнізда на ледоньку:
(Бо) лед буде ся розмерзати,
Твое гніздонько заливати.

Ой (ти) Гринуню, Гринуненьку!
Нестав світлоньки просто батенька:
Як ся батенько розгніває,

Твою світлоньку розкидає.
Тоже повторяется с изменениями в 6 и 7 ст.: матінки
братчика и пр. Наконец

Ой (ти) ремезе, ремезоньку!
(Та) невий гнізда на ледоньку,
(Извий гніздечко в. та извий собі) в темнім лісі,
У темнім лісі на орісі,
У темнім борі, на яворі:
Явір ся буде розвивати,
Твое гніздонько окривати.

Ой Гринуню . . .

Став си світлоньку просто милої:
Твоя милая [хоть] ся розгніває,
Твою світлоньку поліпляє.

(И. Галько, Нар. звич. з окол. под Збручем, II, 25—6).

Щедровка у Чуб. III 450 представляет примѣръ внѣшняго, неорганическаго сочетанія мотивов: „Ой ремезе . . . неклади хатки на лѣдочку, бо“ и пр.; „неклади . . . в ярім житі“:

Яре жито будуть женці жати,
Твою хату розбирати;
„ . . . Неклади . . . в полі“:
В чистім полі плужок оре.

Этот послѣдній ст. служит переходом к особому колядочному мотиву: „святые орють, Пречистая им ѣсть носит“. Наконец

Наклади гніздо в густім лісі . . .

Тот же расширенный образ — в гаѣвкѣ (веснянкѣ), Pauli, I, 24; Гол. IV, 170): „Ой римезю“ . . . невей гнізда на леду . . . , а „на орісі“, и не на нем, а „на яворі“, и не на яворѣ, а „на сосні“, и не ней, а

В гречної панни у світлиці . . .

Кромѣ распространеній, построение пѣсни — аналогичное с „Ой нестій дубе при дорозі“ (см. выше и Метл. 301).

Ремез (по видимому, собств. artifex; *ремез* или *ремес* в этом смыслѣ предполагается литовским *remėsas*, ремесленник, и словом *ремество* из *ремесьство), род синицы (*parus pendulinus*, *beutelmeuse*), весьма искусно вьющей

гнѣздо яйцем или кошелем, лишь с небольшим отверстием. Гнѣздо его, как я сам видѣл, хранится в малорусских домах, как талисман, по видимому, охраняющій „хату“ (и само гнѣздо, по словам пѣсни, есть „хатка“). По Котляревскому (Эн.) оно употребляется для чар, неизвѣстно, каких именно: ворожка, собираясь гадать о будущем,

... в горщичок наклала
Відѣмських всяких разных трав,
Які на Костянтина (21 Мая) рвала,
І те гнѣздо, що ремез клав...

Г. Галько (I. с.) думает, что пѣсня совѣтует ремезу невить гнѣзда на леду только по тому, что в дѣйствительности он его вьет то в очеретѣ, то на деревѣ (над водою). Однако это наблюдение объясняло бы только совѣт некласть гнѣзда над водою, который дѣйствительно и находим в слѣд. отрывкѣ:

Ой ти ремезо, [да ти] ремезонько!
[Да] немости гнѣзда [да по] над Десною,
Бо [Десна] Десни (з весни) [що день] прибуває,
Вона ж твоїх діток позатопляє (Метл. 368).

Эта форма образа, сходная с „Ой нестїй вербо над водою“ (см. выше), может быть, есть первообразная. За тѣм она измѣнена, вслѣдствіе перенесенія на ремеза традиціонной черты другого образа. Совѣт пѣсни предполагает, что ремез кладет гнѣздо именно на леду. Должно быть, было такое повѣрье о другой береговой птицѣ, зимородкѣ (Eisvogel). Это гр. ἀλκυών. Тема — ἀλκυον, откуда ἀλκυόνη, морской зимородок; позднѣе в аттич. яз. со срīg. авр., вѣроятно в силу сближенія с ἀλσ, море, откуда этимологія ἀλκυών, παρὰ τὸ ἐν ἀλλί κωεῖν; независимо от греч., лат. alcedo (Curt. Grundz. d. Gr. Et. N 6). Сказанія древних сочѣтают эту птицу с χῆρυξ, χῆρῆξ (из καβάξ, καβήξ, морская чайка (Curt. ib. 2496), с именем коей сходно слав. чаица, чайка.

По Овидію, Цейкс, сын Люцифера (ἑσπεφύρος), тревожимый страшными видѣніями, ѣдет морем спросить совѣта у Дельфійскаго оракула и гибнет в бурю. Тѣло его

прибивает волною к тому утесу, с котораго высматривала его жена Гальціона, дочь Эола, извѣщенная снами о гибели мужа. Узнавъ тѣло Цейкса, Гальціона бросается в море;

..... бессмертные боги

В птиц превратили обоих; одна им судьба; и по нынѣ
Вѣрны бывалой любви, и по нынѣ их брак неразрывен.
Поздней зимней порою семь дней безбурных и ясных
Мирно без слета сидит на пловучем гнѣздѣ Гальціона;
Море тогда безопасно; Эол, заботясь о внуках,
Вѣтры смиряет, пловца бережет, и воды спокойны
(перев. Жук.).

Подобныя сказанія повторялись учеными до XVI в. включительно. Геснер, зоолог, жившій в этом вѣкѣ, повѣствует: По Плутарху альціон — самое умное и почтенное из морских животных: по пѣнію, превосходящему пѣніе соловья, по быстротѣ полета, супружеской любви, прилежанію; гнѣзда его, построеннаго корабликом, немогут ни перевернуть, ни потопить морскія волны; он сплетает рыби кости в шар, вытягивает этот шар в длину, как челнок и прикрѣпляет к берегу, так что его нелегко оторвать камнем и желѣзом. Дверцы гнѣзда альціон устраивает из разбухающаго вещества, и входит в гнѣздо, выдавливая воду из дверец. Аристотель говорит, что это гнѣздо похоже цвѣтом на губку, а формою на колокольчик или баночку с длинной шейкой. Альціон *высиживает яйца в срединѣ зимы* . . . Нѣкоторые говорят, что гром небьет в тот дом, гдѣ находится гнѣздо альціона; что это гнѣздо охраняет сокровища и удаляет бѣдность (Брем, Птицы, I, 147—8). „Алконостъ“ русских азбуковниковъ „птица есть, имѣет гнѣздо на брезѣ песка, вскрай моря, и ту кладетъ яйца своя. Время ж изытія чадъ ея въ зимній годъ бываетъ; но егда почютитъ изытіе чадомъ ея, взымаетъ въ ящикахъ чада своя и носитъ я на среду моря и опускаетъ въ глубину. Тогда убо море многими бурями ко земли приражается; но егда алконостъ сноситъ яйца на едино мѣсто и

насядетъ на нихъ верху моря, яицамъ въ глубинѣ сущимъ, тогда море непоколебимо бываетъ за семь днѣй, дондеже алконостовы яйца в глубинѣ излупятся. Вышедши чада познають своя родители* (Сах., Ск. Р. н., II, кн. 5, 142; отсюда то, что в ст. о голубиной книгѣ Стратим птица

Живет на синем морѣ,
Плод плодит на синем морѣ,
В морѣ яйца несет,
Из моря дѣтей ведет,

Н. Баталин, Др. русс. азбуковники, Фил. Зап. 1873, V, 65).

Реальныя основанія подобных сказаній могутъ состоять в томъ, что наши зимородки (*alcedo hispida*), впрочемъ невьющие гнѣзд, а выдалбливающіе для них норы в береговыхъ обрывахъ и выкладывающіе дно норы рыбьими костями, живутъ парами; что ихъ и зимою можно видѣть надъ прорубями. Бѣлый зимородокъ (*cerule rudis*), живущій тоже парами в Египтѣ, Сиріи, Палестинѣ, залетающій и в Европу, тоже дѣлающій гнѣзда в норахъ, плодится не только в Мартѣ и Апрельѣ, при самомъ низкомъ стояніи Нила, но гдѣ уровень воды не мѣшаетъ (т. к. норы его—у самой воды), и в Декабрѣ (Брем, *ib.* 154—6). За тѣмъ уже в древности зимородку приписано искусно построенное гнѣздо какой нибудь другой птицы, именно между прочимъ, судя по указаніямъ мр. пѣсни, ремеза, и сидѣнье на волнахъ, замѣченное за какою нибудь изъ морскихъ птицъ.

Какъ мр. пѣсня предполагаетъ, что разливъ затопляетъ свитое на льду гнѣздо ремеза; такъ, вѣроятно, в средніе вѣка существовало сказаніе объ алкионѣ, яйца котораго унесены моремъ. Вѣроятно, по этому в греч. переводѣ арабской передѣлки Панчатантры (Калила и Димна, с персидскаго, на который переведена Панчатантра в XI в. по Р. Х.), сдѣланномъ Симеономъ Сетомъ ок. 1080 г. (Стефанитъ и Ихниллатъ, *Benfey Panschat.*, I, 8), птица, о которой разсказывается нѣчто подобное, именно береговой куликъ (*Strandläufer*; турухтанъ, *machetes rugnaх?*) названа *ἀλκυών*. То же и в Эзоповскихъ басняхъ Максима Плануда, жившаго

лѣтъ 250 спустя послѣ Сета (Benf., ib. 236, 238). Рассказ Панчатантры „Турухтан и море“ слѣдующій: На берегу океана жила пара турухтанов (Strandläufer). Когда пришла пора, самка сказала самцу: „послушай, милый! поищем безопаснаго мѣста, гдѣ мнѣ класть яйца“. Самец отвѣтил: „этот берег океана прелестен; поэтому клади здѣсь“. А та сказала: „при полной лунѣ сюда заходит морская волна; она уносит и свирѣпных царей — слонов: поэтому поищем мѣста подальше“. Услышав это, самец улынулся и сказал: „о милая, ты говоришь пустое; что такое море, чтоб осмѣлиться обидѣть моихъ дѣтей?“ Нессись, не бойся!“ Самка размѣялась, зная истинную мѣру его силы, а море, слыша это, подумало: „Поди ты! что за высокомеріе этой птицы! Правду говорят: „кто смирит самомнѣніе? Турухтан (Strandläufer) спитъ вверх ногами, боясь что на него обрушится небо“. А попытать его силы! Что онъ сдѣлаетъ, когда я унесу его яйца?“ И унесло яйца волною. Самка стала горевать и сказала мужу: „О безумец! неговорила ль я тебѣ, что яйца погибнутъ в прилив?“ Но самецъ не унываетъ и рѣшается мстить. Сначала он думаетъ своимъ клювомъ выносить и высушить море ¹⁾; потомъ сдается на уговоры самки и созываетъ на помощь всѣхъ птицъ. Птицы рѣшаютъ, что и всѣмъ имъ с моремъ несовладать, и жалуются на свою обиду своему царю, служителю бога Вишну Гарудѣ—птицѣ. Тогда Гаруда отказывается служить своему богу, пока nebude отомщена обида одного изъ его собственныхъ слугъ, турухтана. Вишну грозитъ высушить море, пустивши в него огненную стрѣлу, и море в страхѣ, отдаетъ яйца турухтану (Benfey Panchatantra, II, 87 сл.). Къ этому же семейству относится буддійскій рассказъ, конечно, не созданный буддизмомъ, а лишь приспособленный имъ къ своимъ цѣлямъ: Гаутһама—Буддһа в одну изъ прежнихъ своихъ жизней былъ бѣлкою. Разливъ унес в море дерево, на

¹⁾ Сюда б. м. примкнетъ исторія басни:
Надѣлала синица славы,
А моря незажгла, Кр.

котором было его гнѣздо с птицами. За это Буддѣ берет-ся раскропить море своим хвостом, и когда Сакра (Индра) говорит ему, что эта затѣя безумна и море бездонно, отвѣчает на это ироніей. Сакра приходит в изумленіе от такой силы воли и любви и заставляет море возвратить Буддѣ дѣтей (Benf., *ib.* I, 236—7). Оттуда же (Spence Hardy, *Manual of Buddhism*) Бенфей приводит латинскій рассказ неизвѣстнаго происхожденія, что неустраивает его подлинности (такія вещи нарочно невыдумываются): Раз загорѣлся лѣс, окружавшій город Лавиніум, лиса стала тушить пожар, брызжа хвостом, обмокнутым в воду.

Этот рассказ, справедливо относимый Бенфеем к одному семейству с предыдущим, не есть простое измѣненіе одного из вар. этого послѣдняго. Подобно тому, как мр. веснянки представляют два параллельные образа дерева, подмытаго разливом („Ой нестій, вербо, над водою“) и дерева, объятаго пламенем („Ой горе, горе сухой дубе“); русс. пѣсни представляют, как увидим, параллелизм образов птицы, коей гнѣздо унесено разливом, и птицы, коей гнѣздо сожжено пожаром. Такіе два сходные ряда рассказов могли и в древности существовать и видоизмѣнять друг друга, так что на пр. месть морю („раскропить хвостом“) могла, как в приведенном рассказѣ, явиться средством потушить пожар, а пожар, котораго роль могла первоначально быть таже роль обидчика, что и разлива, мог стать средством отомстить другому обидчику. Так в баснѣ Федра „Лисица и орел“ (Phaedri Fab. I, 30 (28)), орел уносит в свое гнѣздо лисенят. Лисица похищает с олтаря горящій факел и окружает пламенем дерево, на коем орлиное гнѣздо, так что орел, чтобы спасти своих птенцев, выдает лисицѣ ея лисенят. В соотвѣтственной Эсоповской баснѣ лиса сама не в силах отомстить орлу. Он сам уносит с олтаря часть жертвеннаго мяса с приставшими к ней горящими углями, т. о. зажигает свое гнѣздо. Орлята падают на землю и достаются лисѣ. В баснѣ Пильная (русс. перев. Политич. и нравочит. басни Пильная, философа индійскаго, с франц. Бор. Волковым, СПб. 1762, Б.

14), ястреб уносит воробьят. По просьбѣ пары воробьев, змѣя созывает других змѣй, которыя бросают горящія фитили в гнѣздо ястреба и сожигают и его самого и его дѣтей. Все это напоминает вышеприведенныя (стр. 188—9) серб. п.: дѣвица метит соколу, зажигая его гнѣздо.

Разсказы, за образец коих возьмем разсказ Панчатантры „Турухтан и море“, представляют такую, б. м. непервообразную сложность содержанія, что легко разлагаются на 2, на 3 момента: 1. беспомощность, невинная гибель слабых; 2. а) их месть сильному, б) союз слабых против сильнаго. Для сравненія с разсматриваемыми пѣснями нужен только первый момент; второй, находящійся в нѣкоторых русс. сказках, я оставляю в сторонѣ. Впрочем весьма естественно вплетеніе в первый из названных моментов черты, подготовляющей дальнѣйшее возмущеніе против хотя бы и неодолимой силы, черты, как гордость, чувство собственнаго достоинства. Так Пушкин в одном из величайших своих произведеній, „Мѣдном всадникѣ“ пытается соединить в одну поэму „Родословную моего героя“ и судьбу Евгенія. Евгеній, хотя и не свил себѣ еще гнѣзда на берегу моря воднаго и моря исторических событій (с которым тоже „кто съвѣтънѣ?“), но собирается его свить („жениться? Чтож? за чѣм же нѣтъ...“ Соч. П. М. 1882. III, 459); но, не так, как у турухтана индійской басни, его хватает только на безумную вспышку; „Добро...!“ ib. 369; первоначально этой рѣчи было 40 стихов, ib. 465).

2. *Чайка*. Пѣсни о ремезѣ, согласно со своим вѣличальным назначеніем (как веснянки, щедровки), указывают вдали возможность гибели, но вмѣстѣ и возможность спасенія („неклады гнѣзда там, а кладі там“). В других болѣе или менѣе сродных п. несчастье по вѣпѣ или без вины, уже настигло. К таким принадлежит извѣстная п.

Ой біда, біда чайці небозі,

Що вивела діти при битій дорозі.

По размѣру, впрочем, она невяжется с разсматриваемым

семейством. Относительно содержания ср. „Идутъ женці жати, діток забирати“ с подобным вышеприведенным (Чуб., III 450) стихом одного из вар. пѣсни о ремезѣ. В других вар. чаенят забирают чумаки (Рудч., Чум. п., 88 сл.). Один из таких вар. оканчивается стихами:

Ой лети ж ти, чайко у гору високо,

Уже ж твої чаенята у морі глибоко.

Послѣ того, что сказано в пѣснѣ раньше, именно, что чумаки повкидали чаенят в кашу, это „у морі“ может быть понято только в переносном смыслѣ гибели (мое сл. о П. Иг., 77 сл.); но б. м. в основаніи лежит неизвѣстная нам п., в которой чаенята в самом дѣлѣ гибнут в морѣ, в котором (в извѣстном припѣвѣ „чайки“) думает с горя утопиться и сама мать.

3. *Перепелка.*

Колядка:

Зажурилася да й перепела: Гой да Боже!

„Де би я собі гніздечко звила?

„Звила би я го в озимім житі,

„(Та) женці зайдут, мене (из)найдут,

„Гніздо розібьют, діти розженут.

Тоже повторяется еще два раза с измѣненіями в 3-м ст.: „в ярій пшениці“, „в зеленой траві“. В этом видѣ пѣсня могла примѣняться только ко вдовѣ, для которой нѣтъ нигдѣ безопасности (ср. пѣсни о перепелкѣ и вдовѣ с дѣтьми, Чуб. V 853, N 417; Zieńk. 170). Для примѣненія к дѣвицѣ нужно бы противоположеніе, как выше („Ой нестій дубе при дорозі“... а „у садочку“; „Ой ремезе... невий гнізда на ледоньку... а... на яворі“), которое и находим в бр. ярной (весенней) п.:

Пірапѣлка! (2)

Ня вий ты гняздечка бізко длі дарожки:

Пастухі пагонюць, гняздечка папоруць;

Суві ты гняздечка на зялёным дубу:

Станиць вецір павіваць, тваїх дзяцей калыхаць.

Ты дзевынька! (2)

А нявий вяночка: восінь нідалѣчка,

Сваточки пріедуць, цябе с сабою вѣзьмуць
(Шейн, Бр. п., 195—6).

В одном из вар. вышеупомянутой пѣсни о перепелкѣ и вдовѣ находим черту, с которою встрѣтимся и ниже в пѣснях о соловьѣ: перепелята говорят:

Погорив *пожар*, сіруткам нужкі коле
(Zieñk. 158).

Бр. п. XVII в. говорит не о степном пожарѣ и заставляет предполагать другую пѣсню, не о перепелкѣ, а о другой птицѣ, вьющей гнѣздо на деревѣ. Эта пѣсня важна между прочим, как доказательство, что в этом семействѣ размѣр 5+4 восходит не менѣе, чѣм к началу XVII в.:

Спlachетца [мала] птичка [бѣлая] пелепелка:

„Охте [мнѣ] молоды горевати:

„Хотят сырой дуб зажигати,

„Мое гнѣздышко разорити,

[Мои] малые дѣти побити,

„Меня пелепелку поимати.

Спlachетца на Москвѣ царевна:

„Охте мнѣ молоды горевати:

„Что ѣдет к Москвѣ измѣнник

Ино Гриша Отрепьев рострига и пр.

(Бул., И. Хр., 1034).

4. *Зозуля*. Мотив сходный с вышеприведенным („Зажурила ся да й перепела“) приспособлен к обычному запѣву колядок господарю: зозуля будит хозяина и сказывает ему радость: зозуля

... Стала ся томити, де ма'т гнѣздо вити:

„Виля би м го, виля в лісі при дорозі

В лісі при дорозі, та на ліщинойці;

„Ліщинойку рушат, гнѣздо разпотрушат,

„Гнѣздо разпотрушат, діти ми оглушат.

... Виля бим го виля при потічейку,

При потічейку, на сігничейку;

Водиця прийде, гнѣздо забере,

Гнѣздо ми забере, мене осиротит.

Буду го вити на вишнім садочку...

... Та я си буду рано кукати,
Рано кукати, газду зобуджати...

(Гол. II, 78).

5. *Соловей и иволга*. Петровочная, стало быть весенняя п. размѣра 5+4 приведенная выше (стр. 28), по поводу припѣва, сблизена там с веснянкою размѣра 5+3 (Чуб. III, 138). Кажется, лучше разсматривать эту п. в другой связи, принимая, что отношеніе в ней соловья и иволги такое же, как ниже соловья и кукушки. По вар. Сахарова (Сказ. Р. н., кн. 3, 262) „Соловей гнѣздо завивает“ т. е. начинает вить, а „Иволга развивает“ (несовѣтует?):

Хоть ты вей, невей, соловей,
Небывать твоему гнѣзду совитому,
Небывать *твоим* (у Терещ. „Иволги“) дѣтям вы-
[вожатым ...

6. *Соловей и кукушка*.

Строгіе и по видимому состоящіе из меньшаго числа слогов малорусскіе (и общеславянскіе) пѣсенные размѣры, весьма помѣстительны, так как то, что в них можно принять за стих, нерѣдко есть полустушиѣ. Стих кончается там, гдѣ напѣв. Т. о. стих веснянок разсматриваемаго здѣсь семейства, $^2(5+4)$ заключает в себѣ 18, а с ненарушающими размѣра растяженіями—20 слогов, т. е. болѣе чѣм гекзаметр. Ср. на Чуб. III, 144—5. Глядя с этой точки, я думаю, что длинная строка многих нынѣшних вр. пѣсень, о 22—3 и болѣе слогах, соответствующая мр. полустушию, произошла от позднѣйших растяженій и вставок, иногда нескрывающих первоначального, болѣе короткаго размѣра. Вот на пр. п., записанная в Трехостровянской стан. З. В. Д., Ф. С. Аврамовым. В нѣкоторых мѣстах предполагаемыя вставки ставлю в [].

„Ты взойди, [солнышко,] солнце [красное взойди] утром
рано,
Обогрѣй, [обсуши доброва] молодца на [нужном] бикетѣ
тѣ [молодца]!

Ты веспой, [мой славный] соловьюшек, [воспой рано
при долин[ушк]ѣ,
Притѣшь, [призабав дѣброва] молодца [при гѣрѣ], при
[большой гѣрѣ] кручин[ушк]ѣ.
Я сам тебѣ, мой славный соловьюшек, со времячком
пригожусь;
Построю тебѣ, [мой славный соловьюшек кле]нову[ю].
кѣтку,
Положу[-ка только положу] тебѣ, [млад соловьюшек,]
золоту [тебѣ] нашѣсточку
[Я] посыплю тебѣ[, мой соловьюшек, я бѣлой — ярой]
пашеницы,
[Я] поставлю тебѣ [напиться, мой славный соловьюшек,]
медовой [сладкой] сытицы“.
—Ненужна[, ненужна[мнѣ [соловьюшку кленовая] твоя
кѣтка,
Ненужна и пр... золотая нашѣсточка,
Ненужна и пр... ярая твоя пашеница,
Ненужна и пр... медовая сытица,
Мнѣ нужна [толичко нужна мнѣ] соловьюшку[, нужна]
своя воля [волюшка]!

Т. о. и в слѣд. вр. в нѣкоторых стихах без натяжки можно усмотрѣть размѣр веснянок и пѣсни о Ксеніи Годуновой:

Кукушечка соловушку журила-бранила:
„Невей ты[, невей] гнѣзд[ышк]о [, невей] при дорожкѣ,
Ты свей [тепло] гнѣздышко [, ты свей] при долинкѣ,
При зеленой [при] травинкѣ, при [мѣлком] лѣсочкѣ:
Никто твое гнѣздышко[, никто] нерозѣрит.

Этот мотив стал запѣвом пѣсни о молодцѣ в темницѣ (Сах., Ск. Р. н., кн. 3, 247 и 225. В послѣдней есть стихи:

[Молодой] соловей [тепло] гнѣздо с(о)вивает...
... Нѣгдѣ мнѣ, соловью[шки], [тепла] гнѣзда свити,
Нѣгдѣ мнѣ [малых] дѣток выводити.

В первой из названных п. запѣв указывает на непред-

усмотрительность, на свою вину, как на причину несчастья, и т. о. умѣряет сочувствіе к пострадавшему.

Запѣв предполагает самостоятельную пѣсню, в родѣ слѣдующих:

А. По рощицѣ Машинька гуляла,
Со правой со рученьки кольцо потеряла,
Со той тоски со досады рощу зажигала.
(ср. стр. 189).

„Гори, гори рошица, гори зеленая!
„Всѣ пеньица—кореньица всѣ вон выгарайте,
„Всѣ пташечки—кинарейки всѣ вон вылетайте!“
Один, один млад соловушек в рощѣ оставался.
Прилетала к соловушку горькая кукушка,
Молодого соловушка журила бранила:
„Уж ты глупый—неразумный молодой соловейко!
„Ты умѣешь, соловейко, только пѣсни пѣти,
„Ты неумѣешь, соловейко, тепла гнѣзда вити!
Уж ты свей-ко гнѣздо при долинѣ, при кусть ра-
икитѣ:

Что никто тоѣ гнѣздышко неразбѣвет,
Малых дѣтушек никто нерозгонит!“

(Варенц. Сб. п. Сам. кр., 43—4).

Б. Дуброва зіяная дубавая!
Па дубровушкі трапінушка ляжала,
Па трапінушкі две девушкі гулялі,
У карманы белаі рукі апушшалі,
Ис карманав крѣмешыкі вынімалі,
Ис крѣмешыкав агонушак вырубалі,
Зялёную дубраву зажыгалі.
Гарі, гарі, дуброва, гарі жарчя!
Все асінкі, бярэзкі пагарелі,
Маладыя дубочкі падапрелі,
Салавыная гнѣздушка згарела:
Салавыная гнѣздушка папялочік,
Салавынаяі детки агулѣчік!

(Щигр. у. запис. М. Е. Халанскій).

Сюда—пословица: „Бор сожгли, а соловушек по гнѣздышку плачет“, Даль¹, 667.

7. *Соловей и сестра (зозуля, перепелка).*

а) Как самостоятельная пѣсня: А, Б, В, Чуб. V, 850—1; Г, отрывок в 5 ст. П. Л. Мр. и Червонор. н. думы и п. Спб. 1836, 84=Ант. и Др., Ист. п., I, 269, А; Д, Метя., 446 = Ант. и Др. ib., 99; Е, Чуб. V, 935; Ж, Ант. и Др. ib. 269, А; З, Чуб. V, 1057. Размѣр 6 + 4 мог произойти из 5 + 4.

Привожу эту пѣсню по А с небольшими измѣненіями по другим вар.

Ой ішли козаки з України,
Стали на попасі край долини,
Викресали огню з оружини,
Та пустили пожар по долині,
Соловѣви діти попалили,
Великого жалю наробили...

... Прилетіла сестра з України:

„Чи я тобі, брате, неказала:

„Немости гніздечка йу лужечку,

„Помости гніздечко йу садочку

„На високім деревку на яворку;

„Ніхто ж того дrevка незрубає,

„Соловѣвих діток незаймає“.

В 1-м ст. вм. „козаки“ — в нѣскольких вар. „чумаки“, в Б—„Ой десь узялись усарини“, что представляет неполное и б. м. случайное сходство с серб. п. выше стр. 189. Сестра в Б—зозуля, в З—перепелка. В послѣднем козаки запалили дуброву (ср. выше),

Та одна діброва негоріла,

Соловейкові крильця посмалила.

Перепелка говорит:

ІАІ чи я тобі, брате, неказала:

Небгай же гніздечка у діброві,

А зобгай гніздечко [у степу] край дороги,

что б будить проѣзжих чумаков. Она даст самодовольные, т. наз. совѣтчиками, благоразумные, хотя поздніе и во

всяком случаѣ неисполнимые совѣты, примѣняясь к себѣ.

Вар. В, Е, Ж, опускаая разговор соловья и сестры, расширяют цѣпь причин и слѣдствій, круговой поруки бѣды и горя:

Із за гори вітер повіває,
Та чорную хмару наганяє,
Та се дрібен дощик накрапає,
Та синього моря доповняє.
Що синее море розигралось,
Турецький карабель розірвало
(в. По синьому морю хвиля грає,
Козацький карабличок розбиває)
Сорок тисяч війська витопляє.

Здѣсь вар. Е объясняет связь с дальнѣйшими ст.:

Чотири тисячі їна берегї вихожає.
Ой їхали вони з України,
Попутали коні у долині
Сами посідали на могили,
Викресали огню з оружини,
Роспустили пожар по долині и пр.

Противорѣчіе между вар. называющими корабль то турецким, то козацким, или, в вар. Е, между тѣм, что разбивается турецкій корабль, а „сорок тысяч козаченьків потопает“ может примиряться так или иначе. Или так, что воспользовавшись крушеніем, спасаются козаки, бывшіе гребцами на турецкой каторгѣ; или так, что козаки взяли турецкій корабль, потом потерпѣли крушеніе. Как бы ни было, я думаю, вопреки мнѣнію Ант. и Др. I, 270, что 1-е 3 ст. вар. Ж (Ант. и Д. ів. 269, А) и Д принадлежат не думѣ в тѣсном смыслѣ, а пѣснѣ с основным размѣром 5 + 4 или 6 + 4, и что сочетаніе бури на морѣ, погаса и пожара, попавившаго соловья, есть дѣло художественнаго умысла.

β. Таже пѣсня как запѣв. Выше мы видѣли, что вр. п. о соловьѣ и кукушкѣ становится запѣвом о молодцѣ в темницѣ. Таким же образом пѣснѣ невольной разлукѣ козака с домом (Гомін, гомін) предпосылается запѣв:

Зажуритця соколонько:

„Бідна ж моя головонько,

„Що я рано с вир'я вийшов...

Пісню:

Ой йшла вдова долиною

Из малою дитиною...

(Орел утїшаєт сарказмом:)

Неплач, вдово, нежурися...

Бо я твого мужа знаю,

На чорний чуб наступаю,

З лоба очи видираю...

нїкоторые вар. починають с запїва:

Ой непугай пугаченьку

В зеленому байраченьку.

— Ой як мені непугати?

Що все гори та байраки,

Нігде в світі проживати;

Нігде ж мені гнізда звити

(Чуб. V, 806—7).

По тому же художественному приему, самостоятельной піснї про брата и сестер с неодинаковою долею (Чуб. V, 916—7, N 482 Б 483) подчиняється, как запїв, вышерассмотрїнная п. (Чуб. V, 915—6, N 482 А; Метл. 369—70, с небольшими измїненїями по вышеупомянутым вар.):

Ой йшли чумаки з україни и пр.

... Попалили діти солов'їни.

Стали соловейки щебетати,

Стали бурлаченьку (зіс вм. -ньку) проклинати.

За тїм, как бы без связи с предыдущим:

Ой нарву я хмелю зеленого,

Накладу я вогню жаркенського,

Та наварю пива п'яненського,

Та назову сестру багатую,

А вбога-небога сама прийде;

Посажу багату в кінці стола,

А вбогу-небогу край порога;

Напою багату медом—вином,

А вбогу-небогу гірким пивом.

Стала сестра сестру частувати,

Стала сестра сестрі вимишляти:

„Сестро ж моя, сестро убогая!

„Коли б ти, сестро, така як я,

„То-б ти сиділа, де тепер я,

„Коли-б ти, сестро, так робила,

„Ти-б в таких латах неходила.

„Що я раненько уставаю,

„Пó два починки напрядую,

„Та свої скрині наповняю,

„Та свої діти зодягаю“.

— Сестро-ж моя, сестро богатая!

Що я раній тебе уставаю,

По три починки напрядую,

Та чужі скрині наповняю,

Та чужі діти зодягаю!

Здѣсь, как и в построенной аналогично с этою пѣснѣ „Ой кудро“ (см. выше)—стремленіе возвыситься от созерцанія личной участи к болѣе широкому и весьма мрачному міросозерцанію. Личная доля ставится на міровую сцену, при обозрѣніи которой можно в ряду причин и слѣдствій найти отвѣтъ на вопрос „почему“, нѣтъ отвѣта на вопрос „для чего“ и находится отрицательный отвѣтъ на вопрос „за что“. Родственнаго воззрѣнія надобно искать не в христіанствѣ.

Друзья Іова смотрят на его несчастье лишь как на слѣдствіе извѣстных причин: „Поднимается ли тростник без влаги? растет ли камыш без воды?“ Іов 8, 5. „Вспомни же, погибал ли кто невинный и гдѣ праведные бывали искореняемы?“ ів. 4, 7. Сам Іов, конечно, не отвергает того, что тростник нерстет без влаги, но он не может успокоиться на этом: „Он губит непорочнаго и виновнаго“, ів. 9, 27. „Земля отдана в руки нечестивых“ ів. 9, 24. „Если же я (и) виновен, то для чего напрасно томлюсь?“ ів. 9, 29. „Он не человек, как я, чтобы я мог отвѣчать ему и ити вмѣстѣ с ним на суд“, ів. 9, 32.

„Нѣтъ между нами посредника, который бы положил руку на обоих нас“ *ib.* 9, 35. С этой точки нѣтъ примиренія между *почему, за что и для чего.*

Экклесіаст говорит: „Вот еще какую мудрость видѣлъ я под солнцем, и она показалаь мнѣ важною: Город мал и людей в нем немного; к нему подступил великій царь, и обложил его, и произвел против него большія осадныя работы; но в нем нашелся мудрый бѣднякъ, и он спас своею мудростью этот город; и однако никто не вспомнил об этом бѣднякѣ. И сказал я: мудрость лучше силы, и однако мудрость бѣдняка пренебрегается и слов его не слушают“. Экклес. 9, 13—6. „И обратился я и видѣлъ под солнцем, что не проворным достается успѣшный бѣг, не храбрым побѣда, не мудрым хлѣб, и не у разумных богатство и не искусным благорасположеніе; но время и случай для всѣх их. Ибо человек не знает своего времени. Как рыбы попадают в пагубную сѣть и как птицы—в силки; так сыны человѣческіе уловляются в бѣдственное время, когда оно нежданно находит на них“, *ib.* 9, 11—2.

Дополненія.

К стр. 16. К этому *стадо*, сходка для игры, хоро-
водов, а не к *стадо* грех, может относиться названіе
мѣстности (площади, потом застроенной) в стар. Псковѣ:
„въ лѣто 7040 бысть моръ во Псковѣ; тогда мѣа Авгу-
ста 15 погорѣ *Стадище*“ (собств. мѣсто гдѣ „стадо“) за
Варламомъ“, Пск. I, П. С. Р. л. IV, 298.

К стр. 25. С „игрища *утолочена*“ ср. стар. *толока*
в см. игрища, не без основанія осуждавшагося христіян-
ским благонавіем. В „Уставѣ Св. кн. Владимира . . . о цер-
ковных судах: „аже дѣвку умолвить кто къ себѣ и *дасть*
въ толоку, на умољницы (=с подговорившаго) епископу
3 гривны серебра, а дѣвицѣ за соромѣ три гривны сере-
бра, а на толочныхъ (с толочан, участников в толокѣ) по
рублю, а князь казнить“, Соф. I л., П. С. Р. л., VI, 85.
Невѣроятно, чтобы рѣчь шла о толокѣ (помочах) для работ.

К стр. 51, 59 („солнце метет“). Ср. в „Pentamerone“
G. Basile: „едва солнце рисою метелкою своих лу-
чей успѣло смести сажу ночи, как он . . .“ (перев. Либрех-
та, I, 129); „Как скоро солнце смело своим золотым вѣ-
ником сор тьмы с полей, окропленных утреннею росю,

Кола Маттеи взяв корзину... ів. 194.

К стр. 138. Сонце или зоря стелет красную ткань, сыплет золото, серебро. Ср. у Квитки („Маруся“): „Ось и зачервоніло на тій дорозі, де ёму (сонцю) треба йти, и розисладось мов сукно, як кармазин красне; далі неначе срібні цвітки по нёму хто посипавъ, а тут и увесь путь став мов золотим піском по червоному полю посипаний. Зазолотились и верхівья дерева по лісам, и ось золотий по них пісок сыплетця по дереву нижче, усе нижче. Стало винирять (=виринать) з-за землі... що? И світ, и огонь, и краса!“

К стр. 138—40. *Снода*. Возможно другое, м. б. болѣе вѣроятное объяснение этого слова. Это — искажение поль. *snoda*. Бѣль (пряжа) как символ дѣвства, названа „цнота тонкая“, от *snoda* честь, дѣвичья честь — дѣвство, *sinapis virginis*, при чем к *цнота* отнесен эпитет бѣли. Таким же образом в свадебной п. *цнота* (откуда искажение *сноток* вм. *цнотку*) замѣнила другой символ дѣвства, калину. Ср.

Темного лугу калина,
Доброго батька дитина:
Хоть вона по ночам ходила,
Та при собі калину носила;
Куцовали купці, непродала,
Проходили хлопці, недала,
Шовком ніженьки звязала,
Для свого друга держала;
„А мій Івашко розограв,
„Шовку ниточку розирвав.

(Чуб. IV, 451—2),

с вар. Г (ів.):

По ночам неходила,
Своєї цноти незгубила и пр.

и вар. А:

... по ночам неходила
При собі *сноток* носила и пр.

Указатель.

I.

— Поэтический образ (символ): способ распределения образов 41—2; представление даннаго преданіем образа личным воспріятіем, 7, 9, 10, 11; превращеніе символа лица в обстановку 160—1, 179—80, 242.

— *Размѣр*. Распределение пѣсень по размѣрам 45—6. Растяженіе размѣра 261. Устойчивость размѣров 46, 48, 73, 260.

Размѣры (4+3+3) и (4+3): 47—8, 50, 52, 88, 116, 131, 149, 152—4, 163, 166—7, 186—7, 221.

Размѣр (4+4+3+3): 54.

Размѣр (4+4): 76—8, 83—90, 95—6, 141—2, 157—8, 166—7, 195, 222—4, 228—30, 234.

Размѣр (5+3): 71—2, 73—4, 138, 154—5, 160—2, 164—5, 168, 178—88, 192, 194—5, 214—6, 243—4.

Размѣр (5+3+3): 182, 232.

„ (5+4): 230—67.

„ (6+6): 19, 24, 27—8, 116—7, 122—3, 188—9, 206—7, 210, 212, 221, 259, 260.

Размѣр (5+5): 75, 136—7, 190, 208—9, 245, 259.

— *Запѣв* 160, 215—6, 235, 237, 247, 262, 265—7.

— *Припѣв* 16 сл.

— *Величальныя пѣсни*: 61, 68, 73—4, 76—8, 83—92, 132, 134, 136—7, 149—50, 157.

II. Слова (косым шрифтом) и образы.

алконост 254—5.

береза 245—6, 248—9.

Бог 100; *богоданный*, *богдан* 99.

- бондарь 10.
бочка 8—9.
братъ лен, конопля 43.
бѣль бѣлить, сукать 139—40, 177—8; ср. шнур су-
кать, серб. гајтан плести, 140—2; 10.
верба 152 сл., 155—60, 300; верба над водою 240—2;
247; „вербовая дощечка“ 152 сл., 186.
„вито кале“ и пр. 84—5.
вода, ходить (и „грати конем“) над водою 225—7.
волы в плугѣ 42.
ворота 45, 48, 53—7, 65, 69, 74—5; трое ворот
75—7, 79, 92—3; отпирать ворота 55, 93, 169—70; см.
ключь.
вѣдро и дно 3, 6—7, 9—10.
вѣник 51.
вѣнок вить 143; вѣнком воду носить 185; вѣнок то-
нет, всплывает 206, 210.
вѣтер 48—9.
гасить 178 сл.
горѣть („палати“, огонь, пожар) 79—80, 172—89;
„в горюдуба“ 176—7; см. также дуб, дуброва, калина, ли-
па, роза, сосна.
„град“ (замок) ни на небѣ ни на землѣ 78—9; ср. 104.
гусли 12, 213—6.
густи 154, 215.
дно см. вѣдро, сопѣлка.
дивина 156.
диди-ладо 20, 24—7, 29; дидикать 29.
доля „божая и батькова“ 99—101; доля тонет 103;
доля и зоря 100—5.
дуб горит 139, 177, 232; дуб при дорогѣ 240.
дуброва горит 153, 176, 183—9.
дым 175—6.
дѣвица тонет 70—2, 190—221.
ель 248.
жар—жаль 174—5.
жать жито 43—4.

- жемчуг 160—4.
замѣк 125.
зимородок 253.
зозуля, кукушка 260—2.
золото (жемчуг) разсыпать 160—9.
зоря, ключи, роса, мед 94 сл.; зоря пляшет 97; зоря
даєт долю 99—103.
играть на гуслях и пр. 11—3, 217.
йти вниз 4—5.
калина 60, 156, 242—4; калина горит 179; калино-
вый мост 146—7, 179.
камень 171.
кипѣть 173.
кладка 135, 145.
клониться (хилитись) 4—5.
ключ 125, 202 — 3; ключи, замыканье, отмыканье
94—9, 103—6, 107—8, 123—4.
кола i rozwoга 10.
колесо 153—5.
колыска (люлька, рель) 199—201.
конопли см. брать.
краса 114—6, 122—3, 156.
кресло 62.
кульбаба 155.
курить, курно 175.
лада, ладо 23—38; ладкати 31—2.
Лайма 64, 102—3.
laliiti, lalauninkas, лит. 20.
лелляти 22.
лелю и пр. 16—20, 21, 29, 30.
лен см. брать.
ligo, ligot, лот. 23.
липа горит 180—1; л. тонет 195.
лист 159.
люли 22; люляти и пр. 22—3.
лють 113.
мести, метелка 51, 59, 242.

мизинец 57.

море: отсылать за море болѣзни 82; 104.

мороз 113, 231.

мост мостить 127—45, 149—51; ити, переводить через мост 145—9.

мыть ноги 144—235.

мѣсяц мертвец 80—1, 109.

нить 5—6.

огонь см. горѣть.

орать см. волны.

озеро (скользкое) 91.

палить см. горѣть.

паутина 3.

перепелка 259—60.

перстень 55, 68—70, 73, 153, 170—1, 213.

пить 173—4.

платье (краса, любовь) 115, 118.

плести см. бѣль.

пожар см. горѣть.

полелю 17—8.

полой 17—8.

порой 17—8.

постать 97.

против 45, 26.

прясть 142.

пѣсни в решетѣ, клубкѣ, скринѣ 118; пѣсни—соколы—цвѣты *ib.*

развиваться 49—50, 158—9, 243.

разсыпать см. золото.

ремез 251—3.

решетом воду носить 183—8.

роза 109—11; р. горит 182.

роты (три) 32—5.

роса и зоря 93—8; роса—коса—краса 111—3, 185, 209; роса—мед 114 сл.; роса правда 182.

сад садить 41.

свиваться, прививаться к чему 3—6; вить, сучить см. бѣль.

свѣча („засвѣчу я свѣчку, перебреду рѣчку“) 196—8.

скрип дерева 160—1.

скрипка и струны 12.

смеркач 108.

снода, слюда 138—40 и Дополн. п.

собирать разсыпанное 160—70.

сокол выносит дѣвичью красу 116—23; разсыпает, похищает жемчуг 167—9.

солнце (в. солнцева дочь) бредет по морю, тонет, 67—8, 70, 102—3, 109; купается 191—4; дарит лѣса 66, 68—9; солнце—колесо 154; солнце—дерево: верба и пр. 154 сл.; солнце видит 153 сл.; закат солнца 66—7, 78—82; солнце вѣет вѣнок 64—7; солнце лѣтнее, зимнее 62—3; служанка солнца 63; см. жести, колесо, яблоко, яйцо, челнок.

соловей 261—7.

сопѣлка и дно 11.

сосна 248; сосна горит 181.

ситригні, лот. 249.

сушиться 230.

стадо, стадище 16 и дополн. 1.

сынку (о дочери) 192.

сѣять 39, 40—2.

тарелка 61.

течь 4.

ткать 142.

токъ, токовать 25.

толока

толщице 16, 25.

тонуть см. вѣнок, доля, дѣвица, липа, солнце.

тополя 49—50.

топтать 44.

трава (косить и пр.) 249.

утираться 148.

„на утори слаба“ 10.

халява 9.

церковь 64—5, 76, 144.

чайка 258—9.

чаша 7—8.

челнок 58—9.

червец 163.

шнурки 140—2, ср. 10.

яблоко 58—61, 64—5, 168—9.

явор 156—241.

яйцо 58—60.

ящер 27.

ОПЕЧАТКИ.

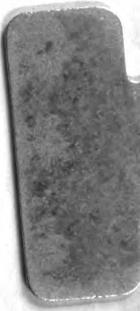
<i>Стрц.</i>	<i>Стрк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
9	13	стр. 210	стр. 2
14	17	а то,	говорится не это, а то,
—	19	созръня	созръванья
19	1	Діев	Діев
—	25	неудату з	неудату 3
21	6—7	изношонный	изношенный
—	23	припѣу	припѣву
22	28	лѣл-ѣ-яти	лел-ѣ-яти
23	26	(в Черн. горѣ)	(в Черн. Горѣ)
—	37	труба, ка	труба, -ка,
34	37	і ржуць	іржуць,
39	4—5	чистити,	чистили,
42	11	Плугатири	Плугатирі
55	31	мгра	игра
58	13	metajūt	metajūt
60	38	но оно	но она
61	7 и 8	покотилося	покотилася
62	30	(лѣтнее	(лѣтнее)
68	19	Возможн,	Возможно,
73	31	стр. 76)	стр. 70)
79	4	(стр. 65)	(стр. 75)
—	7	Што си	Што су
—	8	151)	151)
81	32	и слнце	(и) сѣнце
—	37	явлющи	являющи
82	23	изложен“	излажен“
—	24—5	протошниц	притошниц
—	31	in duga-	induga-
83	27	сироти	спроти
85	29—30	саовила	самовила
90	18	дівно	дивно
97	33	(=си)	(=цу)

Стрц.	Стрк.	Напечатано:	Должно быть:
98	38	(ligamiŋa,	(ligawiŋa,
99	2	(не помѣта)	(не помѣха)
102	29	99)	64—5)
111	9	Исус	Исус бредет
—	10)бредут	бредут)
—	14	94)	96)
113	25—6	54—5	48—9
114	23	Вишци ѣу	Вишциѣу
115	5	Парубацькая	Парубоцькая
—	7	в дѣгги	в дѣгги
116	16	тернянком	тернянком
117	1	кокол.	кокол.
122	28	пѣсня?)	пѣсни?)
—	—	Гуинледоу	Гуинледоу
128	27	58)	52, 64)
143	10	ѣи	ѣи
—	16	сваше	сваше .
144	3	137)	132)
—	28	также	так же, т. е. заим- ствованіем
—	30	т стар	те стар
152	16	(185	(48
162	27	наберець	паберець
169	19	Giambattista.. Pen- tamenoul	Giambattista.. Penta- merone
195	15	177, 179—80	180—2
199	37	свѣвуютъ“	спѣвуютъ“
202	35	198)	197—8
203	11	(176—80)	(191)
206	6	тот	той
—	33	броу	броду
210	28	віночек	віночек
215	33	(См.	(Ст.
223	22	Анюшачка	Анюшачка
228	33	носѣт	носѣт
229	18	кладат	кладат
235	33	140,	139 и пр.
236	7	а ргіогі	а ротіогі
—	22	позаливая	позаливай
251	4	3+4	5+4
257	1	птицами	птенцами
261	23	на Чуб.	на пр. Чуб.

<i>Стр.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
262	15	ненужна[ненужна]
263	9	рощина	рошица
—	20	тоё	твоё
—	29	дубраву	дуброву
264	36	даст	даёт
266	28	вм. -нѣку	вм. -нѣкув
268	13	солнцем	солнцем

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. Малорусскія пѣсенныя выраженія мысли „что к чему идет“, „что к чему пристало“	1
II. Делю-полелю, диди-ладо	16
III. Веснянки размѣра (4+3+3) и (5+3) и др. средня пѣсни.	39
1. Сѣянье проса	39
2. Ворота	45
3. Воротарь	55
4. Мосты	127
5. Вербовая дощечка	152
6. Горѣть, горюдуб и пр.	172
7. Дѣвица тонет	190
IV. Веснянки (Петровочныя, Купальскія) размѣра (5+4). 231	
Дополненія.	
Указатель.	
Опечатки.	

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA

3 0112 064234666